

96

*Възнаемъ
этимъ
2ав*

ТРИ ДНЯ ВОЗСТАНІЯ ВЪ СВЕАБОРГЪ

9-В-№ 2436

Штабсъ-Капитанъ
С. А. ЦІОНЪ

Книгоиздательство
„ФУГАСЪ“

ГЕЛЬСИНГФОРСЪ }
Тип. Теннисонъ }
1907

*неблизко
СВЪ
Почтамтская, №13.*

Цѣна 65 коп.

ТРИ ДНЯ ВОЗСТАНИЯ ВЪ СВЕАБОРГЪ

Tri dnia wzstania w Sweaborgu

Штабсъ-Капитанъ

С. А. ЦІОНЪ

S. A. Tsion

Вы жертвою пали въ борьбѣ роковой
Любви беззаветной къ народу,
Вы отдали все, что могли за него,
За жизнь его, честь и свободу.

Прощайте-же, братья, Вы честно
прошли
Вашъ доблестный путь . . . благородный.

Пох. имня.

Иди въ огонь за честь отличны,
За убѣжденъе, за любовь,
Иди и гини безупречно,
Падешъ не даромъ; дѣло прочно,
Когда подъ нимъ струится кровь.

Некрасовъ.

Впередъ безъ страха и сомнѣнья
На подвигъ доблестный, друзья!

П. Щеголовъ.

Смокли честные, доблестно павшіе,
Смокли ихъ голоса одинокіе
За несчастный народъ вопіяшіе.
Только слышно

Какъ на груди великана убитого
Кровожадныхъ птицы слетаются,
Ядовитые гады сползаются.

Некрасовъ.

Здѣсь, умирая въ казематѣ
Мы завѣщаемъ всѣмъ друзьямъ
За муки бѣднаго народа
Отмстить врагамъ!

Когда-жъ блеснетъ заря спасенья
Настанетъ братства свѣтлый часъ
Въ счастливой жизни вспомните
Друзья и насъ!

Ведвобчанинъ.

11-3-64

*Посвящается памяти доблестныхъ
героевъ-мучениковъ: офицеровъ Арк.
Петр. Емельянова, Евг. Льв. Кохан-
скаго, артиллеристовъ солдатъ Вино-
градова, Иванова, Дѣтинича и Соко-
лова, именъ которыхъ, къ сожалѣнію,
я не знаю.*

Авторъ.

№ 2438

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Эта брошюра посвящается мною моимъ безвременно погибшимъ за святое дѣло освобожденія народа товарищамъ: Аркадію Петровичу Емельянову, Евгенію Львовичу Коханскому и пятерымъ артиллеристамъ, павшимъ подъ пулями правительственныхъ палачей.

Да будетъ вамъ земля пухомъ и пусть память о васъ послужитъ назидательнымъ примѣромъ для всѣхъ будущихъ работниковъ на нивѣ освобожденія народа отъ цѣпей империализма и капиталистическаго гнета.

«Тогда» — какъ говоритъ Элизе Реклю въ своемъ предисловіи «Хлѣбъ и Воля» Крапоткина, — «навѣрное будутъ изрѣдка вспоминать имена тѣхъ, которые своей преданной пропагандой, несмотря на изгнаніе и тюрьму, готовили новое общество.... Они почувствуютъ себя, можетъ быть, немного сильнѣе, когда получатъ этотъ привѣтъ общей нашей мысли сквозь рѣшетки своихъ тюремъ или въ изгнаніи».

Далѣе эта брошюра имѣетъ цѣлью дать вѣрное представленіе о всѣхъ происшедшихъ въ славные дни свеабургскаго возстанія событіяхъ, поскольку таковыя стали мнѣ извѣстны, которые отчасти были замолчаны по приказанію выше, отчасти представлены въ совершенно превратномъ видѣ.

Пусть изложенные мною факты помогутъ товарищамъ въ будущей работѣ избѣгать тѣхъ ошибокъ, которыя сдѣлали мы.

Главная наша вина дезорганизованность и отсутствіе единства дѣйствій руководящаго коллектива.

Обратить на это вниманіе и является также цѣлью моей брошюры.

Наконецъ послѣдняя цѣль, это доказать русскому правительству, что, подавивъ возстаніе, оно не подавило нашъ духъ, что онъ попрежнему бодръ и готовъ воплотиться для новыхъ жертвъ и новой борьбы.

Принося сердечную благодарность всѣмъ лицамъ, имена которыхъ я не опубликовываю по весьма понятнымъ причинамъ, доставившимъ мнѣ свѣдѣнія и материалъ, я въ тоже время прошу снисхожденія читателей къ выполнению поставленной мною себѣ задачи, ибо брошюра эта писалась едва-ли не въ самое тяжелое время моей жизни.

Авторъ.

1.

Краткій историческій очеркъ Свеаборга.

Крѣпость Свеаборгъ построена въ 1749 году извѣстнымъ шведскимъ адмираломъ Августомъ Эренсвердъ. Расположенная первоначально на 7 островахъ, она предназначена была служить защитою Гельсингфорса со стороны моря и стоянкой шведской шхерной эскадры въ финскомъ заливѣ. Крѣпость эта получила прозваніе «Сѣвернаго Гибралтара» и считалась неприступной. Дѣйствительно, массивныя стѣны ея, уцѣлѣвшія и до сихъ поръ, способныя противостоятъ даже современному огню стальной артиллеріи и пироксилиновымъ снарядамъ, даютъ полное право предполагать, что мнѣніе о неприступности Свеаборга не было преувеличеннымъ.

И, однако, она очутилась въ русскихъ рукахъ, но взята она была не силою войскъ, а силою золота.

Имѣя гарнизонъ въ 6000 человекъ, защищенная 2000 пушекъ, обладая запасами провіанта на цѣлый годъ, эта крѣпость безъ сомнѣнія могла держаться безъ особаго труда и явиться опорной базой для всей шведской арміи въ Финляндіи. Второго марта 1808 г. русскія войска подошли къ Свеаборгу, заняли Гельсингфорсъ и начали бомбардировку. Крѣпостью командовалъ въ то время адмиралъ К. О. Кронстедтъ, человекъ слабого характера, находившійся всецѣло подъ вліяніемъ своего шурина полковника Ф. А. Іегерхорнъ.

Осада велась съ русской стороны подъ руководствомъ генерала фонъ-Сухтеленъ, въ распоряженіи котораго находилось 10.000 солдатъ при 46 орудіяхъ. Взять при такихъ средствахъ осады такую твердыню какъ Свеаборгъ казалось полною невозможностью. Но Сухтелену удалось провѣдать про то, что Кронстедтъ ненавидѣлъ Густава Адольфа, да и кромѣ того не разъ высказывалъ сомнѣніе въ возможности удержать Финляндію въ шведскихъ рукахъ, а Іегерхорнъ былъ ему знакомъ по брату, игравшему роль въ событіяхъ 1788 года и бѣжавшему затѣмъ въ Россію. Сухтеленъ завязалъ переговоры съ ними и черезъ нѣсколько

дней Кронстедтъ, поддержанный Йегерхорномъ, созвалъ военный совѣтъ, сдѣлалъ завѣдомо ложное донесеніе о числѣ русскихъ войскъ и одержанныхъ ими побѣдахъ въ другихъ частяхъ Финляндіи и предложилъ присланные командующимъ русскими войсками условія сдачи. 6 апрѣля была подписана капитуляція, въ силу которой три главныхъ укрѣпленія немедленно по вступленіи въ силу капитуляціонныхъ условій занимались русскими войсками, а крѣпость со всѣми запасами, боевымъ комплектомъ и частью расположеннаго подъ крѣпостью флота въ количествѣ 110 судовъ, всѣми магазинами, пороховыми погребами и орудіями имѣла быть сдана 3 мая. Въ договорѣ было упомянуто, что извѣстіе объ этомъ должно быть передано королю, но русскіе задержали курьера такъ, что онъ прибылъ въ Стокгольмъ лишь въ день сдачи—3 мая. Гарнизонъ крѣпости, узнавъ про капитуляціонный договоръ, не хотѣлъ вѣрить въ его дѣйствительность, полагая, что это только своеобразная военная хитрость, имѣвшая цѣлью лишь выиграть время. Но когда увидѣли, что несмотря на то, что съ русской стороны происходило много мелкихъ нарушеній договора, Кронстедтъ все же приступаетъ къ выполненію его, то между офицерскою молодежью возникла мысль о необходимости арестовать этого генерала. Однако, не нашлось ни одного, «кто бы могъ взять въ свои руки инициативу предпріятія», и 3 мая произошла неслыханная въ военной исторіи сдача, съ которой можетъ быть развѣ только сравнена сдача Меца французами въ 1871 году.

Легко можно себѣ представить, съ какими чувствами обманутый гарнизонъ подчинился этому акту безчестія.

Командиръ, во избѣжаніе горестныхъ для себя послѣдствій отъ ярости подчиненныхъ, вынужденъ былъ окружить себя особой охраной; солдаты, рыдая, бросали свои ружья, чтобы не испытать срама передачи ихъ неприятелю.

Кронстедтъ и Йегерхорнъ были отданы шведскимъ правительствомъ подъ судъ, но бѣжали въ Россію и отдались подъ защиту русскаго самодержавія. Ихъ доблестный поступокъ былъ оцѣненъ по достоинству ихъ новымъ повелителемъ. Йегерхорнъ получилъ высокое назначеніе, а Кронстедтъ 50.000 ринсдалеровъ въ видѣ возмѣщенія за понесенныя потери и ежегодную пенсію въ 4.500 ринсдалеровъ. Такъ кончился первый актъ вступленія крѣпости Свеаборгъ на историческое поприще.

Цѣлыя сорокъ лѣтъ вслѣдъ за тѣмъ вплоть до знаменитой Крымской кампаніи крѣпость Свеаборгъ не играла никакой вид-

ной роли и только въ 1855 году ей снова суждено было стать ареной кровавыхъ событій.

До начала крымской кампаніи на эту крѣпость совершенно не обращали вниманія. Поэтому 1855 годъ нашелъ ее въ томъ же положеніи, какое было по словамъ М. Цебриковой въ Кронштадтѣ.

«Форты были защищены только старыми пушками, крупный процентъ которыхъ былъ въ раковинахъ отъ ржавчины. Стрѣляли онѣ на небольшое сравнительно разстояніе, а прислуга была плохо обучена стрѣльбѣ».

Втеченіе 1854 и начала 1855 года въ крѣпость одинъ за другимъ посылались генералы, изъ которыхъ каждый желалъ заслужить высочайшую благодарность и поэтому неизмѣнно критиковалъ и уничтожалъ всѣ мѣропріятія своего предшественника, какъ бы цѣлесообразны они на самомъ бы дѣлѣ ни были.

Кромѣ того въ канцеляріяхъ шла характерная для николаевской эпохи волокита.

Одинъ изъ эпизодовъ этой волокиты описанъ А. Фетомъ-Песошнымъ. Пришлось ему разъ ѣхать изъ Петербурга къ мѣсту служенія въ Остзейскій край. По дорогѣ ему встрѣтился засѣвшій въ сугробѣ обозъ съ санями.

— «Куда это вы, братцы?»—спросилъ я обознаго солдата.

— Осадныя орудія изъ Свеаборга въ Ригу веземъ».

Версты черезъ четыре, обгоняемъ новый обозъ съ красными флагами.

«Куда—вы?» Изъ Свеаборга въ Ригу порохъ доставляемъ».

Черезъ нѣсколько верстъ попадаются навстрѣчу такіе-же обозы, везущіе осадныя орудія изъ Риги въ Свеаборгъ. Ясно, что люди и лошади надрывались вслѣдствіе канцелярской неурядицы.

Передъ самымъ приходомъ непріятельской эскадры Свеаборгскія верфи осматривались великимъ княземъ Николаемъ Николаевичемъ, который остался очень недоволенъ состояніемъ крѣпости, ибо, какъ значитъ въ отданномъ приказѣ: «орудія не ворочались, лафеты не откатывались и рамы не поворачивались *). Прислуга дѣйствию не была обучена за краткимъ срокомъ постановки орудій».

*) Цитирую на память.

Солдаты были буквально сбиты съ ногъ работой, продолжавшейся день и ночь и состоявшей въ толченіи воды въ ступѣ. Ибо, что сегодня воздвигалось, то завтра сносилося. Если вспомнить при этомъ тѣ мѣры воздѣйствій, которыми въ то время принято было поддерживать энергію солдатъ и которые заслужили царю, изобрѣтателю и вдохновителю этихъ мѣръ, вполне справедливое прозваніе: «Николая Палкина»,—то мы получимъ довольно ясное представленіе о состояніи вооруженія и гарнизона во время появленія передъ Свеаборгомъ англо-французскаго флота. Генералъ Бородкинъ, истинно русскій человекъ и одинъ изъ самыхъ почетныхъ членовъ Русскаго Собранія, такъ описываетъ событія 28—29 іюля 1855 года*):

«Въ семь часовъ утра въ четвергъ 28 іюля съ непріятельскихъ судовъ сперва донеслось до горы Обсерваторія пѣніе псалма, а затѣмъ съ красиваго адмиральскаго корабля съ бѣлой трубой «Веллингтонъ» раздался сигнальный боевой выстрѣлъ. Началась осада Свеаборга и грозная картина боя начала постепенно развертываться.

Въ крѣпости слышались звуки тревоги, т. е. загремѣли призывные барабаны и трубы; солдаты быстро побѣжали къ своимъ мѣстамъ. Первые выстрѣлы были направлены на западную часть крѣпости отъ Вестеръ-Свартъ-э (Стрѣлковаго) до батареи въ Брунсгарфѣ. Сто орудійныхъ жерлъ ежеминутно выбрасывали тяжелые смертоносные снаряды въ одну и ту же неподвижную цѣль. Свистъ ядеръ и пуль, трескъ лопавшихся бомбъ и грохотъ орудій продолжались затѣмъ непрерывно 45 часовъ кряду! Во все время бомбардированія стояла прекрасная лѣтняя погода. Незначительный вѣтеръ дулъ по направленію крѣпости, отчего Свеаборгъ скоро окутался густымъ пороховымъ дымомъ, изъ котораго изрѣдка мелькалъ огонь орудій, а вскорѣ показались длинныя языки пожаровъ. Первый пожаръ начался въ 10 часовъ утра на Лилла-Остеръ-Свартъ-э (Госпитальный), а въ 12 часовъ дня послѣдовалъ страшный взрывъ 4 бомбовыхъ складовъ на Густавъ-Свердѣ (Артиллерійскомъ). Крѣпость переживала критическія моменты. Но и тутъ къ счастью снаряды были взорваны не всѣ сразу, а пирамидами послѣдовательно втеченіе трехъ минутъ. «По особой милости Божіей», сообщалъ комендантъ: «вредъ, причиненный

*) Война 1854—55 гг. на финскомъ побережьѣ. Спб. 1904, стр. 296 и слѣдующая.

взрывомъ, состоялъ въ одномъ убитомъ и трехъ раненыхъ нижнихъ чинахъ». Крѣпость запылала въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Подъ первымъ впечатлѣніемъ генераль Бергъ телеграфировалъ гр. Граббе въ Ревель: «пожары, произведенные въ Свеаборгѣ, ужасны».

При видѣ этихъ послѣдствій своей стрѣльбы непріятель ликовалъ и вся линія его судовъ оглашалась радостными криками. Обороняющіеся-же, стоя среди дыма и огня, тушили и отстрѣливались, не теряя мужества. Такимъ образомъ и флотъ, и крѣпость дышали огнемъ и гремѣли выстрѣлами. Видно было, что непріателемъ руководило желаніе съжечь крѣпость, оставаясь внѣ нашихъ выстрѣловъ, такъ какъ ни одинъ корабль его не находился ближе 2000 ярдовъ отъ крѣпости, а большинство мортирныхъ ботовъ—даже за 3000 (3700) ярдовъ. Предусмотрительность англичанъ простиралась такъ далеко, что большія свои суда они поставили позади, чтобы охранить ихъ отъ всякихъ поврежденій. Стрѣлявшія-же канонерскія лодки находились въ постоянномъ движеніи по кругу, чтобы возможно болѣе застраховать себя отъ ядеръ крѣпости. И дѣйствительно, при такихъ условіяхъ, шансы попаданій для нашей артиллеріи были весьма малы.

Бомбарды стояли въ шеренгахъ. Всѣхъ бомбардъ по показаніямъ однихъ было 16 по утвержденію другихъ 21, (въ томъ числѣ пять французскихъ).

Главнымъ оружіемъ, на которое болѣе всего возлагали надежды, были мортиры, поставленныя на специально для того построеныя царусныя мортирныя суда. Канонерскія лодки, вооруженныя, вѣжотся, одной или двумя гаубицами большого калибра представляли слѣдующее орудіе атаки. Бомбарды были привязаны (на канатахъ въ 400 сажень) къ пароходамъ, стоявшимъ на якоряхъ. Эта предосторожность имѣла въ виду подачу скорой помощи: въ случаѣ надобности ихъ могли оттащить назадъ. Четыре англійскихъ буксира были поставлены между кораблями и бомбардами также для подачи помощи.

Канонерскія лодки—это застрѣльщики въ бою и естественные покровители бомбардъ. Роль бомбардъ—осыпать непріятельскую крѣпость навѣсными выстрѣлами...

Издѣка непріятель дѣлалъ попытку приблизиться на канонерскихъ лодкахъ къ крѣпости, но въ этихъ случаяхъ его не отпугивали безнаказаннымъ. Множество обломковъ, принесенныхъ волнами къ нашимъ берегамъ, пароходъ, оттаскивавшій

на буксирѣ подбитыя канонерки и, наконецъ, подниманіе черныхъ флаговъ на тѣхъ судахъ, въ которыя попадали наши каленныя ядра и бомбы, все это,—говорить одинъ изъ очевидцевъ боя, офицеръ М. Михайловъ,—свидѣтельствовало, что бомбардированіе непріятеля не обходилось ему даромъ.

Дѣлалъ непріятель также попытки приблизиться къ Скотланду (Александровскому) и Кунгсгольму (Михайловскому), а также и Лонгерну (Ключевому), но былъ удерживаемъ мѣткими выстрѣлами съ корабля «Іезекииль»...

Съ наступленіемъ темноты выстрѣлы стали рѣже, но общая картина сраженія много ужаснѣе. Непріятель принялся бросать въ крѣпость хвостатыя боевыя конгревовыя ракеты, которыя, свистя и шипя, разсѣкали воздухъ, оставляя за собой огненный слѣдъ и освѣщая все пространство боя. Все это, отражаясь среди темной ночи въ зеркальной поверхности моря, увеличивало впечатлѣніе и казалось, что самый воздухъ горѣлъ. На буксирѣ бомбарды были уведены въ открытое море для пополненія боевыхъ припасовъ, которые сильно истощились.

Въ 11 часовъ нашихъ поставили на прежнія позиціи.

Описанный огненный ураганъ, съ оглушительнымъ грохотомъ орудій и пламенемъ пожаровъ бушевалъ въ Свеаборгѣ и вокругъ него съ одинаковой силой втеченіе всего 29-го числа... Миновала страшная кровавая ночь съ 28-го на 29-го іюля, когда огненные метеоры падали на крѣпость и когда бомбардированіе усилилось, вслѣдствіе принятія участія шести-орудійной мортирной батареи, построенной французами съ замѣчательной поспѣшностью на Абрагамсъ-Холмѣ изъ земли, привезенной въ мѣшкахъ съ Норгена. Первые лучи солнца застали бой въ полномъ ходу; вся линія гремѣла орудійными раскатами! Крѣпость, какъ раньше, охвачена была огненной лентой. Около 10 часовъ утра на Густавъ-Свердѣ разыгралась драма, объ истинномъ ужасѣ которой въ пылу сраженія никто не подумалъ... Дѣло въ томъ, что въ капонириѣ Каізта-Густасвердскаго укрѣпленія (на Артиллерійскомъ Островѣ) находился пороховой погребецъ, засыпанный, какъ принято, толстымъ слоемъ земли. Отъ непріятельскаго снаряда у него загорѣлась труба; надлежало затушить огонь или всѣмъ предстояла неизбѣжная гибель. Сейчасъ же вызвались охотники, и офицеры и нижніе чины, которые ринулись тушить огонь, чтобы не дать искрѣ упасть внутрь погреба. Воды подъ рукой не оказалось, почему пришлось прикрывать пламя полами шинелей... Погребецъ отстояли. Въ ночь на 31-е

число въ крѣпость было брошено нѣсколько ракетъ, а въ 8 часовъ 1 августа флотъ неожиданно для всѣхъ снялся съ явора и серылся изъ виду...

Уронъ людьми у нашихъ не превышалъ 33; по донесенію адмирала Пено, французы много не потеряли. Судовъ у нихъ повреждено было 18. Французская эскадра выпустила всего 4150 снарядовъ (въ томъ числѣ 2,668 бомбъ).

Всего, говорятъ, брошено было въ крѣпость втеченіе 45 часовъ непрерывной бомбардировки около 18.500 снарядовъ, (нѣкоторые утверждаютъ, что число ихъ доходило даже до 22000). Какой бы подсчетъ не являлся болѣе вѣрнымъ, несомнѣнно, что крѣпость находилась подъ «адскимъ огнемъ», такъ какъ въ ядрамъ и бомбамъ надо прибавить до 700 конгревовыхъ ракетъ... Убитыхъ и умершихъ отъ ранъ Свеаборгскаго гарнизона и матросовъ было 62 человѣка.

Огнемъ крѣпости истреблена большая часть деревянныхъ построекъ (по отчету 1850 года ихъ было около 250, а каменныхъ 58).

Повреждены были корабль «Россія», двѣ три канонерскія лодки и утрачено было значительное количество кораблестроительнаго матеріала и судовыхъ вещей.

Отстрѣливаясь отъ непріятели, Свеаборгъ, по донесенію командира Свеаборгскаго артиллерійскаго гарнизона полковника Гатцука выпустилъ 2.385 выстрѣловъ, при чемъ пришли въ негодность 8 орудій, 19 лафетовъ, 23 платформы и 11 зарядныхъ ящиковъ».

Генераль Бородкинъ, разсматривая событія подъ угломъ зрѣнія «истинно русскаго» человѣка, забываетъ прибавить, что въ первый же день гарнизонъ, за исключеніемъ артиллеріи, вышелъ изъ повиновенія и подъ видомъ тушенія пожаровъ занялся грабежомъ офицерскихъ квартиръ.

Это было первое возстаніе солдатъ Свеаборга противъ ненавистнаго деспотическаго ига и невозможныхъ условій службы, убивавшихъ душу и тѣло. Несомнѣнно, что если-бы бомбардировка продолжилась дольше, то примкнули бы къ возставшимъ и артиллеристы и тогда вся крѣпость очутилась бы въ рукахъ революціонеровъ.

Послѣ ухода союзной эскадры послушный волѣ начальства аудиторскій судъ со своими арсеналами шпицрутеновъ затопили въ крови начавшееся среди солдатъ освободительное движеніе. Оно заглохло. Царскіе палачи торжествовали! Занавѣсъ упалъ,

чтобы подняться снова через пятьдесят лѣтъ въ знаменитые отнынѣ историческіе дни 17-20 июля 1906 года, содержанію и причинѣ возникновенія которыхъ и посвящается настоящій очеркъ.

II.

Октябрьская забастовка и ея причины.

Манифестъ 17 октября прозвучалъ въ Свеаборгѣ, подобно трубѣ архангела, призывавшаго къ страшному суду.

Черная офицерская сотня и ихъ приспѣшники фельдфебеля, привыкшіе беззащитно распоряжаться солдатами и обирать ихъ, не опасаясь ответственности, сразу почувствовали себя выбитыми изъ колеи.

Большинство ротныхъ командировъ *) во главѣ съ завѣдующимъ хозяйствомъ подполковникомъ Ярошевскимъ тотчасъ-же составили оппозицію и по ихъ приказанію фельдфебеля даже не давали читать солдатамъ злополучнаго манифеста и срывали его со стѣнъ казармы, если онъ какимъ-либо путемъ туда попадалъ.

Политическое сознаніе массы солдатъ еще не успѣло выкристаллизоваться въ опредѣленную форму, но уже начало пробуждаться, — и это являлось результатомъ не революціонной пропаганды, а какъ и всегда, благодаря не въ мѣру усердной дѣятельности правительственныхъ агентовъ. Я не стану описывать всѣхъ незаконій, чинившихся въ Свеаборгѣ надъ солдатами, — это заняло бы слишкомъ много времени и мѣста. Отмѣчу только главныя изъ нихъ. Какъ извѣстно, по русскимъ законамъ каждый строевой офицеръ имѣетъ право на казенную прислугу, при чемъ оберъ-офицеры получаютъ по одному деньщику, а штабъ-офицеры двухъ. На самомъ дѣлѣ многіе изъ ротныхъ командировъ имѣютъ трехъ-четырехъ вѣстовыхъ, заставляя писарей писать подложныя вѣдомости о числѣ людей, находящихся въ расходѣ. Мало того всѣ фельдфебеля и почти всѣ сверхсрочные фейерверкера имѣютъ деньщиковъ, чего имъ уже вовсе имѣть не полагается. Стираютъ бѣлье солдатамъ

*) Исключая Смирнова, Сущкевича, Власова и Абрамовскаго.

жены фельдфебелей, получая за это половину скуднаго солдатскаго жалованья. На самомъ дѣлѣ добрая половина работы по стиркѣ падаетъ на руки фельдфебельскихъ деньщиковъ, которые работаютъ, не покладая рукъ, съ ранняго утра до поздней ночи, не получая другой награды кромѣ ругательствъ и попрековъ. Положеніе этихъ мучениковъ фельдфебельскаго самодержавія ничѣмъ не отличается отъ положенія рабовъ. При этомъ солдаты отлично сознаютъ, что это назначеніе незаконно. Другимъ беззаконіемъ были отпуска вещей. То, что полагалось отпускать ежегодно, отпускалось чуть не разъ за всю службу*). Третьимъ беззаконіемъ было безответственное хозяйничанье въ роткахъ фельдфебелей. Дѣло въ томъ, что служба младшаго офицера протекаетъ обыкновенно между строевыми занятіями въ ротѣ и попойками въ военномъ собраніи. У младшаго офицера нѣтъ ни досуга, ни желанія поближе ознакомиться съ дѣлами роты; да если бы онъ даже захотѣлъ сдѣлать это, то большею частью не былъ бы допущенъ ротнымъ командиромъ, почти всегда занятымъ какими то хитроумными экономическими комбинаціями въ ротѣ, въ которыя посвященъ бываетъ только одинъ фельдфебель, изрѣдко еще ротный каптенармусъ и писарь. Никто другой въ эти темныя дѣла не посвящается. Про Варшавскую артиллерию я знаю доподлинно, что тамъ ротные командиры занимались косябою сѣна, извознымъ промысломъ и разведеніемъ плодовыхъ садовъ, пользуясь для всего этого даровой солдатской силой. Младшимъ офицерамъ рекомендовалось даже не затруднять себя скучной и монотонной жизнью на фортахъ...

Какими экономическими комбинаціями занимались ротные командиры въ Свеаборгѣ, я не знаю, кромѣ развѣ покосовъ сѣна на Мьель-э капитаномъ Лукоянскимъ и разведеніемъ имъ у себя огородовъ и ягодъ; но что таковыя операціи существуютъ—это несомнѣнно, ибо большинство ротныхъ командировъ живетъ выше средствъ. Такимъ образомъ оказывается, что, получая роту, младшій офицеръ оказывается въ дѣлахъ роты совершеннымъ младенцемъ и всецѣло попадаетъ подъ опеку фельдфебеля. Эти два обстоятельства ведутъ къ тому, что фельдфебеля являются полными, безконтрольными и безответными хозяевами въ ротѣ и всѣ ихъ беззаконія старательно покрываются ротными командирами. Слѣдовательно, главными факторами развитія политическаго самосознанія солдатъ являются

*) Напримѣръ, фуражки и шаровары.

чинимыя надъ ними беззаконія и беззастѣнчивыя хищенія, производящіяся на счетъ ихъ кармана и здоровья. Въ частности въ Свеаборгѣ артиллеристы только и видѣли, что всѣ, начиная отъ отдѣленнаго начальника и кончая «отцами командирами», только и дѣлаютъ, что эксплуатируютъ солдатъ. Интересно также отмѣтить отношеніе главнаго военнаго врача Ключева къ солдатамъ, ярко рисующее вообще врачебную помощь въ войскахъ, и также внесшаго свою долю въ развитіе октябрьскихъ событій. Посылаетъ разъ къ нему командиръ роты капитанъ Власовъ молодого солдата съ опухолью на колѣнѣ, отъ которой колѣно не сгибалось. Докторъ осматрѣлъ колѣно.

— Сгибать можешь?

— Никакъ нѣтъ Ваше В-іе!

— А ты ступай на гимнастику, да скажи взводному, чтобы хорошенько тебя попрыгать заставилъ,—такъ пройдетъ.

Таковъ былъ діагнозъ этого почтеннаго ескулапа,—и только послѣ настойчивыхъ требованій командира роты несчастному было прописано лѣченіе.

Другой солдатъ явился съ опухолью на шеѣ.

— А ты скажи чтобы отдѣленный хорошенько по шеѣ на-клатъ тебѣ,—такъ живо заживетъ.

Это все факты, взятые изъ жизни, которые тоже сыграли свою роль въ октябрьскихъ событіяхъ, но, конечно, были недо-смотрѣны или умолчены слѣдственной комиссіей. Всѣ эти факты способствовали тому, что артиллеристы начали сознавать, что законы существуютъ лишь на бумагѣ и имѣютъ карательную силу лишь въ отношеніи солдатъ. Для окончательнаго пробужденія сознанія необходимъ былъ только толчекъ. Этотъ толчекъ былъ данъ въ мартѣ опять таки русскими властями. Въ это время происходитъ обыкновенно снабженіе войскъ матеріаломъ для бѣлья и для шитья сапогъ. Сапожный товаръ всегда отпускался интенданствомъ и былъ такого плохого качества, что сшитые изъ него сапоги разваливались при малѣйшей сырости и носились много одинъ-два мѣсяца. Кромѣ того они пропускали воду и носить ихъ въ дождливую погоду не было никакой возможности. Поэтому, получивъ сапожный товаръ, солдаты всегда тутъ же продавали его за полцѣны и это дѣлалось даже съ разрѣшенія начальства, отлично сознававшего, что товаръ никуда не годится, но не имѣвшего мужества донести объ этомъ по командѣ. Въ Царствѣ Польскомъ образовался даже синдикатъ изъ евреевъ-скупщиковъ этого товара и фельдфебелей, а часто

даже ротныхъ командировъ, не брезгающихъ нажать лишнюю копейку на счетъ солдата.

Дѣлалось, а можетъ-быть, и дѣлается это и до сихъ поръ совершенно открыто, ибо грабители отлично знаютъ, что въ случаѣ возникновенія «исторіи» на ихъ сторонѣ всегда окажутся сильные міра сего, прикосновенные къ интендантству и его подрядамъ и поставкамъ, которые приважутъ военному суду оправдать военныхъ и послушный волѣ начальства военно-окружной судъ, судящій не на основаніи законовъ, а какъ прикажутъ свыше, конечно, не преминетъ исполнить это приказаніе. Такимъ образомъ и здѣсь, какъ и вездѣ, рука руку мыла. По словамъ солдатъ, которыя я не имѣлъ возможности провѣрить, въ крѣпости Свеаборгѣ подобной скупкой товаровъ тоже занимались. Доказательствомъ служило то обстоятельство, что многие изъ увольняемыхъ по разнымъ случаямъ на родину солдатъ получали не новый товаръ безъ клейма, а старый съ клеймомъ той роты, куда онъ былъ раньше выданъ и оттуда неизвѣстно какими путями попадалъ снова, часто съ надписью владѣльца, кому этотъ товаръ уже раньше былъ выданъ въ цейхаузъ. Такимъ образомъ, вмѣсто денегъ на сапоги увольняемый на родину солдатъ получалъ нигуда негодный товаръ, купленный за безцѣнокъ, а разница между положенными къ отпуску деньгами и платой за товаръ впадала въ карманъ.

Этотъ порядокъ снабженія сапожнымъ товаромъ повторялся изъ году въ годъ и наружно солдаты подчинялись ему безропотно, ибо знали что жаловаться все равно бесполезно, только самому за «не основательную» жалобу попадетъ.

Но вотъ въ началѣ 1905 года интенданство заявило частямъ войскъ, что по случаю войны запасы сапожнаго товара въ интенданствѣ истощились, а потому оно предлагаетъ частямъ войскъ получить стоимость сапогъ деньгами и принять заготовку товара на себя.

Завѣдующій хозяйствомъ артиллеріи Г. И. Ярошевскій съ радостью ухватился за это предложеніе, уже заранее въ своемъ воображеніи смакуя тотъ грандіозный кушъ, который можно будетъ положить себѣ въ карманъ при этой операціи. И дѣйствительно, хотя денегъ было отпущено достаточно,—товаръ, заготовленный благопопечительнымъ завѣдующимъ хозяйствомъ оказался изъ рукъ вонъ плохимъ.

Среди солдатъ началось громкое недовольство, открытое воз-

мушеніе и 2-ой батальонъ въ концѣ концовъ наотрѣвъ отъ-
зался принимать этотъ товаръ, говоря:

«Если Ярошевскій позавтракать на нашъ счетъ захотѣлъ,
то пусть беретъ продаетъ свой товаръ и на нашъ счетъ и
обѣдаетъ».

Эта-то исторія и послужила первымъ толчкомъ къ пробуж-
денію среди артиллеристовъ политическаго самосознанія.

Вторымъ толчкомъ было приказаніе коменданта крѣпости, не-
чальной памяти генерала Кайгородова, о вскрытіи и чтеніи сол-
датскихъ писемъ. Эта мѣра сильно озлобила солдатъ.

Затѣмъ начались попытки окружить солдатъ шпионами изъ
жаандармовъ, заставить солдатъ читать газеты «исключительно
патріотическаго направленія», запрещеніе всякихъ сходоужъ и т. н.
мѣропріятія, пахнуція обычнымъ бюрократизмомъ и должноство-
вавшія искоренить «вольный духъ».

Но именно эти-то мѣропріятія и заставили солдатъ присталь-
нѣе и сознательнѣе осматрѣться и разобраться въ окружающихъ
событіяхъ и ясно сознать, что подъ видомъ «попечительныхъ
о благѣ солдата отцовъ командировъ» кроются истинніи и не-
примѣримые враги его, только и стерегущіе возможность чѣмъ-бы
поживиться на его счетъ.

Таковы были причины внутреннія, но существовали еще и
причины внѣшнія. Манифестомъ по случаю рожденія наслед-
ника снимались и прощались недоимки неисправныхъ платель-
щиковъ, а на самомъ дѣлѣ секретнымъ циркуляромъ, помнится,
министерствомъ финансовъ было передъ появленіемъ манифеста
приказано взыскать всѣ недоимки безъ всякой поблажки. Для
читателя, который не знакомъ со способомъ сбора недоимокъ,
замѣчу, что при этомъ продается у недоимщика все, на что
можно найти покупателя, и сводится съ двора послѣдняя корова,
являющаяся единственной кормилицей крестьянской семьи и
главное дѣтей. На возраженіе домохозяина, что уведъ коровы
грозить смертью дѣтямъ, обыкновенно безстрастно отвѣчаютъ:

— «Зачѣмъ развелъ такую свору ребятъ, пусть околѣваютъ.
А подати должны быть выплачены!»

Такимъ образомъ «царь-батюшка» по своей неизреченной
милости къ «дорогому сердцу крестьянству» манифестомъ по-
дарилъ то, чего никакая земная сила земскихъ начальниковъ,
становыхъ и урядниковъ выколотить не могла.

Но мало того, послѣ манифеста былъ изданъ новый цирку-
ляръ министра, гдѣ разъяснялось, что подъ «неисправнымъ»

плательщикомъ слѣдуетъ подразумѣвать того крестьянина, который впродолженіи нѣсколькихъ лѣтъ не вносилъ ни копейки податей, если же онъ вносилъ хотя сколько-нибудь, хотя изрѣдка, то таковой считается плательщикомъ исправнымъ и съ такого слѣдуетъ взыскать всѣ недоимки полностью, независимо отъ манифеста. Естественно, что этотъ циркуляръ сводилъ манифестъ совершенно на нѣтъ. Народъ отлично понималъ это и оцѣнилъ по достоинству. Въ частности поняли это и оцѣнили по достоинству сознательные солдаты въ Свеаборгѣ.

Къ этому присоединилось еще новое беззаконіе. Русское правительство, поддерживая авантюры Безобразова и царицы вдовы, отнимало на непопулярную въ народѣ войну съ Японіей отъ сохи послѣдняго кормильца семьи.

Въ то же время вслѣдствіе нужды въ деньгахъ подати и недоимки взымались съ усиленной строгостью, незатѣйливый крестьянскій скарбъ шелъ съ молотка, уводилась со двора послѣдняя коровенка и лошадь. Крестьянкамъ, мужья и взрослые сыновья коихъ были на войнѣ, пришлось обращаться къ помощи земствъ. Но у земствъ или совѣтъ не было денегъ, или же они могли удѣлять несчастнымъ только такія крохи, прокормиться на которыя съ семьей было совершенно невозможно.

Приходилось бѣднымъ крестьянкамъ или идти нищенствовать или, такъ какъ и нищенствованіе не помогало, продавать въ дома терпимости.

Извѣстіе объ этихъ домашнихъ драмахъ проникали въ солдатскую среду частью черезъ газеты, частью черезъ письма, не смотря на строгую ихъ цензуру. Все это стучалось въ душу, будило сознаніе, било по нервамъ, сжимало руки въ кулаки и не одинъ солдатъ, засыпая на своемъ жесткомъ ложѣ, скрежеталъ зубами отъ сознанія своего безсилія, общаясь отомстить палачамъ насильникамъ при первомъ удобномъ случаѣ.

При такомъ настроеніи солдатъ протекла всеобщая забастовка въ Россіи и въ Финляндіи и, наконецъ, появился знаменитый манифестъ.

Среди передовыхъ элементовъ артиллеріи, миной и телеграфной ротъ возникла мысль о необходимости познакомить съ совершающимися событіями элементъ несознательный или мало-сознательный и, наконецъ, чувствовалась необходимость объединиться и составить твердый оплотъ, который могъ-бы дружно и единодушно противостоять хищническимъ поподзновеніямъ и беззаконіямъ фельдфебелей и черносотенцевъ офицеровъ. Для

этого рѣшено было созвать сходку и объ этомъ по крѣпости были разбросаны прокламаціи лозунгомъ было выставлено незаконное задержаніе на службѣ солдатъ срока службы 1902 года не смотря на окончаніе войны. Одна изъ этихъ прокламацій была жандармами передана коменданту крѣпости.

Комендантъ созвалъ тотчасъ совѣтъ изъ ротныхъ командировъ артиллеріи. Затрепетало сердце насильниковъ, передъ глазами ихъ уже стояла кровавая расправа за старые грѣхи.

Всѣ растерялись. Никто не могъ ничего посоветывать. Рѣшено было не препятствовать сходкѣ и выжидать событій.

Однако на другой день комендантъ рѣшилъ иначе и по его приказанію нижніе чины 1901 и 1902 года сроковъ службы какъ «зачинщики» были приведены въ церковь въ обѣднѣ, гдѣ по его же приказанію холопомъ-попомъ Цитовичемъ, извѣстнымъ даже высшему поповскому начальству своей близкой прикосновенностью къ церковнымъ суммамъ, была сказана проповѣдь на тему: «Бога бойтесь, царя чтите!»

Проповѣдь, однако, желаннаго успѣха не принесла. Впрочемъ, изъ рядовъ «сѣрой шинели» по словамъ одного очевидца было заявлено, вѣроятно, отъ избытка чувствъ, возбужденныхъ проповѣдью: «Бога-то боимся, а вотъ зачѣмъ гнилые сапоги намъ даютъ?»

Послѣ обѣдни вышедшіе изъ церкви нижніе чины смѣшались съ собравшимися въ это же время на плацу солдатами другихъ сроковъ службы. Комендантъ, командиръ артиллеріи и начальникъ штаба Окновъ старались заставить солдатъ построиться, но этого имъ не удалось. Толпа глухо волновалась..... Въ Ярошевскаго, снабдившаго артиллерію гнилыми сапогами, были пущены камни.... Богъ знаетъ, чѣмъ-бы кончилось дѣло, ибо всѣ были возмущены, но въ виду того, что руководителями рѣшено было на этотъ разъ ограничиться одной демонстраціей, не доводя дѣло до эксцессовъ, то одинъ изъ нихъ крикнулъ:

— «Что-же, братцы, никакъ мы изъ за этой сволочи безъ обѣда будемъ. Пошелъ обѣдать!» и толпа со смѣхомъ и пѣснями направилась въ столовую, тѣмъ болѣе охотно, что говорить съ комендантомъ и предъявлять ему требованія было невозможно въ виду того, что онъ, видя настроеніе толпы, *благоразумно* поспѣшилъ скрыться въ свои апартаменты.

Послѣ обѣда въ роты получено было приказаніе его привести нижнихъ чиновъ срока службы 1901-1902 гг. на плацъ строемъ. Когда роты безъ оружія были выведены на плацъ, то

по приказанію коменданта они были тотчасъ оцѣплены пѣхотой въ полномъ боевомъ снаряженіи. Обезопасивъ такимъ образомъ свою драгоцѣнную особу, комендантъ нашель въ себѣ достаточно храбрости произнести передъ артиллеристами рѣчь, сущность которой сводилась къ тому, что царь манифестомъ своимъ даровалъ русскому народу столько милостей, что надо его чтить, надо молиться на него.

Въ скобкахъ комендантомъ было сообщено, что имъ уже послана въ Петербургъ телеграмма съ ходатайствомъ объ увольненіи выслужившихъ срокъ нижнихъ чиновъ въ запасъ.

Послѣ этого артиллеристы были распущены по ротамъ, гдѣ имъ ротными командирами было предложено представить черезъ-фельдфебелей требованія, которыя они желали заявить коменданту, общаясь, что частью въ предѣлахъ своей власти исполнять ихъ сами, въ остальной же части ходатайствовать объ исполненіи ихъ передъ начальствомъ. Требованія эти были предъявлены въ тотъ же вечеръ. И не смотря на то, что «начальство» постаралось изолировать роты на время составленія «требованій», всё они вышли однообразны и сводились къ слѣдующимъ, которыя передаю, сохраняя стиль и орфографію подлинника.

1) Объ увольненіи нижнихъ чиновъ въ запасъ арміи дать отвѣтъ въ трехдневный срокъ.

2) Сверхсрочно служащихъ: фельдфебелей и фейерверкеровъ удалить, замѣнивъ ихъ дѣйствительно служащими.

3) Улучшеніе довольствія: а) пища приготовлялась чтобы въ дѣйствительности усиленная, (а не $1/2$ фун. мяса для улучшения пищи): т. е. сало, масло, крупа, мука и т. п. б) чайное довольствіе выдавалось для нижн. чиновъ съ такимъ расчетомъ, чтобы хватало на выданное время и доброкачественное, а не какіе нибудь отбросы, какъ выдають теперь одинъ фунтъ чая стоимостью 96 коп., дачка 2 зол. чая и 8 зол. сах. въ день.

4) Обмундированіе производилось чтобы по положенію: мундиръ на 2 года, шинель—2 года, фуражка 2 г. шаровары ежегодно, а не какъ производится теперь дадутъ съ новобранства обмундированія служи чини и въ запасъ въ этомъ же поѣзжай.

5) Честь отдавать при исполненіи служебныхъ обязанностей, а на улицѣ при проходѣ въ первый разъ, и чтобы гг. офицеры не ставили насъ безчувственной скотиной и не подвергали насмѣшкамъ.

6) Проступокъ сдѣланный солдатомъ чтобы не рѣшался безъ вѣдома солдатъ, а то у насъ принято такъ провинился солдатъ доложили а онъ (начальникъ) на то время былъ въ ссорѣ со своей барыней и вотъ чтобы на чемъ нибудь сорвать свою злобу: облаетъ какъ позволяетъ русскій языкъ и арестъ на всю власть. Удалите.

7) Куреніе табаку разрѣшалось чтобы повсюду а не какъ теперь что солдату разрѣшено курить только въ отхожемъ мѣстѣ.

8) Увольненіе нижнихъ чиновъ въ городъ и повсюду было чтобы безпрепятственно а не какъ это дѣлается теперь: надо напримѣръ сапожнаго товару, иди къ маркетантамъ купи, но какъ же купить, товаръ плохой цѣна дорогая, купилъ значить носить не чего, а не купилъ ходить не въ чемъ, а въ городъ увольненія нѣтъ «горе наше».

9) Жандармерія для честныхъ людей не нужна. Я солдатъ значить и блюститель порядка, а его къ черту,— лишнія шлетни и кляузы. Изъ-за этихъ блюстителей порядка бѣдному солдату солоно достается, вернулся изъ города выпивши замѣтилъ жандармъ значить пропалъ подъ арестъ а то еще и подъ судъ.

10) Уставы составленные и за подписями генераловъ полковниковъ и капитановъ отиѣнить не нужны намъ эти истязанія намъ надо тотъ уставъ въ которомъ будетъ подпись (сиволапаго мужика изъ деревни Государ. Дума).

11) Журналы взысканій на нижнихъ чиновъ уничтожить не медленно же а писать взысканія дѣйствительнымъ преступникамъ какъ скажемъ наши завѣдывающіе а на дальнемъ востокѣ командующіе и главнокомандующіе которые обратили послѣдніе капли крови у бѣднаго мужика а армию оставили нагу и голу а послѣ заключенія мира поразѣхались сбичится кто за границу кто куда этихъ преступниковъ судить надо.

12) Жалованье доходило чтобы до японскаго или германскаго войска какъ напримѣръ въ Японіи подпоручикъ получаетъ 15 р., а рядовой 5 руб. въ мѣсяцъ это еще приблизительно, а у насъ рядовой 45 к. въ два мѣсяца а подпоручикъ 45 руб. въ мѣсяцъ. *За что какіе особыя подвиги.*

13) Отпускаемые отъ интенданства довольствіе и обмундированіе надо чтобы попадало намъ въ руки а не кормить цѣлую стаю прожорливой птицы.

14) Фельдфебель кто онъ такой не фабричный ли рабочій нѣтъ я фельдфебель я хозяинъ роты что хочу то и дѣлаю да

вдобавокъ получаю жалованье 32 р. въ мѣсяцъ не считая сколько украду. Долой шкуръ *) да здравствуетъ дѣйствительный служащій.

15) Помѣщеніе солдатское казармы въ которыхъ стоятъ только скотинѣ **) въ такомъ количествѣ какъ солдаты а не молодымъ полнымъ здоровья людямъ отчего въ послѣдствіи времени являюся заболѣванія и насѣкомья: (вши блохи): и не обойтись потому спать солдатъ на солдатѣ *Дай намъ вольныя квартиры* и такіе помѣщенія, какъ и офицерскія съ большими овнами.

16) Доктора—военные врачи подавали чтобы помощь своевременно и лекарства соответствующихъ болѣзни а не какъ теперь, что если обрубилъ палець даютъ касторки и т. п.

17) Газеты были чтобы выписаны въ каждую роту на артельныя суммы ***) мы хотимъ знать что дѣлается на родной Руси, а также и приказы по войскамъ попадали чтобы въ наши руки намъ надо знать что дѣлается и въ военномъ вѣдомствѣ.

18) Для несенія караульной службы въ зимнее время были чтобы теплыя (валенки изъ шерсти).

19) При увольненіи въ отпускъ для свиданія съ родственниками никакой пошлины за проѣздъ по желѣзнымъ дорогамъ не вѣзять, а если я казенный человекъ то должна быть и дорога казенная даже съ прибавкою путевыхъ какъ это приходится слышать въ приказахъ по части, что вотъ такому пол-

*) «Шкурами» солдаты называютъ всѣхъ сверхстрочно служащихъ, т. е. оставшихся добровольно на службѣ послѣ отбытія требуемаго общаго воинской повинностью срока службы.

**) Въ Августѣ 1905 г. пріѣзжалъ начальникъ штаба войскъ гвардіи и петербург. военного округа генераль маіоръ Мешетичъ. Командиръ крѣпостного пѣхотнаго Свеаборгскаго полка показалъ ему невозможныя въ гигиеническомъ отношеніи, казармы въ которыхъ расположена часть пѣхоты. Но инспекторующій генераль даже не вошелъ въ казармы для осмотра, ограничившись замѣчаніемъ, что въ Старой Руссѣ еще хуже. Тамъ пѣхота вступаетъ прямо послѣ больныхъ въ занимавшіеся послѣдними помѣщенія.

***) Комендантомъ осенью былъ изданъ приказъ, что для охраны въ крѣпости порядка и спокойствія разрѣшается къ выпискѣ газеты исключительно русскія и строго патріотическаго направленія. Газеты «Наша Жизнь» и «Сынъ Отечества» запрещены были для выписки даже въ офицерское собраніе.

ковнику капитану и т. п. за проѣздъ по желѣзной дороги до Петербурга столько то*).

20) Солдатское собраніе необходимо нужно потому что надо переговорить наши нужды и высказать свои мнѣнія. «Впередъ братцы съ Богомъ».

Справедливость этихъ требованій настолько очевидно для всякаго непредубѣжденнаго человѣка, что говорить сама за себя.

Офицеры Свеабургскаго гарнизона, потрясенные происшедшими событіями, сознавая, что ихъ «рыльце сильно въ пушку» и, опасаясь со стороны солдатъ вполнѣ справедливаго возмездія, — рѣшили, «животъ спасая», сдѣлать представленіе начальству о необходимости хотя для виду удовлетворенія части этихъ требованій. Они собрались на сходку въ военное собраніе и здѣсь, сдѣлавъ сводку всѣхъ требованій, послѣ нѣкоторыхъ колебаній, конецъ которымъ положила полная выдержанности и логической послѣдовательности рѣчь штабсъ-капитана Кузьмина, рѣшили пригласить коменданта крѣпости. Увидавъ депутацію, комендантъ не на шутку струсилъ и наотрѣзъ отказался идти на собраніе офицеровъ. Только послѣ долгихъ убѣжденій и настояній одному изъ членовъ депутаціи капитану Власову, извѣстному художнику, какъ въ Финляндіи такъ и за границей, удалось доставить «священную особу» коменданта въ залъ, гдѣ собрались офицеры. Здѣсь у предсѣдателя собранія батальоннаго командира Свеабургскаго пѣхотнаго полка, помнится, подполковника Миронова, когда нужно было доложить коменданту о причинѣ его вызова на собраніе офицеровъ, отнялся языкъ. На это хватило мужества опять-таки только у штабсъ-капитана Кузьмина.

— Мы васъ просили прійти сюда, Ваше Пр-во для выслушанія требованій, предъявленныхъ солдатами, просмотрѣнныхъ и утвержденныхъ офицерами, и подписанія составленнаго проекта приказа.

Проектъ приказа гласилъ приблизительно слѣдующее: офи-

*) Интересно при этомъ вспомнить, что адмиралъ Бирилевъ, будучи назначенъ главнокомандующимъ тихоокеанской эскадрой, несмотря на Цусиму, извѣстіе о которой застало его на полупути въ Иркутскъ, — все же доѣхалъ до Владивостока, исключительно съ цѣлью получить громадныя генеральскія подъемныя и прогонныя, которые они получили полностью, несмотря на то, что дорога ему не стоила ни копейки, ибо везли его на даровомъ экстренномъ поѣздѣ.

церы Свеаборгскаго гарнизона, собравшись по собственному побужденію въ военномъ собраніи, обсудили выработанные солдатами требованія, признали ихъ правильными. Согласясь съ ихъ заключеніемъ, предлагаю принять къ руководству слѣдующее:—затѣмъ слѣдовали пункты, которые я приведу ниже.

Съ такой редакціей, комендантъ не согласился сказавъ очень характерную для опредѣленія настроенія момента фразу.

«Вы можете убить меня, но я все-же не подпишу!»

Тогда ему было доложено, что этотъ приказъ уже оттигровированъ (что было сдѣлано во время перерыва засѣданія) и будетъ во всякомъ случаѣ розданъ солдатамъ, чтобы показать имъ, что офицеры съ ними солидарны. Это послѣднее обстоятельство, замѣчу въ скобкахъ, очень характерно, ибо ясно обнаружилось всю подленькую душенку офицерства и неопровержимо доказало руководившія ими побужденія. Этотъ поступокъ имѣлъ цѣлью выразить: «насъ не бейте, наша хата съ краю, мы-то бы рады всей душой вамъ помочь, мы говорили коменданту»... Понялъ это и комендантъ и послѣ нѣкоторыхъ преній, продолжавшихся до 2 часовъ ночи, согласился подписать приказъ, если будетъ измѣнена редакція, таковая была измѣнена,—и 1 ноября вышло за № 205 приказаніе по Свеаборскому гарнизону слѣдующаго содержанія:

«Объявить, что 1 сего ноября, выслушавъ докладъ гг. офицеровъ гарнизона, обсудившихъ нужды нижнихъ чиновъ, и находя этотъ докладъ основательнымъ, приказалъ въ согласіи со всѣми пунктами, выработанными гг. офицерами, принять къ неуклонному исполненію нижеслѣдующее:

1) Объявить нижнимъ чинамъ, призваннымъ изъ запаса, и срока службы 1901 года, что ходатайство объ увольненіи ихъ въ запасъ армии его Пр-вомъ возбуждено.

2) Пересмотрѣть цѣны въ лавкахъ маркетантовъ и дать въ каждую роту прейсъ-курантъ. Установить постоянный и дѣйствительный контроль.

3) Дать возможность желающимъ ходить въ баню, хотя бы и за деньги, обязательно каждую недѣлю.

4) Назначить день для стирки бѣлья для каждой части и на каждой недѣлѣ. Комиссіи рѣшить этотъ вопросъ обязательно въ скоромъ времени и открыть другія прачешныя въ частяхъ войскъ.

5) Улучшить качество чая, не выходя изъ размѣровъ отпускаемой на это суммы.

6) Объявить, что о разрѣшеніи продавать въ солдатскихъ лавочкахъ спиртные напитки его Пр-вомъ будетъ возбуждено ходатайство.

7) Пересмотрѣть преісъ-курантъ въ солдатскихъ лавочкахъ и возможно удешевить цѣны на продукты и установить однообразныя цѣны въ частяхъ. При сапожныхъ лавкахъ имѣть обязательно сапожный товаръ и прикладъ. Открыть отдѣленіе солдатской лавочки на Стрѣлковомъ о-вѣ и въ каждой ротѣ повѣсить преісъ-куранты.

8) Разрѣшить увольненіе нижнихъ чиновъ въ городъ по одиночкѣ.

9) Изыскать въ частяхъ войскъ средства къ тому, чтобы всѣмъ нижнимъ чинамъ были выданы казенныя постельныя принадлежности.

10) Писемъ не вскрывать, а денежные письма выдавать не менѣе одного раза въ недѣлю.

11) Согласно рѣшенія общества офицеровъ, строго обращать вниманіе на принятіе чести, отдаваемой нижними чинами, а также обратить вниманіе гг. офицеровъ, врачей и чиновниковъ на вѣжливое обращеніе съ нижними чинами.

12) Маты *) постепенно замѣнить соломой, которую мѣнять по положенію.

13) Частямъ горнизона изыскать средства на отпускъ мыла для бани и стирки бѣлья.

14) Не назначать въ субботу послѣ обѣда и въ праздники на хозяйственныя работы, кромѣ экстренныхъ.

15) Прибыль отъ буфета употреблять исключительно на нужды нижнихъ чиновъ и расходъ объявлять въ приказѣ. (Прик. по В. В. 1899 г. за № 290).

16) Производить работы съ 8—11 час. утра и съ 2—5 час. вечера, кромѣ экстренныхъ случаевъ, а въ мастерской по урочному положенію, согласуясь съ временемъ года.

17) Не стѣснять прогулокъ нижнихъ чиновъ по крѣпости, исключая набережной.

18) Начальнику крѣпостной жандармской команды принять мѣры къ огражденію внутренняго быта и службы нижнихъ чиновъ и отъ вмѣшательства чиновъ команды.

19) Офицерамъ не менѣе раза въ недѣлю объяснять ниж-

*) Маты, сплетенные изъ соломы замѣняютъ матрацы, они очень жестки и тоже были введены комендантомъ.

нимъ чинамъ значеніе текущихъ событій и статей периодической печати.

20) Выдавать нижнимъ чинамъ прочную и исправную одежду.

21) Производить смѣну караула и должностныхъ лицъ въ 11 часовъ утра.

22) Разрѣшить курить близъ казармъ и въ общественномъ саду.

23) Командирамъ частей прискаты подходящее помѣщеніе для устройства солдатскихъ собраній съ библіотекою и читальней, но безъ спиртныхъ напитковъ.

24) Въ случаѣ отпуска на годовыя вещи *) отъ интенданства деньгами, выдавать эти деньги подъ отвѣтственность ротнаго командира на руки нижнимъ чинамъ **).

25) Разрѣшить увольнять въ кратковременный отпускъ не свыше мѣсяца не болѣе 70/0 отъ роты и команды и въ канцеляріяхъ не задерживать бланковъ на льготный проѣздъ для отбѣзжающихъ въ отпускъ.

26) Выдавать деньги за всякія работы инженерныя, согласно смѣтѣ.

27) Выдавать усиленное довольствіе въ теченіи 10 дней, считая начало такового съ 23 октября, такъ же таковое довольствіе выдавалось въ 22 армейскомъ корпусѣ. Хлѣбъ выдавать свѣжій и незалежалый. Разрѣшать ротнымъ командирамъ устанавливать видъ хлѣбнаго довольствія (съ лотка или нѣтъ) по желанію нижнихъ чиновъ.

28) Не задерживать выдачу въ роты нашивокъ и галуновъ на всѣ сроки мундирной, дабы избивать нижнихъ чиновъ отъ траты на этотъ предметъ. Разрѣшить заводить на свой счетъ мундирную одежду, строго придерживаясь формы.

29) Подтвердить о строжайшемъ исполненіи всѣхъ правилъ при наложеніи дисциплинарныхъ взысканій начальствующими лицами.

30) Листъ о припасахъ всегда имѣть на кухнѣ. предоста-

*) Годовыми вещами называются вещи, отпускаемыя ежегодно: товаръ для шитья сапогъ, холстъ для бѣлья и галстухъ.

**) Въ этомъ году интенданство отпустило товаръ не натурой, а деньгами. Солдаты просили о выдачѣ имъ денегъ на руки, но комендантъ категорически приказалъ закупать товаръ частямъ войскъ. Артиллеріей былъ товаръ закупленъ негодный, но подъ давленіемъ начальства часть ротъ его приняла.

вить ротамъ выбрать двухъ нижнихъ чиновъ на каждый мѣсяцъ для провѣрки продуктовъ при выдачѣ артельщикамъ дежурному по ротѣ.

31) За заявленіе нижними чинами претензій и просьбъ въ установленномъ порядкѣ не подвергать за это взысканіемъ подавшего.

32) Поставить нижнихъ чиновъ въ извѣстность о номерѣ «Русскаго Инвалида», гдѣ говорится объ улучшеніи быта нижнихъ чиновъ.

33) Улучшить освѣщеніе въ помѣщеніяхъ нижнихъ чиновъ настолько, чтобы нижніе чины могли заниматься своими дѣлами.

Какъ видно изъ текста, приказанія начальства и на этотъ разъ ограничилось полумѣрами. Однако и такой приказъ былъ съ его стороны несомнѣннымъ подвигомъ и доказываетъ какъ ратерянность офицерства и коменданта, такъ и грозную несокрушимую силу сознательнаго и организованнаго солдата.

Для того чтобы выпуклѣе и рельефнѣе представить эту побѣду организовавшейся солдатской массы, я долженъ рассказать слѣдующій случай, происшедшій около года назадъ до описанныхъ событій.

Дѣло происходило въ военномъ собраніи въ Свеаборгѣ. Подъ предсѣдательствомъ коменданта крѣпости происходило годовое собраніе всѣхъ членовъ собранія для выслушанія и утвержденія отчета за минувшій и рассмотрѣніе смѣты на наступающій годъ. Послѣ окончанія этой процедуры комендантъ заявилъ слѣдующее: «по примѣру прежнихъ лѣтъ на столѣ читальной комнаты собранія была выложена тетрадь для записи журналовъ и газетъ, которыя бы были желательны къ выпискѣ на будущій годъ, но къ сожалѣнію записало таковыя желанія только малое количество постоянныхъ посѣтителей собранія и въ виду того, что ихъ записи не представляютъ истинныхъ желаній *всего* гарнизона, то я приказалъ выписать газеты и журналы по своему выбору. Я видѣлъ, господа, много подписей подъ разными жидовскими газетами. Намъ нечего увлекаться ихъ дешевымъ либерализмомъ. Намъ надо помнить, что если ихъ сегодня и допускаетъ правительство, то завтра можетъ и прихлопнуть, и я имѣю частныя свѣдѣнія, что правительство дѣйствительно рѣшило обуздать печать (это было въ началѣ ноября 1905 г.). «Московскія Вѣдомости» не получили голосовъ. Долженъ сказать, что, не смотря на внутреннія наши симпатіи, мы, какъ военные и слуги нашего обожаемаго монарха, должны

поддерживать эту высоко патриотическую и строго монархическую газету. И прибавлю, что напрасно ее такъ не любить, я нигдѣ не видалъ такихъ превосходныхъ картъ Портъ-Артура, какъ именно въ ней.

— Я поднялся съ мѣста и своей фигурой изобразилъ вопросительный знакъ.

— Вы хотите что-то сказать.

— Такъ точно Ваше Пр-во! Я желалъ бы замѣтить, что если вы считаете неправильнымъ выраженіемъ желанія всего гарнизона записи въ тетради, то правильнѣе было бы разослать всѣмъ опросные листки съ наименованіемъ всѣхъ выходящихъ въ Россіи газетъ,—и тогда уже выписать тѣ газеты, кои получаютъ большинство голосовъ.

Изъ всѣхъ находящихся офицеровъ меня поддержалъ только одинъ штабсъ-капитанъ Кузьминъ. Остальные, притаивъ дыханіе, ждали, когда комендантскій громъ смететъ меня съ лица земли.

Но къ удивленію всѣхъ послѣ нѣсколькихъ минутъ тяжело молчанія комендантъ на мое предложеніе согласился.

Листки были разосланы. «Московскія Вѣдомости» получили два голоса: библиотекаря, штабсъ-капитана Никифорова, и полковника Нотара, который по этому поводу сказалъ мнѣ: «очень жаль, что вы не подписываетесь, разъ комендантъ этого желаетъ». Однако на самомъ дѣлѣ все-же были выписаны газеты по выбору коменданта и по его личному вкусу.

Жидовскія газеты: «Сынъ Отечества» и «Наша Жизнь», конечно подверглись остракизму, но судьбѣ угодно было зло подшутить надъ комендантомъ. Однажды онъ вошелъ въ лѣтнее военное собраніе и первое что ему бросилось въ глаза это два пѣхотныхъ подпоручика, читавшихъ о ужасъ! «Нашу Жизнь»; не смотря на то, что было около 12 часовъ ночи и преклонныя лѣта, комендантъ вихремъ влетѣлъ назадъ въ свою квартиру, оттуда тотчасъ зазвонилъ по телефону въ квартиру завѣдующаго офицерской библиотеккой штабсъ-капитана Никифорова.

— Кто у телефона?

— Жена ш.-кап. Никифорова.

— Попросите мужа къ телефону, говоритъ комендантъ крѣпости.

— Его нѣтъ дома! (на самомъ дѣлѣ онъ уже спалъ).

— Передайте ему, пожалуйста, когда онъ вернется, что комендантъ крѣпости проситъ пожаловать къ нему, когда-бы онъ ни вернулся по очень важному дѣлу. Буду ждать всю ночь».

Через полчаса заспанный библиотекарь, со словъ котораго я и передаю выше описанный случай, предеталь предъ грозными очи коменданта, полагая, что дѣло идетъ о разработывавшемся въ то время мобилизаціонномъ планѣ.

Комендантъ напустился на него, какъ ургантъ. Да вы знаете.... вы библиотекарь.... Нѣтъ вы не знаете!..... что я сегодня видѣлъ.... я былъ въ саду....» Съ трудомъ изъ хаоса словъ или, вѣрнѣе членораздѣльныхъ звуковъ, выпускавшихся со скоростью $\frac{mv^2}{2}$ (читай mv^2 квадратъ, дѣленное на два): несчастный перепуганный библиотекарь понялъ, что дѣло шло о злочастной «Нашей Жизни».

— Развѣ я вамъ не приказывалъ, чтобы ея не было. А... вы не исполняете приказаній коменданта крѣпости... Да я васъ... да вы меня....

Коменданту было доложено почтительнѣйше, что «Наша Жизнь» не выписывается, а что высылается газетой «Русь» взамятъ послѣдней, приостановленной правительствомъ.

— Завтра же написать, что комендантъ крѣпости привазалъ приостановить высылку этой газеты, а то еще у меня подпоручики да всякую жидовскую дрянъ будутъ читать.

Ну вы, я,—дѣло другое, мы люди солидные и этому вранью жидовскому не повѣримъ, но ничего не смыслящіе подпоручики— нѣтъ, слуга покорный.

Этотъ же самый комендантъ крѣпости генералъ Кайгородовъ приблизительно черезъ три мѣсяца послѣ этого разговора, въ памятную ночь съ 31 октября на 1 ноября подписывалъ выше приведенное приказаніе дозволявшіе нижнимъ чинамъ читать газеты всѣхъ оттѣнковъ и направленій.

«Sic transit gloria mundi», повинуюсь мощному натиску организованнаго солдата! Мало того комендантъ лично на другой день объѣзжалъ всѣ роты и, «станъ изгибая пріятно», бесѣдовалъ съ солдатами, приказывая при себѣ выдавать новую мундирную одежду и одѣяла, а купившимъ послѣднія на свой счетъ—деньги; опрашивалъ претензіи, общалъ ихъ всѣхъ удовлетворить и просилъ простить его «старога дурака», за то, что наканунѣ призывалъ пѣхоту. Куря фиміамъ направо и налево, комендантъ добился навѣрное не того, что ожидалъ.

Съ этого 1 ноября даже наиболѣе бесознательные солдаты поняли, что въ ихъ «единеніи—сила» и поняли, что это такая сила, передъ которой все черносотенное начальство пасуетъ.

Поняли они также и то, что нѣтъ правды на Руси, а правду надо добывать силой и, что все начальство боится и дрожить только передъ этой силой, и что эта сила для черносотенныхъ офицеровъ и генераловъ и прочей чиновной и министерской клики—единственный признаваемый законъ. И.... «въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое» стало фактическимъ лозунгомъ всего слѣдующаго движенія, хотя солдаты о партіяхъ и о томъ, какой партіи этотъ лозунгъ принадлежалъ, не имѣла ни малѣйшаго понятія. И на этотъ разъ какъ я уже выяснялъ много разъ выше, этому сознанию помогли тѣ же черносотенные агенты черносотеннаго правительства.

Эта грандіозная вспышка артиллеріи цѣлой крѣпости заставила и въ Петербургѣ призадуматься власть имущихъ и несомнѣнно повела къ знаменитому приказу, по коему «царь—батюшка» въ своихъ неизмѣнныхъ заботахъ о доблестномъ своемъ войскѣ повелѣвалъ даровать возлюбленнымъ своимъ солдатамъ «мыльце».

Этотъ приказъ сознательная часть солдатъ такъ и прозвала: «мыльнымъ пузыремъ».

Такъ окончился прологъ исторической Свеаборгской драмы, составляющій предметъ настоящаго очерка.

III.

Слѣдствіе. Пріѣздъ Лайминга.

Самый митингъ, проявленная на немъ выдержанность и организованность солдатъ, стойкость и сознательность при выработкѣ ими требованій, сходка, устроенная офицерами въ Собраніи и поддержка ими солдатскихъ требованій—не могли не обратитъ на себя вниманія высшаго начальства.

Сознательный солдатъ не терпимъ въ деспотическомъ государствѣ и совершенно не желателенъ въ арміи, которая содержится и существуетъ лишь для того, чтобы дать возможность жить, бездѣльничая, офицерамъ, безъ зазрѣнія совѣсти грабить и наживаться генераламъ и поддерживать современный деспотическій строй и капиталистическій гнетъ народа.

Но и въ данномъ случаѣ, какъ и всегда въ военномъ вѣдомствѣ, дѣло навѣрное бы окончилось бумажной волокитой,

если бы не одно маленькое обстоятельство. Дѣло въ томъ, что офицерами во время сходки была между прочимъ заявлена коменданту просьба объ удаленіи изъ крѣпости начальника штаба полковника Жнова. Не ограничившись телеграммой, зная пресловутую бюрократическую волокиту нашихъ центральныхъ военныхъ учреждений, генераль Кайгородовъ рѣшилъ послать Жнова лично въ Петербургъ для ускоренія хода дѣла объ увольненіи въ запасъ солдатъ срока службы 1902 года. Конечно, при этомъ комендантомъ руководило не сознаніе законности предъявленныхъ требованій объ увольненіи и не попечительная заботливость о солдатѣ, а лишь желаніе избавиться отъ наиболѣе сознательнаго элемента, который грозилъ взять въ свои руки руководство солдатами другихъ сроковъ службы и положить конецъ беззащитному хозяйничанью за счетъ солдатскаго кармана.

Отправляя Жнова въ Петербургъ комендантъ ему сообщилъ о просьбѣ офицеровъ, поставилъ ему на видъ поведеніе во время пребыванія въ крѣпости и посоветывалъ похлопотать въ Петербургѣ о переводѣ въ другое мѣсто.

Прежде чѣмъ ѣхать въ Петербургъ, Жновъ заѣхалъ къ другому полковнику генеральнаго штаба начальнику штаба 22 пѣхотной дивизіи, расположенной въ Финляндіи, Преженцову. Они вдвоемъ сдѣлали докладъ начальнику расположенныхъ въ Финляндіи войскъ барону Зальцу и, какъ ходили слухи, обо всемъ происшедшемъ былъ посланъ совершенно ложный доносъ въ Петербургъ. Какъ бы тамъ ни было, но отправляясь въ Петербургъ, Жновъ чувствовалъ себя уже настолько сильнымъ, что съ дороги отправилъ коменданту дерзкое письмо, гдѣ заявлялъ, что онъ выходя въ крѣпость на службу, знаетъ что онъ попадетъ въ грязную яму, но дѣйствительность превзошла всѣ его ожиданія.

Что онъ напечаталъ своимъ змѣинымъ шепотомъ въ Петербургъ властямъ предержавшимъ, — навсегда останется тайной его совѣсти, но отомстить за предложеніе удалиться изъ крѣпости ему удалось. Кайгородовъ былъ смѣненъ, на его мѣсто временно назначенъ пѣхотный генераль Кургановичъ, а на мѣсто происшествія выслана слѣдственная комиссія. Кургановичъ какъ пріѣхалъ, такъ тотчасъ выстроилъ на плацу всю артиллерию

— У васъ сколько жидовъ въ артиллеріи? обратился онъ къ адъютанту по строевой части настолько громко, что его слышно было всѣмъ находящимся на плацу.

— Всего шесть, Ваше Пр-во!

— Ага! Это хорошо, что такъ мало, оттого все окончилось такъ скоро и благополучно».

Надо замѣтить, что всѣ эти евреи были срока службы 1902-1903 гг. и по увольненіи ихъ въ запасъ новыхъ намъ въ крѣпость назначено не было. И июльское возстаніе протекло совершенно безъ «жидовъ».

На другой день начала свои засѣданія слѣдственная коммиссія.

Конечно, всѣ указанныя выше причины равно какъ хищенія и беззаконія начальства она обошла молчаніемъ. Однако выяснитъ этой коммиссии ничего не удалось. Сознательные солдаты, получивъ инструкціи, выяснили менѣе сознательнымъ, какъ имъ слѣдуетъ держаться на допросѣ. И всѣ почти единогласно показали, что, услыхавъ, что комендантъ приказалъ старымъ солдатамъ привести въ церковь и будетъ читать и толковать манифестъ, они пошли на плацъ, ибо тоже захотѣли послушать, что скажетъ комендантъ. Все сошло гладко, коммиссіи зачинщиковъ найти не удалось и правительство на этотъ разъ ограничилось присылкой умирителя и укротителя латыша изъ русскихъ или русскаго изъ латышей генерала Лайминга.

IV.

Дѣйствіе и противодѣйствіе.

(Кружковыя собранія. Апрельскіе митинги).

Этотъ добросовѣстный агентъ русскаго правительства своей черносотенной агитаціей вполнѣ сумѣлъ пробудить сознание даже у самыхъ несознательныхъ солдатъ и наглядно выяснилъ имъ, что такое русское правительство и чего русскому многострадальному народу можно отъ него ждать?

Началъ онъ свою просвѣщенную дѣятельность съ того, что уничтожилъ приведенный выше приказъ своего предшественника, клонившійся къ улучшенію быта нижнихъ чиновъ. Далѣе онъ постарался устроить въ ротахъ тайную полицію, шпионовъ, которые бы за деньги согласились высматривать и доносить на своихъ товарищей; среди артиллеристовъ ихъ, впрочемъ, не нашлось за исключеніемъ развѣ фельдфебелей, сверхъ срочно служащихъ фейерверкеровъ, мстившихъ за октябрьское требованіе

объ ихъ удаленіи да еще печальной памяти фельдфебеля учебной команды Тихонова. Но эти всѣ лица были наперечетъ, ихъ знали и остерегались. Это были, такъ сказать, явные шпионы, тайныхъ же, какъ сказано, не смотря на самыя тщательныя старанія коменданта, завести не удалось.

Тогда начался періодъ черносотенной литературы. Во всѣ роты были выписаны черносотенныя, якобы крестьянскія газеты: «Зорька» и «Голосъ Правды». Когда командиръ 7 роты капитанъ Власовъ, не желая платить денегъ, написалъ въ конторы этихъ газетъ заявленія, что онъ подобной литературы къ себѣ въ роту не выписывалъ и поэтому просить высылку газетъ прекратить, ибо заранѣе заявляетъ, что платить за нихъ, въ случаѣ представленія счета, не будетъ, ему конторы кратко отвѣтили, что подписныя деньгами уже получены.

Затѣмъ какъ изъ рога изобилія посыпались черносотенныя прокламаціи: «Къ русскому народу», «Чего хотятъ люди, которые ходятъ съ краснымъ флагомъ», *) «Человѣкъ, бьющій въ набать» съ лубочной картинкой, «Воззваніе старослужащаго» и мн. др. ихъ-же названія ты, Господи, веши. Всѣ эти листки приказами коменданта предписывалось прочитывать передъ ротами и распространять среди солдатъ. Тогда для противодѣйствія вліянія на наиболѣе темную часть солдатъ этой реакціонной литературы начались распространяться квижки и брошюры современнаго характера и направленія. Библіотека для солдатъ заведена была уже давно, но содержалась исключительно на мои средства, которыя я могъ удѣлять отъ своего скуднаго жалованья **). Впослѣдствіи къ этому благому начинанію пригнули и герои-мученики Емельяновъ и Коханскій. Однако спросъ оказался такой громадный, что пришлось обратиться

*) Опроверженіе революціоннаго листка того же заглавія.

***) Конечно это нововведеніе встрѣтило энергичный протестъ со стороны такихъ реакціонеровъ ротныхъ командировъ, каковыми были капитаны: Лукоянскій, Ларионовъ и Николаевъ, послѣдній обратился даже ко мнѣ съ просьбой, перестать снабжать роту книжками, хотя по провѣрки оказались, что въ его ротѣ было двѣ «опасныя» книжки: «пять чувствъ человѣка» и «Бельше. Происхожденіе человѣка»—объ изданныя «Вѣстникомъ Знанія» и разрѣшенная цензурой. По поводу чинимыхъ моею бібліотекъ притѣсненій я однажды поднялъ вопросъ въ присутствіи всѣхъ ротныхъ командировъ и послѣ долгихъ дебатовъ и справокъ во всевозможныхъ уставахъ, наконецъ, было разрѣшено допускать въ роты всѣ книжки, цензурой разрѣшенныя.

съ помощи извнѣ. Такая помога пришла въ лицѣ Россійской Соціалъ-демократической Рабочей Партіи, которая, войдя въ соглашеніе съ Финской партіей, уже вполне систематически организовала революціонную работу не только въ Свеаборгѣ, но и во всей Финляндіи.

Первыя же кружковыя занятія показали, что въ этомъ случаѣ имѣлось дѣло съ элементомъ вполне подготовленнымъ. Какъ сейчасъ помню одинъ вечеръ въ самомъ началѣ работы: въ комнату влетаетъ товарищъ-Людмила, стройная блондинка, полная энтузіазма и горячей вѣры въ будущность пролетаріата, у которой требованія эстетики тѣсно переплетались съ социализмомъ и придавали ея воодушевленной проповѣди неотразимое вліяніе.

— Я сейчасъ только изъ вѣружа, было человекъ тридцать артиллеристовъ; знаете, молодцы они у васъ и вопросы задаютъ такіе дѣльные, прямо въ точку попадаютъ,—видно, что всѣ они многое продумали на своемъ вѣку и долго надъ собой работали.

Въ пѣхотѣ финляндскихъ полковъ работѣ помогало то обстоятельство, что изъ нижнихъ чиновъ послѣдняго призыва многіе еще до службы принадлежали Бунду, польской и литовской социалистическимъ партіямъ.

На одномъ собраніи къ великому удивленію оратора, говорившаго о временномъ правительствѣ, одинъ изъ присутствующихъ заявилъ, что ораторъ ошибается и невѣрно освѣщаетъ вопросъ. Оказалось, что ораторъ говорилъ съ точки зрѣнія «большевиковъ», а солдатъ возражалъ ему съ точки зрѣнія «меньшевиковъ».

Вскорѣ удалось оборудовать типографію и появился первый номеръ «Вѣстника Казармы», на столбцахъ котораго въ хроникѣ систематически отмѣчались всѣ черносотенные подвиги начальства.

Между тѣмъ послѣднее тоже не дремало. Внезапные обыски и шпіонство шло безостановочно. Но все было безрезультатно. Помогъ Тихоновъ. Каждый день аккуратно онъ послѣ занятій въ Учебной командѣ отправлялся въ городъ, гдѣ шатался по кофейнымъ, безрезультатно высматривая артиллеристовъ, а въ то же время, наша кофейня, при которой была и бібліотека, и складъ брошюръ социалистическаго и антимилитаристическаго характера, спокойно существовала, исполняя свое скромное назначеніе. Однако, все-таки какими-то судьбами Тихонову удалось

таки въ концѣ концовъ разузнать отъ наиболѣе простоватыхъ солдатъ, что въ городѣ существуютъ «кружки», самому ему однако, несмотря на всѣ старанія, никакъ въ эти «кружки» попасть не удавалось, а послѣ одной болѣе смѣлой попытки проникнуть туда, онъ былъ настигнутъ на льду матросами и избитъ до полусмерти.

Добравшись до крѣпости, онъ, какъ вѣрный рабъ, донесъ обо всемъ начальству, что повело къ взятію подъ стражу 7 артиллеристовъ между прочимъ товарищей: Бирюкова, Арзамасцева, Ширяева и Мошкина. Но вмѣстѣ съ ними арестованъ былъ и самъ доносчикъ. Начальство впервые изъ донесенія Тихонова почувствовало, что сидитъ на паровой бочкѣ, что черносотенная пропаганда его не ведетъ ни къ чему и... совершенно потеряло голову.

Намъ удалось устроить, что на другой же день послѣ ареста начальникомъ главнаго караула попалъ Емельяновъ, онъ разсказалъ всѣмъ заключеннымъ, что имъ предстоитъ говорить при допросѣ. Путанная и сбивчивыя донесенія Тихонова и ясныя, категорическія прямыя и правдоподобныя показанія заключенныхъ заставили выпустить ихъ, наказавъ только простымъ арестомъ за отлучку въ городъ безъ разрѣшенія.

Тихоновъ-же послѣ такой начальнической ласки, какъ содержаніе подъ стражей, совершенно переродился.—«Ага, они меня-же за мои старанія да подъ стражу, — такъ я же имъ покажу!» — Такова была безхитростная психологія этого чловѣка.

Потомъ въ лагерѣ онъ самъ писалъ прокламаціи и распространялъ ихъ, но особаго успѣха не имѣлъ, ибо всѣ сторонились его, памятуя прошлое.

Комендантъ-же въ это время старался укрѣпить въ идеяхъ реакціи офицеровъ. Для этой цѣли онъ выписалъ изъ Осовца двухъ своихъ зятьевъ: Кодрана и Венцовскаго и помѣстилъ ихъ—одного въ первый батальонъ, другого—во второй.

Это имѣло цѣлью быть въ курсѣ всего, что говорится среди офицеровъ обоихъ батальоновъ. Эти два офицера были жандармы самой чистой крови и несомнѣнно имѣли связь съ жандармскимъ управленіемъ въ городѣ. Мало того комендантъ самъ попробовалъ было выступить среди офицеровъ въ роли агитатора, но потерпѣлъ, впрочемъ, самое отчаянное фіаско.

Дѣло было такъ. Подъ предлогомъ обсужденія дѣла о выданной подпоручиками Емельяновымъ и Коханскимъ одному

ѣхавшему въ отпускъ солдату и полученной обратно черезъ жандармское управленіе книжки, комендантъ собралъ всѣхъ офицеровъ артиллеріи въ военное собраніе. Здѣсь онъ началъ иронизировать на счетъ социализма и возможности всеобщаго избирательнаго права въ Россіи, но получилъ такой дружный отпоръ со стороны нѣкоторыхъ сознательныхъ офицеровъ, что въ результатѣ двухчасовой бесѣды, наконецъ, долженъ былъ умолкнуть и эта попытка черносотенной пропаганды послужила только отличномъ агитаціоннымъ средствомъ для ознакомленія несознательной части офицерства съ идеями социализма и требованіями русской революціи. Повторять такія попытки реакціонизирования было болѣе чѣмъ рискованно и потому комендантъ на будущее время благоразумно отказался отъ нихъ. Онъ только старался, будучи въ душѣ ультра-реакціонеромъ, убѣдить офицеровъ или, вѣрнѣе, сказать безсознательную часть ихъ въ своемъ искреннемъ либерализмѣ, но и это ему мало удавалось, вслѣдствіе отсутствія самокритики и ограниченныхъ умственныхъ способностей. Реакціонизмъ проскальзывалъ у него помимо его желанія. Такъ въ концѣ одного разговора, гдѣ онъ «станъ изгиба пріятно» говорилъ на тему, что «нашъ господинъ—народъ, а мы—слуги народа», онъ неожиданно для собесѣдника, да можетъ быть и для себя, заявилъ, что жандармерія — институтъ, полный идеализма въ принципѣ и только испошленъ на практикѣ. И въ доказательство привелъ извѣстный уже избитый анекдотъ о томъ, что на вопросъ перваго шефа жандармовъ Бенкендорфа объ инструкціи вновь образованному корпусу жандармовъ императоръ Николай I вынулъ носовой платокъ и подавая его Бенкендорфу сказалъ: «утирай слезы»!

Какъ бы тамъ ни было, но ни сознательная часть офицеровъ, ни солдаты нисколько не заблуждались на счетъ истинныхъ намѣреній коменданта и послѣднему поневолѣ пришлось дѣйствовать напрямикъ.

Появились старые, знакомые приемы русскаго бюрократизма. Лучше всего они характеризуются рѣчью, сказанной командиромъ 1 роты капитаномъ Мартыновымъ, несомнѣнно инспирированной свыше:—«я пользуюсь случаемъ, что вы всѣ собраны вмѣстѣ, чтобы заявить вамъ, что вы плохо себя ведете. Я теперь вашъ временно-командующій батальономъ и въ то-же время исполняю обязанности предсѣдателя суда. На этой недѣлѣ двое уже пошло въ дисциплинарный батальонъ, помните, что

теперь будемъ васъ дуть (извиняюсь за нелитературное выраженіе автора) не въ хвостъ, а въ гриву, пощады не ждите. За то, что раньше каралось арестомъ, теперь будете отдаваться подъ судъ и безъ снисхожденія приговариваться въ дисциплинарный батальонъ. Помните, что повторенія октябрьской исторіи не будетъ. Сгноимъ васъ всѣхъ, но приведемъ къ Іисусу. Упаси васъ Богъ не послушаться сразу фельдфебеля, — если онъ приказалъ что-нибудь, такъ вскакивай какъ на пружинахъ, а замедлил только — сейчасъ подъ судъ! Помните, что мы всѣ не враги ваши, а желаемъ вашего же блага и потому будемъ васъ дуть безъ всякой пощады!»

Въ связи съ этимъ сокращены были до минимума отпуска въ городъ и производились безпрестанные обыски и аресты.

Ведшій дознанія капитанъ Николаевъ, жандармъ въ душѣ, всю свою службу прислуживавшійся къ начальству и буквально морившій по часамъ нижнихъ чиновъ на допросахъ, впрочемъ безъ всякаго результата, былъ найденъ не достаточно энергичнымъ и всѣ дѣла о пропагандѣ были переданы командиру пѣхотнаго полка Раевскому, столь-же усердному и исполнительному, сколь тупоумному и неразвитому. Всѣ его хитроумныя выдумки, на которыя онъ думалъ поймать допрашиваемыхъ, были до того шиты бѣлыми нитками, что даже солдаты открыто высмѣивали его. Мудрую мѣрою пресѣченія и предупрежденія было также увольненіе въ февралѣ въ запасъ солдатъ срока службы 1902 г. и обѣщаніе увольненія въ маѣ—1903 года.

Очень многихъ неудержимо тянуло сбросить съ себя солдатскую лямку, однако большинство понимало, что не особенно привлекательна перспектива явиться въ испепеленныя правительственными шайками родныя села, къ изнеможденнымъ отъ голода отцамъ, изнасилованнымъ матерямъ, сестрамъ и невѣстамъ...

Между тѣмъ за этими событіями снова подошло время снабженія годовыми вещами. И снова былъ выданъ гнилой сапожный товаръ на этотъ разъ уже интендантствомъ.

Послѣднее при этомъ постаралось надуть солдатъ и при отпускѣ денегъ на шитье сапогъ.

По новымъ правиламъ, явившимся слѣдствіемъ солдатскихъ волненій, положено было отпускать на шитье сапогъ по 1 р. 20 к. вмѣсто прежнихъ 75 к. на пару. Однако та часть солдатъ, которая получила сапоги готовыми разницы денегъ при этомъ

не получила. Но сапоги эти были заготовки прежних лѣтъ, слѣдовательно шились по цѣнѣ 75 коп. за пару, а излишекъ, истребованный интендантствомъ въ 45 коп., оно спокойно положило себѣ въ карманъ. Среди солдатъ, отлично сознававшихъ это, началось глухое броженіе. Къ коменданту посыпались анонимныя письма съ мольбами заступиться и съ угрозами кровавой расплаты.

Если бы комендантъ внялъ этимъ, часто наивно-трогательнымъ мольбамъ о заступничествѣ передъ творимыми беззаконіями, онъ, должно быть, нанесъ бы ударъ революціонной пропагандѣ и надолго успокоилъ бы сѣрую массу солдатъ, но... слѣпой, за деревьями не видящей лѣса бюрократизмъ роковымъ образомъ и неудержимо ведетъ правительство къ гибели и главными пособниками въ этомъ направленіи фатально являются его-же агенты.

Такъ и въ этомъ случаѣ комендантомъ былъ изданъ приказъ, гдѣ говорилось, что интендантство должно освѣжить свои запасы, что поэтому выдача сапогъ товаромъ, а не деньгами (прибавляю отъ себя, гнилымъ товаромъ) совершенно законна, недовольство солдатъ объясняется незнаніемъ ими законовъ, что ставится въ вину ротнымъ командирамъ.

Анонимныя письма пишутъ только воры, а съ крамольниками онъ, съ Божьей помощью, справится; вѣроятно, для болѣе рельефнаго доказательства своей вѣры въ Божественный Промыселъ, онъ на другой день пригласилъ въ крѣпость двухъ агентовъ тайной полиціи изъ города.

Результатъ отъ этого приказа для коменданта оказался совершенно неожиданный: когда онъ однажды пришелъ въ манежъ на дававшееся тамъ для солдатъ представленіе, то въ его лицо былъ брошенъ увѣсистый булыжникъ, пролетѣвшій мимо и сбившій съ ногъ находившагося позади него жандарма. Бросившій остался неразысканнымъ. Черезъ нѣсколько дней во время представленія въ томъ-же манежѣ къ его ногамъ упалъ обломокъ скалы, выворотившій по дорогѣ оконную раму. Послѣ этого опять начались аресты и всевозможныя репрессіи.

Такъ долго продолжаться не могло, для спокойнаго подчиненія режиму насилій солдаты были уже слишкомъ сознательны.

Они начали собираться въ кучки, кучки росли, начали создаваться импровизированные митинги, слышались тамъ и слытъ горячія рѣчи ораторовъ—солдатъ.

Какъ только комендантъ узналъ объ этомъ, то тотчасъ командировалъ поручика Венцовскаго.

— «Чадушко мое родимое, пойди, походи, поразвѣдай, что тамъ затѣваетъ темная сила солдатская, аль не собирается-ли она противъ насъ, государевыхъ слугъ, походомъ идти, да и насъ, царскихъ слугъ, покалачивати».

Пошло чадо, пришло на сходку въ общественный садъ, ничего, ласково такъ подходить, какъ лиса, хвостикомъ виляеть, слѣдъ замѣтаетъ.

— «Дозвольте закурить, братцы!»

Одинъ ему далъ, другіе отошли.—«Вы что это здѣсь собрались, должно быть время провести?»—Такъ что послѣ октября приказомъ коменданта здѣсь мѣсто намъ отведено для куренія, вотъ и пришли въ свободное время покурить,—а кто на гармоніи играетъ. Съ этими словами, дававшій закурить, солдатъ отошелъ. Такъ и пришлось «чаду родимому», не солоно хлебавши, къ своему тестю восвоюи поворотъ держать.

Вокругъ ходили жандармы, но близко подходить не рѣшались, очень ужъ лица у солдатъ были сосредоточенныя и серьезные.

Снова начались аресты и дознанія, изъ Петербурга были высланы опытные агенты сыскаго дѣла.

При выборгскомъ комендантѣ было образовано охранное отдѣленіе. Пригельсингфорскомъ жандармскомъ правленіи—также, но несмотря на всѣ эти мѣры начальству открытъ ничего не удалось.

23 апрѣля былъ назначенъ въ крѣпости всеобщій митингъ, но впоследствии отмѣненъ по совѣту центрального комитета, ибо могъ повести къ преждевременному выступленію.

Въ этотъ день комендантъ все время держалъ наготовѣ пѣхоту, а отъ артиллеріи посылалъ патрули подъ командой офицеровъ для того, чтобы разгонять всякія скопища.

Самъ онъ цѣлый день, конвоируемый своими зятьями, поручиками Кодраномъ и Венцовскимъ, развѣзжалъ по крѣпости на велосипедѣ, лично наблюдая за порядкомъ.

Передъ выступленіемъ въ лагери говорились рѣчи на тему о святости присяги, о батюшкѣ-царѣ и его милостяхъ солдатамъ. А черезъ мѣсяцъ при отправленіи въ дисциплинарный батальонъ одного разжалованнаго фейервейкера двѣ роты возмущились, устроили сходку, потребовали коменданта и заявили ему, что этотъ фейерверкеръ не долженъ подвергаться столь

тяжелому взысканію, ибо, хотя онъ и оскорбилъ офицера, но и самъ былъ имъ оскорбленъ;—слѣдовательно они бѣгты.

Съ большимъ трудомъ удалось коменданту успокоить солдатъ.

V.

Начало конца. Наканунъ возстанія. Ночь возстанія. Попытка организаціи санитарнаго отряда Краснаго Креста.

Въ это время въ средѣ соц.-демократическ. организаціи, къ сожалѣнію, начался расколъ, приведшій къ тому, что нѣкоторые члены организаціи вышли изъ нея. Въ числѣ вышедшихъ былъ и я. Отъ раздоровъ въ партіи сильно страдало дѣло пропаганды среди солдатъ.

Артиллеристы, узнавъ о моемъ выходѣ изъ военной организаціи, сами рѣшили прекратить сношенія съ ней.

Не знаю, справился ли бы я одинъ со всеѣмъ дѣломъ, но на мое счастье мнѣ удалось завязать сношенія съ партіей соц.-революціонеровъ. Мы рѣшили устроить свою внѣпартійную организацію и предложили соц.-демократамъ вступить въ нее, но получили отказъ.

Между тѣмъ событія не ждали.

Въ воскресенье 2-го іюля изъ Кронштадта пріѣхалъ товарищъ с.-р. и заявилъ, что возстаніе въ Кронштадтѣ можетъ вспыхнуть каждую минуту и потому объединенный боевой комитетъ отъ всеѣхъ частей гарнизона послалъ его узнать, можетъ ли и согласенъ ли Свеаборгъ поддержать это возстаніе.

Въ этотъ же день было устроено засѣданіе обѣихъ военныхъ организацій въ присутствіи представителя финской партіи. Въ концѣ концовъ послѣ длинныхъ, горячихъ дебатовъ было рѣшено тотчасъ же приступить къ оповѣщенію о готовящемся возстаніи всеѣхъ военныхъ судовъ, гдѣ имѣлись связи, и постараться добиться ихъ сосредоточенія подъ Свеаборгомъ. Какъ только этого удастся достигнуть, то Кронштадтъ предупреждается условнымъ сигналомъ и начинается общее возстаніе въ обѣихъ крѣпостяхъ. Соц.-демократы приняли это рѣшеніе условно, заявивъ, что они должны получить еще согласіе на возстаніе со стороны своего Центральнаго Комитета.

На другой же день два товарища соц.-революціонера отправились въ Ревель по имѣвшейся явкѣ. Въ Ревелѣ они опять таки наткнулись на противодѣйствіе со стороны работавшаго тамъ меньшевика соц.-демократа. Онъ также заявилъ, что долженъ сначала получить инструкціи отъ Ц. К., за которыми и поѣдетъ на дняхъ. Этимъ и объясняется неудача возстанія на «Памяти Азова».

Часть матросовъ, принадлежащихъ къ соц.-революціонной партіи, по словамъ нашего товарища, поднялась, какъ только узнала о революціи въ Свеаборгѣ, другая же часть ждала извѣстій отъ соц.-демократовъ. Возстаніе запоздало и было подавлено. Приди «Память Азова» даже въ четвергъ 20 іюля утромъ,—исходъ возстанія въ Свеаборгѣ былъ бы инымъ.

Между тѣмъ 8-го была распущена Дума. Послѣ засѣданія въ Выборгѣ члены ея хотѣли переѣхать въ Гельсингфорсъ и артиллерія уполномочила меня увѣдомить ихъ, что въ этомъ случаѣ народные представители будутъ подъ защитой пушекъ Свеаборга и за ихъ дѣйствительную неприкосновенность артиллерія ручается головой.

Въ описанныхъ выше приготовленіяхъ протекла недѣля. Въ воскресенье 16-го іюля было засѣданіе объединенныхъ комитетовъ обѣихъ работавшихъ въ Финляндіи организацій для выработки общаго плана возстанія. Соц.-демократы почему то со своимъ планомъ запоздали. Было рѣшено, что я поѣду во понедѣльникъ на Михайловскій островъ на собраніе всѣхъ представителей отъ ротныхъ комитетовъ артиллеріи и тамъ сообща съ ними разработаю планъ.

На другой день часовъ около 5 мнѣ сообщили, что изъ Свеаборга прибылъ артиллеристъ, имѣющій ко мнѣ очень важное и спѣшное порученіе. Получивъ это извѣстіе, я стремглавъ поспекалъ на центральную квартиру. Влетаю, и вижу: дѣйствительно сидятъ товарищъ артиллеристъ изъ Свеаборга.

— Здравствуйте... Что новаго?

— Да сегодня рѣшили начинать!

Если бы громъ разразился надъ моей головой, это меньше поразило бы меня, нежели подобное сообщеніе.

— Да вѣдь окончательно ничего не готово!..

— Не знаю. Меня Д—чъ къ вамъ послалъ сказать только, что приходите сегодня ночью, какъ факелы зажгутъ, въ Центральную крѣпость на митингъ, а тамъ начинать будемъ.

— Ступайте сейчасъ же къ Д—ичу и скажите, что сегодня

ни въ какомъ случаѣ начинать нельзя, я же отправлюсь на Михайловскій о. и передамъ то же самое представителямъ.

— Ладно, передамъ!

Я отправился тотчасъ за лодкой, но поѣздка задержалась, такъ какъ моторной лодки нигдѣ достать на часы не удалось, а въ обыкновенной въ виду возможности преслѣдованія ѣхать было рискованно. Пришлось обратиться къ знакомымъ. Добывъ лодку, я по телефону передалъ условно въ крѣпость, что ѣду и прошу представителей меня подождать.

На Михайловскомъ островѣ снаружи ничто не напоминало о готовящихся грозныхъ событіяхъ. На пристани мирно шагала дневальный. На берегу не было ни души. Только около канцеляріи толпилась масса солдатъ, возбужденными взорами слѣдившихъ за нами. Насъ встрѣтилъ у входа товарищъ Коханскій, блѣдный, взволнованный, но не за себя волновался этотъ благородный мученикъ долга, а за насъ.

— Какъ вы могли пріѣхать сюда, вѣдь это въ пасть волка лѣзть. Вонъ подъ окномъ фельдфебель Морозовъ стоялъ, — онъ живо донесетъ.

— Ну, въ такія минуты не разбираютъ, вы слышали, что они затѣваютъ?

— Да, это ужасно, подите, уговорите ихъ.

Коханскій съ 3-ымъ остались въ конторѣ, а я вышелъ въ канцелярію.

— Что у васъ такое затѣвается?

«Да вотъ встаемъ».

— Какая причина?

«Видите-ли, минеровъ арестовали за то, что они отказались два дня тому назадъ мины ставить по приказанію коменданта. Дѣло было такъ: коменданту откуда-то донесли, что крѣпость собираются захватывать при помощи матросовъ съ разныхъ судовъ Балтійской эскадры, чтобы, значитъ, они высадили десантъ на батареи, а потомъ артиллерія къ нимъ примкнетъ. Вотъ онъ и приказалъ на ночь мины выставять. Но минеры отказались. Изъ-за этого все и пошло. Минеровъ окружили пѣхотой, разоружили, а потомъ комендантъ самолично сталъ съ нихъ нашивки срывать. Потомъ окружили ихъ лагерь пѣхотой и держать какъ значитъ подъ арестомъ. Такъ мы ихъ освободить желаемъ».

— Но понимаете-ли вы, что, если вы сейчасъ поднимитесь, то этимъ громадный вредъ нанесете всей русской революціи.

Кронштадтъ еще не совсѣмъ готовъ; надо суда собрать. Это потребуетъ нѣсколько дней. Черезъ нѣсколько дней все будетъ готово и тогда—съ Богомъ! Ничего вѣдь за эти дни съ минерами не сдѣлаютъ.

— Ну, а сколько, къ примѣру, ждать-то придется?

«Дней пять не больше, тогда и Севастополь примкнетъ и эскадра почти вся будетъ наша, какъ Балтійская, такъ и Черноморская».

— Ну дней пять обождать можно!

«Такъ пойдите сейчасъ-же и оповѣстите по ротамъ, чтобы всѣ знали, что рѣшено возстаніе отложить».

На собраніи, о которомъ я упомянуть было человѣкъ шесть разныхъ ротъ. Хотя роты всѣ и не были представлены, но здѣсь были люди, какъ центральной крѣпости, такъ и со всѣхъ острововъ.

Я очень подробно остановился на этомъ разговорѣ потому, что онъ ясно выражаетъ, что возстаніе произошло стихійно, единственно въ слѣдствіе нервнаго напряженія солдатъ, требовавшаго выхода. Какъ паръ, не находя себѣ выхода, разрываетъ крышку котла, а иногда и самый котелъ на части, такъ и солдаты,—возмущенные до глубины души провокаціонными дѣйствіями шайки хулигановъ, именующихъ себя русскимъ правительствомъ, изстрадавшіе душой за своихъ истязуемыхъ въ деревнѣ отцовъ и братьевъ, насилуемыхъ женъ, сестеръ и невѣсть, увидавъ, что Дума разогнана, что правительство скинуло, наконецъ, маску и открыто объявило войну народу—рѣшили, что насталь, наконецъ, часъ возмездія и кары, что пора взяться за оружіе и доказать сидящимъ на тронѣ и толпящимся около трона палачамъ, что и среди арміи есть люди съ свободной душой, граждане, готовые отомстить притѣснителямъ и угнетателямъ родного края и, если нужно, пожертвовать жизнью за свободу отчизны.

Этимъ и объясняется, что 9 ротъ артиллеріи поднялись по данному сигналу, какъ одинъ человѣкъ. Измѣнниковъ общаго дѣла не было.

Почему артиллерія поднялась, не смотря на согласіе представителей комитетовъ обождать—разобраться въ этомъ—дѣло историка. Я съ своей стороны выскажу только два предположенія.

Первое—это отсутствіе правильной организаціи, которое и повело къ гибели революціонеровъ и давало себя чувствовать съ перваго-же дня возстанія.

Второе—это то, что артиллеристъ которому было поручено дать условный сигналъ въ общей суматохѣ и спѣшнѣ не былъ предупрежденъ о состоявшемся рѣшеніи обождать, онъ подалъ сигналъ, а остальные хотя и были предупреждены, но приняли его, предполагая, что снова рѣшено возстать въ этотъ день.

Упомянутый разговоръ происходилъ въ 9 час. вечера, а ровно въ 12 час. ночи на Лагерномъ островѣ былъ данъ условный сигналъ—выстрѣлъ изъ 9-ти фунтовой пушки. Раздался этотъ выстрѣлъ, предвѣстникъ новой зари, зари пробужденія гражданского самосознанія среди солдатъ и весь артиллерійскій лагерь на Лагерномъ островѣ, состоявшій изъ 6, 8 и 9 ротъ,—поднялся, какъ одинъ человѣкъ.

Артиллеристы тотчасъ-же двинулись освобождать минную роту. Предполагалось, что это удастся очень легко, такъ какъ было извѣстно, что охранявшая минеровъ пѣхота, вошла въ сношенія съ ними и готова перейти на сторону революціонеровъ.

Но черносотенцы-офицеры и заведенные комендантомъ крѣпости шпіоны среди пѣхотныхъ солдатъ донесли еще днемъ, что стоящая на часахъ вокругъ миннаго лагеря пѣхота начинаетъ сличшомъ дружественно относиться къ минерамъ. Результатомъ этого донесенія явилось приказаніе коменданта немедленно смѣнить батальоны пѣхоты. 2-ой батальонъ былъ въ 6 час. вечера перевезенъ съ Лагернаго острова въ Центральную крѣпость, а первый выступилъ въ лагерь на Сандгамъ для охраны минеровъ.

Такимъ образомъ, къ моменту нападенія артиллеристовъ на лагерь минной роты противникомъ ихъ оказался не дружественный, а враждебный 1-ый батальонъ свеаборгскаго крѣпостнаго пѣхотнаго полка. Нападеніе артиллеристовъ было отбито спрятанной въ засадѣ пѣхотой, послѣ чего всѣ три роты артиллеріи въ полномъ порядкѣ перешли на Михайловскій островъ, гдѣ къ этому времени уже собрались, арестовавъ ротнаго командира 7 роты капит. Власова, 7-ая и 10 роты артиллеріи.

На Александровскомъ островѣ 3-ья и 4-ая роты тоже заняли свои батареи послѣ того, какъ посланные изъ Центральной крѣпости четыре артиллериста арестовали ихъ ротныхъ командировъ, Глушановскаго и Филимонова, отъ имени Центрального Комитета. Послѣ этого, въ виду того, что пѣхота начала съ Лагернаго острова осыпать артиллерію на Михайловскомъ островѣ дождемъ пуль, полагая терроризировать ее и принудить

къ сдачѣ, съ батарей Михайловскаго и Александровскаго островъ—по ней былъ открытъ шрапнельный огонь.

Въ Центральной крѣпости тотчасъ послѣ поданнаго съ Лагернаго острова сигнала находившаяся около своего лагеря специальная команда бросилась въ артиллерійскій манежъ, гдѣ стояли въ полной готовности 20 пулеметовъ. Арестовавъ завѣдующаго ими старшаго фейерверкера пулеметной команды, —перешедшаго впоследствии на сторону народа, —они завладѣли всѣми пулеметами за исключеніемъ двухъ, оказавшихся безъ замковъ, —ихъ революціонеры великодушно предоставили въ распоряженіе коменданта, выставившаго ихъ на всякій случай, какъ пугало для правительственной пѣхоты передъ своимъ домомъ. (Видно, не особенно довѣрялъ онъ вѣрнымъ царю войскамъ).

Послѣ этого часть революціонныхъ артиллеристовъ направилась къ гауптвахтѣ освобождать заключенныхъ начальствомъ товарищей. Зная, что гауптвахта занята карауломъ учебной команды, состоявшей изъ мало-сознательныхъ солдатъ послѣдняго призыва, —нападающіе раздѣлились на двѣ коллоны. Одна напала спереди, другая—стылу гауптвахты, произошла незначительная перестрѣлка; начальникъ главнаго караула, зять коменданта, не разъ упоминавшійся Венцовскій, постарался спастись бѣгствомъ подъ крыло своего тестя и, покинувъ съ карауломъ гауптвахту, перешелъ въ комендантскій домъ.

Послѣ этого гауптвахта была занята революціонерами, плѣнники правительства выпущены на свободу.

Пѣхота въ это время была выведена на площадь въ полномъ боевомъ порядкѣ и офицеры двинули ее на артиллеристовъ. Увидавъ пѣхоту, артиллеристы закричали: «Товарищи! бей офицеровъ и переходите къ намъ! Мы идемъ добывать землю и волю и правительство грабителей хотимъ замѣнить Учредительнымъ Собраніемъ!» Изъ рядовъ пѣхоты отвѣчали, что они стрѣлять не будутъ, лишь бы артиллеристы не стрѣляли по нимъ. Въ это время изъ рядовъ артиллеріи кто-то выстрѣлилъ по пѣхотѣ и ранилъ въ руку стоявшаго близъ офицера рядового. По всей вѣроятности выстрѣлъ былъ произведенъ въ офицера, но получился промахъ. Пѣхота бросилась врасыпную, но она снова была собрана офицерами, которые выбрали такихъ солдатъ, которые согласились бы стрѣлять въ артиллеристовъ. Отрядъ этотъ былъ отведенъ съ восточной стороны Александровскаго собора въ соборный садикъ, откуда онъ произвелъ залпъ по артиллеріи. Произошла горячая схватка между войсками народа и войсками правительства.

Съ обѣихъ сторонъ были ранены, убиты. Артиллерія, забравъ своихъ раненыхъ, изъ коихъ только одинъ былъ раненъ тяжело, видя, что главная ихъ задача исполнена и арестованные освобождены, отступила на свои позиціи—Инженерный и Артиллерійскій островъ...

На посту, соединяющемъ Комендантскій о—въ съ Инженернымъ, артиллеристы поставили пулеметы и разставили сторожевые посты: трое артиллеристовъ пошли на развѣдки, узнать расположеніе пѣхоты и что дѣлается въ Центральной крѣпости.

Въ это время комендантъ вытребовалъ 2 роты финляндскаго стрѣльцоваго полка, собралъ пѣхоту, выстроилъ на плацу и обратился къ нимъ съ такими словами: «Братцы! артиллеристы бунтуютъ. Они измѣнили присягѣ, измѣнили батюшкѣ-царю, они сдѣлались крамольниками, страшными внутренними врагами. Помогите мнѣ ихъ усмирить, надѣюсь, вы послужите батюшкѣ-царю».

«Стрѣлять въ своихъ не будемъ!» раздалось въ рядахъ пѣхотинцевъ и стрѣлковъ. Комендантъ закрылъ лицо руками и заплакалъ, какъ ребенокъ *), онъ понялъ, что близокъ конецъ самодержавной власти, что опора самодержавія покачнулася на сторону народа; онъ понялъ, что онъ уже не грозный генералъ, заставляющій однимъ своимъ взглядомъ дрожать два полка солдатъ. Но его поддерживалъ штабъ, который посоветовалъ ему сдѣлать послѣднюю попытку къ спасенію своего достоинства; ему посоветовали выбрать тѣхъ солдатъ, кто не пропитанъ крамольнымъ духомъ, и онъ это сдѣлалъ; около него собралось не болѣе 100 человекъ, какъ онъ выразился, вѣрныхъ «долгу и присягѣ»,—которыхъ онъ размѣстилъ въ своей роскошной квартирѣ, изъ оконъ которой онъ рѣшилъ отбивать атаки «крамольниковъ». Остальная пѣхота была отведена въ манежъ, а стрѣлки расположились за бѣлымъ офицерскимъ флигелемъ близъ Александровскаго собора, такъ что выстрѣлы артиллеристовъ не могли причинить имъ вреда.

Между тѣмъ у артиллеристовъ происходило слѣдующее: они собрались за полковымъ пейхгаузомъ на Инженерномъ о—въ;

*) Это была, конечно, хитрость. Зная сердце русскаго народа, комендантъ думалъ разжалобить солдатъ, играя эту недостойную комедію растроганности чувствъ.

Примѣч. автора.

вышелъ ораторъ, высокій артиллеристъ, и началъ говорить рѣчь про тяжесть существующаго режима, про страданіе народа, про мошеничество правительства; онъ говорилъ кратко, но для всѣхъ понятно; онъ говорилъ также про тяжелую солдатскую жизнь, про несправедливость начальства. «Товарищи!»—заклучилъ онъ свою рѣчь—«мы называемся защитниками Родины и Отечества и мы должны быть ими. Мы давали клятву служить нашему Отечеству, а также и царю, но царь нарушилъ первый данную клятву—заботиться о благѣ народа; онъ, на противъ, вмѣстѣ со своимъ правительствомъ старается народъ держать въ невѣжествѣ для того, чтобы лучше было его обирать. Подъ давленіемъ политическихъ и экономическихъ забастовокъ и вооруженныхъ возстаній онъ собралъ Думу, которую разогналъ за то, что она стала просить улучшеній для народа; онъ потерялъ теперь довѣріе наше и всего народа русскаго и съ этого дня мы будемъ служить не ему, а нашей Родинѣ, русскому народу.

Товарищи! мы будемъ бороться за землю и волю и за учредительное собраніе. Мы защищать будемъ интересы нашихъ отцовъ, и братьевъ. Умремъ-же за нихъ—или побѣдимъ! Да здравствуетъ Учредительное Собраніе!»

— Долой самодержавіе! подхватили артиллеристы. «Идемъ бить кровопійцъ!» раздалось изъ толпы и вслѣдъ за тѣмъ два выстрѣла по направленію комендатскаго флигеля.

«Товарищи!» снова началъ ораторъ,—«теперь ночь и идти на Комендантскій островъ опасно, такъ какъ пѣхота можетъ изъ засады насъ всѣхъ разстрѣлять; дождемся дня, вооружимся хорошенъко и поведемъ правильную осаду». Артиллеристы согласились.

— Кто гребетъ? раздался, внезапно прорѣзавъ безмолвную ночную тишину, окликъ часового съ артиллерійскаго крана, зорко всматривавшагося въ темноту и замѣтившаго приближающуюся лодку. Но отвѣта не послѣдовало, — слышно было только торопливое приказаніе гребцамъ.

«Налягъ!»

— Стой! скомандовалъ часовой.

«Налягъ!» раздалось снова съ лодки.

Это ѣхали начальникъ артиллеріи крѣпости генералъ Аггъевъ и завѣдующій практическими занятіями полковникъ Нотара. Раздался выстрѣлъ, направленный черезъ лодку.

— Налягъ! раздался испуганный, дрожащій голосъ Нотара.

Въ отвѣтъ раздался съ берега залпъ, ранившій Нотара въ ногу. Лодка остановилась.

— Неси меня живо въ лазаретъ! приказалъ Нотара.

«Ладно, обожди немного! Братцы, отведите полковника».

Шестеро артиллеристовъ подняли Нотара и хотѣли нести.

«Ну, живо двигайся вы, мерзавцы! Ужо будетъ вамъ на орѣхи!»

— Молчи, кровопивецъ! крикнули артиллеристы.

«Пилъ вашу кровь и буду пить! Подъ разстрѣлъ васъ, на висѣлицу!»

— Раздайся! крикнули несшимъ Нотара солдатамъ, они отскочили въ сторону. Залпъ... — и Нотара сталъ трупомъ...

Генерала-же Аггѣева арестовали и посадили въ карцеръ при караульномъ помѣщеніи на Артиллерійскомъ островѣ, но скоро онъ былъ по своей просьбѣ переведенъ на квартиру штабсъ капитана Смирнова, гдѣ уже находились другіе офицеры. Здѣсь онъ все время находился подъ стражей.

«Ты это куда?» — спросилъ я одного артиллериста, стремглавъ бѣжавшаго съ ружьемъ наперевѣсъ къ артиллерійскому острову.

— Да въ Малинникъ, тамъ Боркъ заперся съ женой и стрѣляетъ въ нашихъ изъ револьвера.

И дѣйствительно, около памятника Эренсверда слышалась пальба. Черезъ нѣсколько минутъ, однако, все стихло.

Оказалось, что Боркъ забрался на чердакъ, откуда съ женой и вѣстовымъ началъ отстрѣливаться отъ желавшихъ его арестовать артиллеристовъ. Ранивъ четверыхъ изъ нападавшихъ и, не имѣя патроновъ для дальнѣйшаго сопротивленія, Боркъ, не желая сдаваться, застрѣлился на глазахъ у жены, почти въ ея объятіяхъ.

Не смотря на то, что жена его также стрѣляла въ солдатъ, послѣдніе, несмотря на невольное призывавшіе къ мщенію стоны раненыхъ Боркомъ артиллеристовъ, даже пальцемъ не тронули жены его, и она спокойно осталась въ своей квартирѣ.

Остальная часть ночи прошла въ приготовленіяхъ. Отовсюду тащили полевые орудія, снаряды и заряды къ нимъ, устраивали баррикады.

На Александровскомъ островѣ часть артиллеріи разошлась спать, другая-же тоже готовила орудія.

На Михайловскомъ островѣ шла безостановочно самая кипучая дѣятельность.

Всѣ были на ногахъ, всѣ переживали высоковосторженное настроеніе данной минуты.

Къ орудіямъ стаскивались снаряды, ввинчивались трубки въ шрапнели, кое-гдѣ раздавались революціонныя пѣсни, кое-гдѣ слышался шепотъ молитвъ о помощи затѣянному дѣлу. Емельяновъ и Коханскій спѣшно приводили въ извѣстность наличие боевыхъ и продовольственныхъ припасовъ, размѣщали прибывшихъ съ лагернаго острова солдатъ, устраивали перевязочные пункты, очень примитивные, ибо во все время возстанія въ распоряженіи революціонеровъ не было ни одного врача, не было нужныхъ хирургическихъ инструментовъ и достаточнаго количества перевязочныхъ матеріаловъ. Правда, въ городѣ, узнавъ объ этомъ, нѣсколько сострадательныхъ женщинъ взяли на себя инициативу отправки въ Свеаборгъ санитарнаго отряда. Сначала предполагалось снарядить этотъ отрядъ подъ флагомъ финляндскаго краснаго креста. Обратились по этому поводу къ генераль-губернатору Герарду, который къ удивленію многихъ немедленно далъ на это свое полное согласіе. Оказалось, что это съ его стороны было простое фарисейство или, выражаясь мягче, дипломатическая увертка. Ибо въ то-же время, вполне проникая истинныя мнѣнія генер.-губернатора, командующій расположенными въ Финляндіи войсками ген.-лейт. баронъ Зальца категорически воспротивился пропуску этого санитарнаго отряда, хотя бы и подъ флагомъ краснаго креста заявивъ, что если этотъ отрядъ попытается попасть въ Свеаборгъ, то будетъ немедленно разстрѣлянъ.

Какъ видно, барону Зальца не давали спать печальной памяти лавры генер. Дубасова.

Въ этомъ случаѣ оба эти генерала, какъ впрочемъ и во многихъ другихъ вполне могутъ пожать другъ другу руку. Но, конечно, инициаторы предпріятія не могли успокоиться на этомъ.

Сознавая, что раненые революціонеры терпятъ крайнюю нужду въ уходѣ и перевязочныхъ матеріалахъ, они рѣшили доставить медицинскую помощь помимо Краснаго Креста.

Очень много женщинъ, узнавъ о предпріятіи, тотчасъ заявили о своемъ желаніи идти въ Свеаборгъ въ качествѣ сестеръ милосердія, хирургическіе инструменты и перевязочный матеріалъ тоже имѣлись налицо, необходимо было достать только одного или двухъ докторовъ и дѣло было бы сдѣлано, но здѣсь явились крупныя и совершенно неожиданныя затрудненія. Всѣ

финляндскіе врачи, къ которымъ инициаторы обращались съ просьбой о помощи, а съ этой просьбой они обращались почти ко всемъ врачамъ Гельсингфорса, отвѣчали, что финны не должны вмѣшиваться во внутреннія дѣла Россіи.

Итакъ, по мнѣнію этого покрывшаго себя навсегда несмыслаемымъ позоромъ финскаго врачебнаго персонала, оказаніе помощи страдающимъ и мучающимся отъ ранъ людямъ—является нарушеніемъ нейтралитета. Политика ставится выше чувствъ гуманности и любви къ ближнему, которыя бы, казалось должны быть въ высокой степени развиты именно у медицинскаго персонала.

Болѣе того, все общество осталось глухо къ подобному гнусному, чтобы не сказать больше, поступку врачей, и только одна газета «Framtid» нашла нужнымъ пригвоздить ихъ къ позорному столбу. Справедливость требуетъ отмѣтить, что одинъ докторъ все же изъявилъ согласіе отправиться съ экспедиціей, но къ сожалѣнію было уже слишкомъ поздно!

VI.

Первый день возстанія. Раненые. Вылазка.

Въ описанныхъ выше приготовленіяхъ прошла вся ночь. Наступилъ вторникъ. Съ утра все было тихо,—затишье передъ бурей. Постороннему наблюдателю могло бы показаться все спокойно,—но расположенные бивуаками въ полной походной амуниціи пѣхотинцы, но расхаживавшая съ винтовками за плечами артиллерія, но громадный красный флагъ, развѣвавшійся надъ Густасвердомъ на мѣстѣ императорскаго кейзеръ флага,—говорили о грозной, суровой, но славной дѣятельности.

Съ утра шла спѣшная перевозка въ городъ женъ и семействъ офицеровъ; причемъ артиллеристы, достаточно натерпѣвшіеся отъ бабьяго царства, все-же не только не бомбардировали суда, перевозившія эти семейства, но даже сами уговаривали выѣхать самихъ офицеровъ изъ занятаго революціонерами района. Отпущены были также и военные инженеры, какъ офицеры нестроевыхъ должностей. Солдаты съ обихъ

сторонъ обмѣнивались одиночными выстрѣлами, но видно было, что среди артиллеристовъ нѣтъ человѣка, который бы могъ взять въ свои руки инициативу дѣйствій, не хватало опытнаго руководителя возстанія. Такой человѣкъ явился только къ вечеру вторника въ лицѣ П-на. Въ ночь возстанія этотъ энергичный и мужественный человѣкъ, равшійся на самыя опасныя предпріятія и воодушевлявшій своимъ примѣромъ всѣхъ остальныхъ, отправился на опасную рекогносцировку Центральной крѣпости, но былъ задержанъ и арестованъ въ Управленіи артиллеріи адъютантомъ Бастратовымъ.

Къ вечеру вторника ему удалось, однако, бѣжать на Артиллерійскій островъ къ революціонерамъ. Его непоколебимой вѣрѣ въ святость предпринятаго дѣла, его желѣзной энергіи и силѣ характера невольно покорялось все. Съ его прибытіемъ около 5 часовъ вечера началась настоящая бомбардировка центральной крѣпости.

«Кто идетъ?» раздался сторожевой окликъ съ моста, соединяющаго центральную крѣпость съ Инженернымъ островомъ.

— Свои, товарищи, свои!

«Кто свои?»

Оказалось, что это были больные, выпущенные изъ лазарета и тотчасъ отправившіеся въ ряды революціонеровъ, желая умереть за дѣло народа.

— По лазарету не стрѣлять! отдалъ П. приказъ.

«По что не стрѣлять? Вонъ больные, тѣ говорятъ, что въ лазаретъ спрятались офицеры, а больные всѣ выведены отсюда.

— Все-же стрѣлять нельзя. Надъ лазаретомъ флагъ Краснаго креста, его народы всего міра почитаютъ, и мы не варвары какіе нибудь. Пусть не говорятъ, что мы по Красному кресту стрѣляли. Мы вѣдь здѣсь дѣлаемъ святое дѣло всего русскаго народа. Негоже его грязными руками дѣлать. Вѣдь на насъ въ эту минуту весь міръ смотритъ. А коли здоровая офицерская сволочь туда позапрыталась,— это лежитъ на ихъ совѣсти. Пусть они будутъ подлецами, а не мы.

Такова была безхитростная логика простого солдата изъ народа. Не мѣшало бы поучиться благородству души и гуманности у этого солдата разнымъ фонъ-баронамъ Зальцамъ, Дубасовымъ и прочей аристократической мрази, съ молокомъ матери впитавшихъ въ себя инныя чувства, инныя импульсы.

Къ счастью, во все время революціи въ Свеаборгѣ со сто-

роны революціонеровъ раненыхъ было очень мало, да и тѣ понимали, что, когда дерешься за святое дѣло освобожденія народа, то тутъ не время заниматься своими ранами.

Мнѣ навстрѣчу попался одинъ канониръ, все лицо котораго было въ крови.

«Что съ тобой?»

— Да вотъ эта сволочь пробила мнѣ скулу насквозь.

«Ступай скорѣй въ центральную крѣпость, тамъ тебѣ докторъ сдѣлаетъ перевязку.

— Время нѣтъ. Я уже самъ какъ-нибудь перевязусь, не то фершалъ поможетъ. Коли всѣ побѣгутъ изъ-за всякой царапины перевязываться, кто-же останется съ нами?

Другой артиллеристъ съ перевязанной ногой воскликнулъ, стаскивая и бросая прочь свой сапогъ: «ладно и безъ сапога подеремся, пока силушка есть!»

Третьему пуля пробила лѣвую руку и этотъ перевязался самъ и тотчасъ сталъ снова къ орудію.

Очень жаль, что я не знаю именъ этихъ славныхъ борцовъ за великое дѣло, этихъ сѣрыхъ, простыхъ людей, проявлявшихъ такой высокой героизмъ въ борьбѣ за освобожденіе.

И это не были единичные случаи, — нѣтъ, всѣ горѣли святымъ огнемъ вдохновенія и энтузіазма, которые только и можетъ вызвать къ жизни и разжечь жажда освобожденія, жажда сверженія ненавистной тираніи, убивающей въ народѣ все чело-вѣческое и сосущей непрестанно его кровь...

Между тѣмъ канонада разгоралась все сильнѣе и сильнѣе.

Пушки, искусно скрытыя за деревьями и пулеметы, поставленные на всѣхъ возвышенностяхъ, говорили на своемъ суровомъ безапелляціонномъ языкѣ правительственнымъ войскамъ о необходимости сдачи.

Въ центральной крѣпости стрѣлки и крѣпостная пѣхота, осыпаемые градомъ шрапнелей и пуль, метались изъ стороны въ сторону, ища убѣжища и не находя его, усыпали плацъ ранеными и убитыми. Среди нихъ шелъ уже громкій ропотъ и громко высказывалось желаніе сдать. Къ коменданту крѣпости со всѣхъ сторонъ приходили вѣсти все болѣе и болѣе неутѣшительныя. Онъ, бравировавшій опасностью днемъ и гордо возсѣдавшій на крыльцѣ своего дома, при начавшейся канонадѣ счелъ за болѣе благоразумное со своимъ начальникомъ штаба Жновымъ перекочевать подъ гостепримную кровлю церковнаго подвала, чтобы оттуда, какъ собака изъ подъ воротни,

посылать никѣмъ не исполнявшіеся и никого не пугавшіе приказы, желая должно быть этимъ выразить:

«Ай, моська! знать она сильна,
Коль лаетъ на слона!..»

Видя, что все вокругъ него рушится, онъ слалъ въ Петербургъ телеграммы одна другой отчаяннѣе и безнадежнѣе.

На Александровскомъ островѣ пѣхота колебалась, но не предпринимала активныхъ дѣйствій противъ артиллеріи и свободно пропускала артиллеристовъ, отправлявшихся изъ крѣпости черезъ этотъ островъ на Михайловскій островъ, соединенный дамбой съ Александровскимъ.

Наступалъ вечеръ. Съ Михайловскаго острова по крѣпости было выпущено нѣсколько гранатъ и шрапнелей, но затѣмъ тамъ было получено извѣстіе, что правительственная пѣхота хочетъ сдаваться и бомбардировка прекратилась.

Среди революціонеровъ центральной крѣпости начиналъ ощущаться голодъ. Многіе изъ нихъ не имѣли маковой росинки во рту втеченіе 30 часовъ. Надо было подумать о доставкѣ какимъ-либо способомъ съѣстныхъ припасовъ.

«Братцы, намъ бы хотѣ хлѣба достать!»—замѣтилъ статный загорѣлый артиллеристъ,—«не помирать-же съ голоду въ самомъ дѣлѣ. Давай бросать жребій и попробуемъ пробраться въ пекарню.»

— Не надо жеребьевки, мы сами хлѣбопеки, насъ на пекарнѣ всѣ знаютъ,—мы и пойдѣмъ, отвѣчало пять дюжихъ, рослыхъ артиллеристовъ.

«Смотри, вѣдь убить могутъ, лучше жребій!?»

— Двумъ смертямъ не бывать, а одной не миновать!—
Съ Богомъ!

И черезъ нѣсколько минутъ отъ крана отчалила лодка, увозя съ собой въ ночную тьму въ неизвѣстное будущее въ самый центръ позицій правительственныхъ войскъ пятерыхъ самоотверженныхъ людей, не задумавшихся рисковать своей жизнью для спасенія товарищей. Вылазка удалась. Лодка вернулась нагруженная до краевъ хлѣбомъ изъ пекарни. Тотчасъ сварили чай, закусили,—и усталости какъ не бывало,

«И были всѣ готовы
Завтра бой затѣять новый
И до конца стоять!»

Утромъ этого дня подпор. Емельянову удалось пробраться

въ городъ и сообщить о положеніи дѣлъ Центральному Комитету.

Къ сожалѣнію, ни онъ, ни я тотчасъ вслѣдъ за этимъ отправиться въ крѣпость не могли, ибо доставившій Емельянова пароходъ «Выстрѣлъ» долженъ былъ уйти подъ прикрытіемъ своихъ батарей, ибо другой пароходъ «Бомба», находившійся въ рукахъ царскихъ войскъ, хотѣлъ захватить его и арестовать.

Не смотря на самые тщательные поиски перевозочныхъ средствъ, мнѣ ихъ достать не удалось. И только около 3-хъ часовъ дня я могъ отправиться на Михайловскій островъ на пароходѣ, шедшемъ на Дегер-э, островъ, лежащій недалеко отъ Михайловскаго, откуда я взялъ лодку и вмѣстѣ съ однимъ важнымъ финномъ отправился дальше.

VI.

Мой пріѣздъ, Марсельеза.

Стрѣлка часовъ показывала 4... Тихо двигалась наша лодка, борясь съ противнымъ вѣтромъ. Мы объѣзжали огромный Лагерный островъ, занятый правительственной пѣхотой, и приходилось держать ухо востро.

— Гребите скорѣе вправо!—замѣтилъ мой спутникъ.

— Въ чемъ дѣло?

— За нами наблюдаютъ съ острова.

И дѣйствительно, мы увидѣли, что на островѣ солдатъ-пѣхотинецъ что-то докладываетъ офицеру, оживленно жестикулируя въ нашемъ направленіи. Офицеръ направилъ на насъ свой бинокль.

Мы подъѣзжаемъ къ растущимъ въ заводи, около небольшого сосѣдняго островка, водянымъ лиліямъ, и я стараюсь принять какъ можно болѣе безпечный видъ, начиная рвать эти роскошные цвѣты, повидимому, совершенно спокойно наслаждаясь ихъ дѣвственной красотой. Мой спутникъ, снявъ сапоги и чулки, болтаетъ ногами въ водѣ, какъ будто собираясь купаться. Успокоенный нашимъ безобиднымъ занятіемъ, офицеръ на Сандгамѣ владетъ въ сумку бинокль и удаляется, солдаты опускаютъ ружья, которыя они принялись было заряжать.

Они убѣдились, что мы простые дачники, катающіеся для собственнаго удовольствія. Мы осторожно продолжаемъ нашъ путь.

Одна за другой мелькаютъ мимо насъ грозныя батареи Лагернаго острова. Артиллеристы ихъ повинуютъ, за то какъ оазисы въ пустынѣ, изрѣдка виднѣются сторожевыя посты пѣхоты. Мы далеко отъ нихъ, пуля ихъ неопасна для насъ, а съ орудіями они, къ нашему счастью, обращаться не умѣютъ.

Послѣдняя батарея минуетъ нами благополучно...

Передъ нами Михайловскій островъ.

— Это нашъ островъ! — радостно восклицаю я, скользя взорами по блистающимъ въ вечернемъ солнцѣ пушкамъ.

На островѣ насъ замѣтили, и кучки солдатъ начинаютъ спускаться по обрывистымъ скаламъ къ лодкѣ. У каждаго за плечами винтовка.

— Стой! Кто гребетъ? — закричалъ одинъ изъ солдатъ, вскидывая винтовку.

— Вы артиллеристы? — спрашиваю я, не видя хорошо погонъ.

— Да!

— Революціонеры?

— Да!

— Неужто же вы меня не узнаете?

— Да это никакъ нашъ штабсъ-капитанъ Ціонъ! — восклицаетъ одинъ изъ солдатъ, бросая отъ себя винтовку и кидаясь съ распростертыми объятіями впередъ. Другіе слѣдуютъ его примѣру. Я соскакиваю на берегъ и въ слѣдующую минуту лежу въ могучихъ объятіяхъ солдата, запечатлѣвая на его загорѣломъ лицѣ горячій поцѣлуй. Другіе тоже, по русскому обычаю, снявъ шапки, идутъ по очереди троекратно облобызывать своего капитана. Мы начинаемъ карабкаться наверхъ, на батарею.

— Какъ вы сумѣли такъ овладѣть сердцемъ солдатъ, они не только любятъ, они просто боготворятъ васъ? — спросилъ меня мой спутникъ.

— Очень просто. Я все время старался видѣть въ солдатѣ человѣка и своего боевого товарища. Я училъ его писать и читать, завелъ для него у себя библіотеку, старался развить его умственно и нравственно. Другіе солдатъ притѣсняли и грабили послѣднюю солдатскую копейку, я, сколько могъ, защищалъ ихъ отъ этого беззаконія и грабежа. Это долгъ всякаго

честнаго и порядочнаго человѣка. Тутъ дѣло не во мнѣ, а въ полномъ отзывчивости сердецъ русскаго народа.

Но вотъ мы и у цѣли. Мы стоимъ на высшей точкѣ Михайловскаго острова, на Бастаковской батарее, среди гигантскихъ пушекъ, уже много разъ въ этотъ день сѣвшихъ смерть и опустошеніе среди солдатъ, оставшихся вѣрными правительству. Одинъ артиллеристъ, чистившій орудіе, увидя меня, сталъ смиренно и отдалъ честь.

— Нѣтъ, товарищъ,—замѣтилъ я ему,— не надо чести: мы оба равные, мы оба борцы за одно и то же славное и святое дѣло.

Между тѣмъ и съ другихъ батарей началъ стекаться народъ.

— Нашъ Ціонъ здѣсь, — разносилось въ воздухѣ, и скоро толпа вокругъ насъ выросла до 200 человѣкъ. Тогда я сталъ на лафетъ и громкимъ голосомъ прочиталъ манифестъ трудовой группы Думы и социаль-демократической фракціи ея, главнѣйшій:

МАНИФЕСТЪ

къ арміи и флоту отъ трудовой группы и социаль-демократической фракціи Государственной Думы.

«Солдаты и матросы! Правительство царскимъ указомъ выпустило Государственную Думу и собрало со всѣхъ сторонъ войска для того, чтобы силою оружія подавлять народъ. Народные представители были избраны вашими отцами и братьями для того, чтобы заявить царю про всѣ народныя обиды и добиться для народа земли и воли. Но царь не пожелалъ послушать избранниковъ народа. Онъ послушалъ своихъ прежнихъ совѣтниковъ; великихъ князей, министровъ, генераловъ и богатѣйшихъ помѣщиковъ, которые не желаютъ выпустить изъ рукъ своихъ имѣній, свои многотысячные оклады, безответственную власть. Вся Россія раздѣлилась теперь на двѣ стороны. На одной сторонѣ огромное большинство: все крестьянство и рабочіе, всѣ бѣдные и угнетенные, лучшіе изъ ученыхъ и образованныхъ людей, сознательные солдаты, лучшіе офицеры и всѣ мученики, которые въ тюрьмахъ, въ томъ числѣ тысячи солдатъ и матросовъ. На другой сторонѣ — бучка насильниковъ: Треповъ, Побѣдоносцевъ, Столыпинъ, маньчжур-

скіе генералы, которые убѣждали отъ японцевъ, но разстрѣливали Москву, Одессу, Читу, земскіе начальники, полиція, шпіоны, и вся черная сотня. Они рассчитываютъ на ваши силы, чтобы подавить весь русскій народъ.

Будете-ли вы стрѣлять въ народъ, проливать народную кровь, пробивать штыками народную грудь? Вспомните: вы — сыновья крестьянъ, дѣти русскаго народа. Въ это самое время въ той деревнѣ, откуда вы родомъ, собственные братья ваши, тѣ, которые остались дома, тоже волнуются, требуютъ земли и воли, а правительство посылаетъ туда другихъ солдатъ, для того, чтобы стрѣлять и избивать ихъ. Зачѣмъ вы будете защищать правительство? Развѣ вамъ хорошо живется? Развѣ вы сами не угнетены? Васъ угнетаютъ хуже всѣхъ другихъ, отдаютъ васъ на рабскую службу, денщиками къ офицерамъ, истязаютъ въ штрафныхъ батальонахъ за каждое смѣлое слово, ссылаютъ въ каторгу и разстрѣливаютъ.

Мы, народные представители, желали улучшить ваше положеніе, мы хотѣли издать законъ о совращеніи службы до двухъ лѣтъ, объ отпущеніи деньщицкой службы, о назначеніи солдатамъ мѣсячнаго жалованья, о строгомъ запрещеніи всякихъ оскорбленій солдатъ со стороны военныхъ чиновъ; мы хотѣли улучшить участь солдатъ, какъ вообще улучшить долю трудового народа. Чтобы помѣшать ему, правительство поспѣшило разогнать Государственную Думу.

Солдаты! Матросы! Мы, законные представители отъ крестьянъ и рабочихъ,

ОБЪЯВЛЯЕМЪ:

Безъ Государственной Думы правительство незаконно, приказы его не имѣютъ законной силы.

МЫ ПРИЗЫВАЕМЪ ВАСЪ:

1) перестать повиноваться незаконному правительству, выступить противъ него вмѣстѣ съ нами и со всѣмъ народомъ. Мы присягаемъ защищать отечество. Ваше отечество—это русскіе города и села и весь русскій народъ. Защищайте же его, стойте вмѣстѣ съ нами за землю и волю!

2) Всякій, кто будетъ стрѣлять въ народъ, есть преступникъ, измѣнникъ, врагъ народа. Тѣмъ которые будутъ стрѣлять въ народъ, мы объявляемъ отъ лица ихъ братьевъ и отцовъ, что имъ не будетъ возврата въ родныя селенія, и что надъ ихъ именемъ будетъ тяготѣть вѣчное проклятіе народа!

3) Правительство вступило въ переговоры съ австрійскимъ и германскимъ императорами, нѣмецкія войска готовы будутъ вторгнуться въ нашу страну защищать опостылѣвшее народу правительство силою чужеземнаго оружія. За такіе переговоры мы объявляемъ правительство, какъ виновное въ государственной измѣнѣ, внѣ закона.

Солдаты и матросы! ваша священная обязанность освободить русскій народъ отъ измѣнническаго правительства и защищать Государственную Думу. Всякій, кто положитъ свою голову въ этой священной борьбѣ, покроетъ себя неуязвимою славой, и русскій народъ благословитъ его имя!

Въ этой борьбѣ избранники народа будутъ съ вами. Смѣлѣе же за родину, за народъ, за землю и волю противъ преступнаго правительства!

Соединенный Комитетъ трудовой группы и социаль-
демократической фракціи Государственной Думы.

С.-Петербургъ. 12 іюля 1906 г.

Снявъ шапки, въ глубокомъ, благоговѣйномъ молчаніи слушали солдаты слова народныхъ представителей. И только горѣвшіе огнемъ восторга глаза выдавали ихъ торжественное душевное настроеніе. Чтеніе окончилась. Ораторъ сошелъ съ лафета, и вдругъ, словно по вдохновенію свыше, у всѣхъ мелькнула одна мысль о способѣ выразить волновавшія всѣхъ чувства, и изъ тысячи грудей собравшихся въ это время съ другихъ батарей солдатъ дружно вырвались побѣдные звуки Марсельезы. Всѣ пѣли, всѣ хотѣли участвовать, и можетъ быть, въ послѣдній разъ въ жизни выразить свои завѣтныя думы, горячія мольбы, завѣтныя стремленія.

«Мы пойдемъ къ нашимъ страждущимъ братьямъ,
Мы къ голодному люду пойдемъ,
Съ нимъ пошлемъ мы злодѣю проклятыя,
На борьбу мы его позовемъ».

Минута была величественная, торжественная, святая. Въ первый и, можетъ быть, въ послѣдній разъ на царскихъ твердыняхъ Свеборга раздалась эта пѣсня обездоленного люда, потрясая гнилой тронъ самодержавнаго тирана и заявляя о томъ, что наступила та, полная грознаго величія, минута, когда армія сознательно становится въ ряды народа для борьбы за общее дѣло...

Смолкли послѣдніе звуки пѣсни... Толпа солдатъ съ непокрытыми головами, молча переживала торжественное величіе момента.

«Зинннн...» — раздалось въ воздухѣ. И на батарею полетѣлъ съ Лагернаго острова дождь пуль. Это была уже другая мелодія. Мелодія насилія, тиранніи, единственная мелодія, которую умѣетъ пѣть русское правительство и его, слава Богу, уже немногіе приверженцы. Это мелодія пуль, мелодія смерти.

Раздался одинъ залпъ, другой, третій. Завизжали, словно въ злобѣ отъ безсилія пробить бетонныя укрытія артиллеристовъ и подавить воодушевляющую ихъ идею, въ воздухѣ пули, не причиняющія никому вреда, — это разъяренные приспѣшники правительства посылали съ Сандгама свой отвѣтъ на святые звуки Марсельезы.

Быстро разошлась артиллерія по батареямъ.

«Пагъ!» — это уже былъ болѣе внушительный звукъ: это заговорили вѣрные помощники артиллеристовъ — орудія, посылая градъ шрапнелей для вразумленія тѣхъ, кого не тронуло чувство, воодушевлявшее пѣвцовъ, кто своей рабской душой въ состояніи былъ понять только насиліе и съ наслажденіемъ цѣловалъ свои рабскія цѣпи...

Я занялся организаціей возставшихъ. А когда это было кончено, то собралъ военный совѣтъ для ознакомленія съ положеніемъ дѣлъ. Оказалось, что у артиллеріи нѣтъ провіанта и ея берегъ не обезпеченъ отъ нападенія десантовъ съ Лагернаго острова.

Мы съ Коханскимъ тотчасъ, при помощи нѣсколькихъ солдатъ, занялись устройствомъ на берегу батареи девятифунтовыхъ пушекъ и баррикадъ.

Между тѣмъ совершенно стемнѣло. Изъ крѣпости тоже получилось извѣстіе, что революціонеры страдаютъ отъ голода. Тогда я рѣшилъ ѣхать въ городъ за провіантомъ, постаравшись прорваться мимо освѣщавшихъ рейдъ крейсеровъ.

УІІІ.

**Второй день возстанія.—Письмо Аггѣва.—Красный и бѣ-
лый флагъ.**

Надежды на сдачу пѣхоты центральной крѣпости не сбылись. Поэтому было рѣшено, что съ Михайловскаго острова изъ 11-ти-дюймовыхъ мортиръ съ самаго утра будутъ разрушены всѣ зданія центральной крѣпости, дабы лишить пѣхоту естественнаго укрытія отъ снарядовъ и пуль артиллеріи, расположенной на Артиллерійскомъ и Инженерномъ островахъ.

Выйдя подъ открытое небо и находясь подъ непрерывнымъ обстрѣломъ артиллеріи, пѣхота неминуемо вынуждена была бы сдаться. Согласно этого плана, «лишь только небо освѣтилось», началась ожесточенная бомбардировка центральной крѣпости. Артиллерія Михайловскаго острова, расположивъ отрядъ «Красной гвардіи» по берегу и обезпечивъ себя такимъ образомъ отъ возможной высадки пѣхоты съ Лагернаго острова, работала, не покладая рукъ, и ни одинъ снарядъ, пущенный въ центральную крѣпость, не пропалъ даромъ.

Господинъ Табурно, со свойственной писателямъ Нововременскаго лагеря и толка способностью «касаться до всего слегка съ ученымъ видомъ знатока», бросилъ упрекъ моимъ товарищамъ — Емельянову, Коханскому и мнѣ—въ томъ, что мы не сумѣли использовать всѣхъ находившихся въ нашемъ распоряженіи ресурсовъ, въ частности, не взорвали Договорнаго острова, на которомъ находятся пироксилиновые склады минной роты. Будь это сдѣлано, несомнѣнно, отъ центральной крѣпости не осталось бы и слѣда.

Это предложеніе подымалось и было отвергнуто по слѣдующимъ причинамъ: 1) Пострадала бы артиллерія и перешедшая въ это время на сторону революціонныхъ войскъ пѣхота, расположенныя на Александровскомъ островѣ; 2) вмѣстѣ съ черносотенными бандами царскихъ войскъ погибла бы 5-я рота артиллеріи, которая, какъ намъ доподлинно было извѣстно, относилась очень симпатично къ революціонерамъ, хотя и не имѣла мужества открыто стать въ ихъ ряды; 3) и очень важно, что можно было ожидать разрушенія всего Скаттудена, а можетъ быть и всей прибрежной части Гельсингфорса, что вызвало бы отчасти справедливое возмущеніе всѣхъ классовъ

финскаго общества и поэтому было бы, по крайней мѣрѣ, неполитично. Наконецъ, пироксилинъ намъ былъ самымъ необходимымъ для снаряженія минъ. Принудивъ центральную крѣпость къ капитуляціи, было бы легко освободить минеровъ и съ ихъ помощью минировать доступы въ крѣпость на случай появленія непріятельскихъ, т.-е. вѣрныхъ царскому правительству, судовъ.

Явись «Цесаревичъ» и «Богатырь» двумя или тремя часами позднѣе, и планъ былъ бы, несомнѣнно, выполненъ.

Канонада разгоралась. Многія зданія были разрушены до основанія. Одна бомба, упавъ на крышу деревяннаго зданія, гдѣ обыкновенно помѣщалась команда штаба крѣпости, а въ настоящее время укрылись стрѣлки, во мгновеніе ова смела съ лица земли домъ, погребя подъ крышей его всѣхъ, въ немъ находившихся.

Въ это время къ мосту между островами Инженернымъ и Комендантскимъ подошли стрѣлки подъ парламентарскимъ флагомъ.

— Что вамъ надо?

— Пришли поговорить: сдаваться хотимъ.

— Что-же! Въ добрый часъ! Мы сыновья одного народа, намъ и надо сообщая народное дѣло дѣлать.

— А что вы съ нашими офицерами сдѣлаете?

— Что-же дѣлать съ этой сволочью? Разстрѣляемъ!

— Нѣтъ, братцы, нашего батальоннаго надо пощадить, ужъ больно онъ доберъ до нашего брата. На рѣдкость офицеръ!

— Ну, ладно тамъ видно будетъ, хорошаго мы и сами не будемъ стрѣлать, такого подъ арестъ!

— Ладно, ну а винтовки какъ?

— Винтовки сложите передъ мостомъ, переходить будете безъ оружія, а потомъ увидимъ, коли надо будетъ, такъ дадимъ вамъ винтовки, у насъ ихъ не занимать стать.

— Такъ мы пойдемъ и скажемъ нашимъ?

— Ждемъ дорогихъ гостей!

Черезъ полчаса П., приказавъ артиллеріи прекратить стрѣльбу, но не отходить на всякій случай отъ орудій, которыя держать заряженными и наведенными на мостъ, отиѣтилъ нейтральную зону, раставилъ поперекъ моста цѣпь солдатъ съ заряженными винтовками и вышелъ впередъ.

Съ другой стороны подходилъ офицеръ 2-го стрѣлковаго полка съ ротою стрѣлковъ.

— Мы сдаваться. Пропустите насъ!

— А вот сложите винтовки передъ мостомъ, тогда проходите!

— А вы насъ тогда не разстрѣляете, какъ мы будемъ обезоруженными?

— Зачѣмъ стрѣлять, мы по-божески.

— Почему-же знать, что у васъ на умѣ!

— Дѣлаемъ мы святое дѣло освобожденія народа, неужто-же мы станемъ руки въ крови своихъ же братьевъ марать! Вѣдь за эдакое вѣроломство насъ наши же сельчане впоследствии проявятъ и изъ общества изгонять.

— Поете то вы хорошо!...

Нѣкоторые стрѣлки начали еласть прочь винтовки и переходить черезъ мость. Солдаты дѣпи требовали, чтобы бросали также патронныя перевязи и вывертывались карманы. Стрѣлки наотрѣзъ отказались исполнить это.

Артиллеристы настаивали, зная, что, перейдя мость, стрѣлки легко могутъ завладѣть лежащими на берегу въ ящикахъ винтовками, забранными артиллеріей изъ находившагося въ ихъ рукахъ пѣхотнаго цейхгауза и атаковать артиллеристовъ.

Стрѣлки колебались... Раздалось нѣсколько беспорядочныхъ выстрѣловъ съ крыши, гдѣ залегло нѣсколько артиллеристовъ... Стрѣлки бросились назадъ за своими винтовками. Однако жерда наведенныхъ орудій смотрѣли очень краснорѣчиво, и потому они ограничились тѣмъ, что отошли на свои позиціи. Впрочемъ нѣсколько изъ нихъ осталось и дѣйствительно перешли на сторону революціонной артиллеріи. Они рассказали, что вся комедія сдачи была только ловушкой. Предполагалось именно, получивъ обратно винтовки, напасть на артиллеристовъ. Только сметливость и настойчивость П-на спасли дѣло.

Бомбардировка возобновилась съ удвоенной энергіей. Изъ оковъ комендантскаго дома нѣсколько разъ вывѣшивали бѣлый платокъ, но и это впоследствии оказалось военной хитростью. Комендантъ пользовался этими минутами прекращенія огня артиллеріи для передвиженія своихъ войскъ.

Въ это время на батарею принесли большой красный флагъ, доставленный наканунѣ изъ города подпоручикомъ Емельяновымъ съ опасностью жизни. И надъ царскими батареями, на самомъ возвышенномъ мѣстѣ Свеборга, гордо взвился символъ борющагося за освобожденіе народа. Далеко въ море посылалъ онъ свои написанные громадными буквами девизы съ одной стороны: «Земля и Воля», съ другой: «Учредитель-

ное Собрание». Еще утромъ во вторникъ на мѣстѣ кайзеръ-флага революціонные артиллеристы вывѣсили свой самодѣльный красный флагъ безъ всякихъ надписей.

— За что вы, ребята, собственно деретесь. Неужто изъ-за какихъ-то жалкихъ порцій водки?.. спросили во вторникъ изъ помѣщенія, занятаго арестованными офицерами.

— За свободу народа!—былъ простой, краткій, но глубоко продуманный отвѣтъ.

— Что же на вашемъ флагѣ этого не видать?—красный флагъ безъ надписей и надъ пороховыми погребами бываетъ.

— Главное не надпись, а что онъ развѣвается на мѣстѣ царскаго флага, и что мы всѣ готовы умереть, защищая его.

— Черезъ нѣкоторое время отъ арестованныхъ офицеровъ былъ переданъ другой флагъ, во всю ширину краснаго поля котораго красовалось: «Свобода Собраній».

Далѣе этого не шла мысль политическихъ недоумковъ, но и это характерно, какъ добровольный актъ черносотеннаго офицерства, воспитаннаго въ слѣпомъ повиновеніи правиламъ, предписаннымъ свыше.

Хотя этотъ флагъ и не соответствовалъ цѣли возстанія, но онъ былъ вздѣтъ на мѣсто прежняго изъ уваженія къ чувству, руководившему инициаторами этого предпріятія. На другой день, какъ описано выше, былъ поднятъ настоящій флагъ, привезенный подпоручикомъ Емельяновымъ...

Впрочемъ черъ низкопоклонническихъ инстинктовъ и духовнаго рабства, столь рѣзко осмѣяннаго Алексѣемъ Толстымъ въ поэмѣ: «Потокъ богатыхъ»

«Знать въ русскомъ то духъ

Передъ кѣмъ-нибудь ползать на брюхѣ...»

проявился и среди арестованныхъ офицеровъ. Многие изъ нихъ, пользуясь великодушно предоставленными имъ революціонерами прогулками на свѣжемъ воздухѣ, пытались склонить артиллеристовъ къ измѣнѣ предпріятому дѣлу, но однако среди революціонеровъ не нашлось ни одного малодушнаго, и эта попытка черносотенной пропаганды пропала даромъ, еще разъ убѣдивъ только солдатъ, что офицеръ неспособенъ оцѣнить благородство, и изъ хама не сдѣлаешь пана. Это необходимо запомнить на случай будущихъ вооруженныхъ возстаній и ареста офицеровъ.

Въ это время къ командовавшему артиллеріей центральной крѣпости прибѣжалъ вырвавшийся съ Комендантскаго острова

артиллеристъ и сообщилъ, что сдаваться не приказываетъ комендантъ, а свеаборгская пѣхота и стрѣлки согласны.

Созвали военный совѣтъ и рѣшили послать къ командиру артиллеріи и принудить его написать коменданту письмо, чтобы онъ сдался.

Трясушійся отъ страха, генераль принялъ депутацію такими словами:

— Братцы, что вамъ? Что вамъ отъ меня нужно? Скажите. Что будетъ въ моей власти, все сдѣлаю. Деньги, что у меня есть, возьмите, — всё отдамъ.

— Генераль, — сказалъ одинъ изъ депутатовъ, — вы оскорбляете этимъ насъ. Мы не разбойники. Мы защищаемъ интересы народа, мы пришли не грабить и не убивать васъ, а пришли просить образумить этого идиота коменданта, чтобы онъ сдался. Къ чему напрасно проливать кровь? Мы не хотимъ ея! — заключилъ депутатъ.

Успокоенный за свою жизнь, генераль ободрился и нашель въ себѣ даже мужество спросить:

— Да за что вы деретесь?

— За землю и волю! — отвѣтили всѣ три депутата.

Генераль согласился написать коменданту и, посоветовавшись съ офицерами, написалъ письмо слѣдующаго содержанія:

«Въ виду того, что оружіе пѣхоты не можетъ противостоять оружію артиллеріи, то считаю бесполезнымъ сопротивляться артиллеріи и во избѣжаніе дальнѣйшихъ жертвъ и громадныхъ убытковъ совѣтую вамъ сдаться. Перемиріе артиллеристы назначили на 2 часа.

Аггевъ».

Артиллеристъ, со словъ коего я описываю вышеприведенныя событія, говорить, что не можетъ припомнить въ точности этотъ документъ, но передъ отсылкой его коменданту онъ его читалъ, и разница съ подлинникомъ небольшая. Съ письмомъ къ коменданту была послана депутація. Депутаты комендантомъ были приняты, но подойдя къ нему, они чести не отдали, а молча подали пакетъ. Это оскорбило бюрократическое самодубіе коменданта, и онъ, затопавъ ногами, закричалъ на депутатовъ.

— Вы зачѣмъ? Что вамъ нужно?

— Намъ нужно, чтобы вы сдались, — отвѣтилъ одинъ депутатъ.

Комендантъ какъ будто эти слова не дослышалъ. Въ это время онъ читалъ письмо командира артиллеріи. Прочитавъ, онъ на минуту задумался, но потомъ вдругъ закричалъ:

— Я? Сдаться мятежникамъ! Никогда! Убью васъ и себя, а не сдамся!

При этомъ онъ приставилъ дуло револьвера къ виску одного депутата, но начальникъ штаба удержалъ его. Послѣ этого они о чемъ-то тихо поговорили. Затѣмъ комендантъ вынулъ записную книжку, написалъ записку, запечаталъ ее въ конвертъ и подалъ одному депутату, сказавъ, чтобы онъ снесъ ее, а другого приказалъ арестовать.

Въ это время онъ уже имѣлъ свѣдѣнія о приближающейся эскадрѣ, и эти свѣдѣнія дали ему мужество противостоять требованіямъ артиллеристовъ. Письмо коменданта было передано командующему возставшими артиллеристами въ центральной крѣпости, который, разорвавъ пакетъ, началъ читать вслухъ:

«Вѣрный долгу и присягѣ, ни на какія условія сдаться не могу, а буду ждать, пока мятежники образумятся, сложать на мосту оружіе и разойдутся по ротамъ, гдѣ будутъ мной арестованы.

Лайминъ».

Взрывъ негодованія пронесся въ толпѣ артиллеристовъ.

— На штурмъ,—закричало сразу нѣсколько голосовъ.

— Товарищи, — раздался голосъ оратора-распорядителя. Насъ одна горсть: всего 150 человѣкъ, а у коменданта 5 ротъ, въ которыхъ около 800 человѣкъ. Я не говорю, что они разобьютъ насъ: численное превосходство никогда не побѣждаетъ твердаго сознанія, но кто у насъ будетъ охранять Инженерный и Артиллерійскій острова? Пѣхота можетъ прорваться сюда, и мы не въ силахъ будемъ ее выбить. Поэтому, товарищи, я рѣшился послать на Александровскій островъ за подкрѣпленіемъ. Это подкрѣпленіе займетъ наши батареи, а мы пойдемъ на штурмъ. Я надѣюсь, что къ вечеру крѣпость будетъ наша.

Артиллеристы дали свое согласіе, и тотчасъ было послано два человѣка за подкрѣпленіемъ. Подкрѣпленіе почему-то дано не было. И это громадная ошибка, объясняемая только дезорганизацией, ибо не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что подоспѣи подкрѣпленіе, и дѣйствительно правительственная пѣхота сдалась-бы, ибо она была уже деморализована и только

и ждала воздѣйствія извнѣ. Артиллеристы же не теряли времени даромъ, позабыты были двѣ безсонныя ночи, позабыты голодь. Всѣхъ одушевила одна мысль, одно желаніе: «Заставить коменданта уважать народную волю». Тутъ еще кстати подоспѣла первая за два дня горячая пища: супъ, сваренный изъ переловленныхъ утокъ и куръ и... началась такая бомбардировка, еще поддержанная со стороны Михайловскаго острова, что даже въ городѣ во многихъ домахъ Скаттудена лопались стекла. Въ крѣпости загорѣлось нѣсколько домовъ. Вся она заволочлась непроницаемой пеленой дыма. Въ это время на Михайловскомъ островѣ отъ быстрой стрѣльбы и неосторожности взорвались снаряды и пороохъ. Взрывъ увлекъ за собой около шестидесяти тяжело раненыхъ и убитыхъ артиллеристовъ и слышенъ былъ во всемъ городѣ.

Съ этой минуты счастье повернулось спиной къ возставшимъ. На горизонтѣ показались дымки судовъ. То были броненосецъ «Цесаревичъ» и крейсеръ «Богатырь». Приди они на часъ или на два позднѣе—и вся крѣпость и городъ Гельсингфорсъ были бы въ нашихъ рукахъ. Пятая рота артиллеріи только и ждала удобнаго момента присоединиться къ намъ; стрѣлки отказывались стрѣлять или стрѣляли на воздухъ. Въ городѣ среди стрѣлковъ, расположенныхъ въ Нюландскихъ казармахъ, произошелъ форменный бунтъ. Первый финляндскій стрѣлковый полкъ, вызванный изъ лагеря подъ Вильманстрандомъ, медленно двигался въ это время по дорогѣ на Дегер-э, и настроеніе его было настолько нерѣшительное, что поднимался вопросъ объ его возвращеніи въ городъ...

Черносотенное офицерство старалось распутить среди солдатъ слухъ, что артиллеристы возстали, подкупленные «чухонкой», и согласились передать крѣпость финляндцамъ. Драгунскій полкъ изъ Вильманстранда былъ выведенъ на станцію для посадки. Здѣсь одинъ изъ офицеровъ отъ избытка чувствъ ударилъ замѣшкавшагося почему-то драгуна. Этотъ случай немедленно сталъ извѣстнымъ всѣмъ, и настроеніе драгунъ стало столь вызывающимъ и рѣшительнымъ, что начальство сочло болѣе благоразумнымъ вернуть ихъ въ казармы. Пѣхота на пути въ Гельсингфорсъ бросала изъ оконъ затворы и патроны...

При такихъ условіяхъ судна бросили якорь недалеко отъ маяка Грохары и сдѣлали четыре холостыхъ выстрѣла. Съ батареей крѣпости раздалось могучее единодушное «ура» и

четыре отвѣтныхъ холостыхъ выстрѣла. Это былъ условленный съ революціонной эскадрой сигналъ.

Однако скоро революціонерамъ пришлось разочароваться: радость ихъ оказалась преждевременной.

Въ 6 часовъ вечера полетѣли первыя бомбы съ судовъ на Михайловскій островъ. Черезъ нѣсколько минутъ не было никакого сомнѣнія, что суда рѣшили подвергнуть крѣпость бомбардировкѣ.

Предполагая, что это недоразумѣніе, подпоручикъ Коханскій, взявъ съ собой охотниковъ-добровольцевъ и фейерверкеровъ, отправился на пароходѣ «Выстрѣлъ» къ эскадрѣ, надѣясь выяснитъ недоразумѣніе и прекратить кровопролитіе. Но, несмотря на то, что пароходъ шелъ подъ парламентарскимъ флагомъ, онъ былъ арестованъ вмѣстѣ со смѣльчаками, отважившимися съ явной опасностью для жизни ѣхать вразумлять бомбардировавшихъ.

Видя, что «Выстрѣлъ» не возвращается, артиллеристы на Михайловскомъ островѣ поняли, что имѣютъ дѣло съ враждебной эскадрой. Загорѣлось ретивое сердце, всѣ пылали однимъ желаніемъ показать, что народная армія не уступитъ кадетамъ-черносотенникамъ и отомститъ за гибель товарищей.

Несмотря на то, что бомбардировка крѣпости изъ одиннадцатидюймовыхъ мортиръ продолжалась съ трехъ часовъ ночи почти безъ перерыва до шести часовъ вечера, т.-е. 15 часовъ, усталости какъ не бывало. Снова загудѣли смертоносныя орудія, и выстрѣлы были настолько мѣткі, что «Цесаревичъ» и «Богатырь» послѣшили сняться съ якоря и уйти въ море за предѣлы достигаемости крѣпостныхъ орудій. Теперь всѣ преимущества оказались на сторонѣ эскадры. У ней были дальномѣры, которыхъ у насъ не было, у ней были оптическіе приборы 12 и 14-дюймовыя орудія. На нашей сторонѣ было единственное преимущество: малая видимость пѣли съ того разстоянія, гдѣ расположились суда. И дѣйствительно первыя выстрѣлы ихъ падали на сосѣдній Лагерный островъ, гдѣ находилась правительственная пѣхота, сѣя въ ея рядахъ смерть и опустошеніе; но однако скоро огонь сталъ мѣтче.

Въ газетахъ промелькнуло извѣстіе, которое мнѣ кажется не лишеннымъ достовѣрности, что огонь судовъ корректировался и направлялся изъ города изъ военнаго порта по беспроволочному телеграфу.

Снаряды флота сѣяли на островѣ страшное разрушеніе,

подбивали орудія, сносили батареи... Въ это же время началась ожесточенная ружейная и пулеметная стрѣльба по Михайловскому острову съ Лагернаго острова.

Отрядъ «Красной гвардіи», предпринявшій было успѣшную высадку на островъ Лагерный, при подхождѣ 1-го полка вынужденъ былъ снова перейти на Михайловскій островъ. Въ 9 часовъ вечера стемнѣло, и канонада и стрѣльба прекратились. Однако въ это время уже всѣ сознавали, что держаться дальше невозможно. Артиллеріи приходилось съ напряженіемъ всѣхъ силъ тушить, вспыхивающіе повсюду отъ снарядовъ флота, пожары, угрожавшіе взорвать пороховые погреба и склады, гдѣ хранились снаряды.

Съ наступленіемъ, темноты по прекращеніи бомбардировки, снова былъ поднятъ вопросъ о взрывѣ Договорнаго острова и снова отвергнутъ изъ нежеланія подвергать городъ тяжелымъ жертвамъ. Въ эту ночь никто не сомкнулъ глазъ.

На разсвѣтѣ бомбардировка возобновилась, и было ясно, что она имѣетъ цѣлью взорвать находившійся на островѣ громадный складъ пироксилина. Снаряды ложились къ нему все ближе и ближе. Въ это же время первый стрѣлковый полкъ повелъ атаку со стороны Лагернаго острова.

Тогда подпоручикъ Емельяновъ, раненный въ шею осколкомъ бомбы, собралъ представителей ротъ на военный совѣтъ, и послѣдній единогласно рѣшилъ, что приходится сдаться. Надъ Михайловскимъ островомъ взвился бѣлый флагъ.

IX.

Сдача. Бѣглецы. Разстрѣлы.

Несмотря на бѣлый флагъ, развивавшійся на всѣхъ островахъ, занятыхъ революціонерами, бомбардировка не прекращалась до девяти часовъ утра, и подъ ея прикрытіемъ пѣхота съ лагернаго острова начала небольшими отрядами переправляться на Михайловскій и Александровскій острова. Начальство было очень неувѣрено въ своихъ солдатахъ и потому отправляло ихъ небольшими отрядами обязательно при офицерѣ.

Но эти отряды наши острова почти пустыми. Остались только раненые, да убитые. Подпоручикъ Емельяновъ со свойственнымъ ему героизмомъ не хотѣлъ пережить позора сдачи

и, думалъ застрѣлиться, но былъ удержанъ солдатами, предлагавшими ему спастись бѣгствомъ. На это онъ отвѣтилъ, что какъ единственный на островѣ офицеръ онъ покинетъ островъ послѣднимъ, самоотверженно предоставивъ имѣющіяся лодки въ распоряженіе солдатъ. Когда же, наконецъ, дошла очередь до раненыхъ и до него, то было уже поздно. Правительственная пѣхота, не оцѣнивъ высокихъ чувствъ, руководившихъ душой этого юнаго героя, отрѣзала ему возможность спасенія...

Съ неуспѣвшими бѣжать солдатами не церемонились. Ихъ подвергали побоямъ, насмѣшкамъ, оскорбленіямъ и надруганіямъ. Но апогея черносотеннаго злораднаго торжества достигло обращеніе со сдавшимися солдатами въ крѣпости. Какъ видно изъ прилагаемаго солдатскаго письма, написаннаго уже изъ заключенія, сдавшіеся артиллеристы «вынуждены были терпѣть всяческія униженія». Ихъ имущество сундуки съ вещами, ихъ собственное платье, бѣлье, сапоги, деньги—все было разграблено, разбито, уничтожено подъ видомъ обыска.

Правительственныя войска отлично понимали, что эта, можетъ быть, послѣдняя ихъ побѣда, и спѣшили насладиться своимъ торжествомъ.

Офицеры такъ привыкли за свою службу не стѣсняться съ солдатскимъ и народнымъ добромъ, что молча присутствовали при этомъ ограбленіи, отдѣлываясь при просьбѣ о защитѣ плоскими остротами и шуточками. Издѣвательствамъ и надругательствамъ не было конца. Вся черносотенность, всѣ самыя низменныя качества души выплыли наружу и выставлялись на показъ самымъ безсовѣстнымъ и беззастѣнчивымъ образомъ. Побѣдители жестоко мстили за пережитый страхъ, за пережитое униженіе.

Они отлично сознавали, что ихъ побѣда — Пиррова побѣда, и спѣшили насладиться минутнымъ торжествомъ. Однако въ этомъ случаѣ проявлялась только низость и жестокость, но не было звѣрства. Но и случаи послѣдняго не заставили себя долго ждать. Въ четвергъ началось бѣгство артиллеристовъ въ лодкахъ. Послѣдніе большею частью направлялись мимо Николаевского острова на Брунспаркъ, считая себя въ правѣ рассчитывать, что если 1-ая рота и не присоединилась къ нимъ во время возстанія, то, во всякомъ случаѣ, она не воспрепятствуетъ ихъ бѣгству. Но доблестные революціонеры, къ сожалѣнію, въ этомъ случаѣ мѣрили на свой аршинъ, а каковъ былъ этотъ аршинъ, показало, къ сожалѣнію, слишкомъ гуманное

обращеніе съ плѣнными офицерами, мелкими лавочниками, жившими въ крѣпости и въ мирное время беззащитно обиравшими солдатъ, а во время революціи униженно заискивавшими ихъ расположенія.

Первая рота артиллеріи и ея офицеры: капитаны Мартыновъ и Кованько покрыли себя несмысленнымъ позоромъ, который не исчезнетъ никогда, и потомки будутъ, читая этотъ эпизодъ въ исторіи русской революціи, съ проклятіемъ вспоминать имена этихъ царскихъ палачей. Злодѣйство ихъ было тѣмъ болѣе ужасно, что было совершенно безсмысленно. Но довольно лиризма. Перейду къ фактамъ, этимъ ужаснымъ фактамъ, которые въ своей безыскусственной наготѣ говорятъ краснорѣчивѣе всякихъ словъ.

Въ четвергъ около 4-хъ часовъ утра около Николаевского острова показалось нѣсколько лодокъ съ бѣглецами, изнеможенными отъ усталости, невооруженными, которые, проѣзжая мимо батарей, поднимали руки вверхъ, прося пощады. Не тутъ то было. По приказанію капитановъ Мартынова и Кованько на беззащитныхъ артиллеристовъ и матросовъ, единственная вина которыхъ состояла въ томъ, что они подняли знамя возстанія противъ угнетателей забитаго, измученнаго народа; наводились почти въ упоръ орудія, и если граната не оказывалась достаточно мѣткой, пускалась въ ходъ шрапнель. Въ одной изъ лодокъ одинъ изъ гребцовъ былъ убитъ, другіе приплыли къ берегу и сдались въ плѣнъ. Нѣсколько остальныхъ лодокъ было потоплено гребцами. Очевидецъ, сотрудникъ финляндской газеты «Nya Pressen» наблюдалъ слѣдующую сцену: маленькая лодка съ тремя бѣглецами около 8-ми часовъ утра направлялась къ недалеко отъ Николаевского острова расположенному острову Реншеръ. Она была вскорѣ замѣчена расположенными на батареяхъ Николаевского острова солдатами, и тотчасъ загремѣли выстрѣлы, направленные на лодку, но дали недолетъ. Бѣглецы налегли на весла. Новые выстрѣлы изъ орудій и тоже безъ результата. (Прибавлю отъ себя, что не попасть на такомъ близкомъ разстояніи было мудро, и эти промахи доказываютъ, что наводчики у орудій оказались человѣчнѣе своихъ офицеровъ). Тогда измѣненъ былъ снарядъ, ибо гг. мастера заплечнаго дѣла Мартыновъ и Кованько поняли, что граната не поможетъ.

Залпъ—и шрапнель разрывается метрахъ въ десяти отъ лодки. Новая шрапнель уже развивается не далѣе метра. Слѣ-

дующая дала перелетъ. Но залпы учащаются, и человекъ, сидѣвшій на носу, исчезаетъ въ водѣ. Два другихъ тоже прыгаютъ въ воду, стараюсь спастись влავъ, представляя для цѣлящихся земляковъ слишкомъ незамѣтныя точки. Залпы слѣдуютъ одинъ за другимъ съ еще большей быстротою, и скоро одинъ изъ пловцовъ пропадаетъ подъ водой, и его «нѣтъ и не будетъ ужъ снова». Послѣдній изъ бѣглецовъ еще борется, еще не теряетъ мужества и плыветъ, въ то время какъ батарея усыпаетъ пространство вокругъ его дождемъ шрапнельныхъ пуль. Иногда онъ хватается за лодку, чтобы отдохнуть... А орудія на батареяхъ ревутъ и гудятъ, залпы взводами смѣняются батарейными, офицеры сами наводятъ орудія, и черезъ нѣсколько минутъ и послѣдній бѣглець исчезаетъ подъ водой. Видна только качающаяся на волнахъ опрокинутая лодка. На всякій случай по ней пускается еще съ полдюжины выстрѣловъ, и все замолкаетъ... Прислуга и офицеры отходятъ отъ орудій, навѣрное отдохнуть послѣ своего доблестнаго подвига. Но увы! Отдыхъ ихъ оказывается кратковременнымъ. (Охъ, ужъ эти революціонеры, даже отдохнуть несчастнымъ труженикамъ за плечнаго дѣла не даютъ)!

Снова показывается лодка, въ которой сидитъ шесть человекъ. Среди нихъ нѣсколько статскихъ. Лодка быстро пускается ко дну. Бѣглецы арестовываются. Третьей лодкѣ удается укрыться за Реншеръ и, оглябая дальній Друмс-э или Графскій островъ, счастливо достигнуть материка, гдѣ они уже подъ защитой сочувствующаго имъ финскаго народа.

Около 9-ти часовъ утра вблизи Николаевского острова показалась лодка, въ которой сидѣла женщина, оказавшаяся женой сторожа на маякѣ Грохара, съ дѣтьми: двумя мальчиками 9-ти и 4-лѣтняго возраста и дочерью 6-ти лѣтъ.

Доблестные спасители отечества, привыкшіе добывать себѣ чины и ордена именно только въ борьбѣ съ безоружными бѣглецами, женщинами и дѣтьми, и тутъ не положили охулки на руку и осыпали лодку градомъ шрапнелей. Напрасно съ берега и изъ лодки имъ махали и кричали. что это мирные жители, ничего съ революціей общаго не имѣющіе. Мартыновъ и Кованью видѣли передъ собой въ перспективѣ штабъ-офицерскіе эполеты и послали шрапнель за шрапнелью. Солдаты и въ этомъ случаѣ оказались порядочнѣе своихъ офицеровъ, и только одна пуля попала въ лодку и ранила помогавшаго матери грести 9-лѣтняго мальчугана.

Съ пробитой во многихъ мѣстахъ лодкою, но здраво и невредимо достигла наконецъ семейство сторожа пристани, гдѣ тотчасъ ихъ хотѣлъ арестовать стрѣлковый офицеръ, но стоявшая на берегу толпа народа выразила столь недвусмысленно протестъ, что черная солдатская сотня поспѣшила ретироваться.

До самаго полудня шли эти безчеловѣчные разстрѣлы безоружныхъ.

Пощады не было. Кто спасался отъ шрапнелей Николаевского острова, того доканчивали стрѣлки, разсѣянные за утесами по всему берегу. Къ счастью большая часть бѣглецовъ предпочла другой, болѣе кружный путь, но гдѣ имъ не угрожали орудія земляковъ и товарищей изъ первой роты... И эти спаслись.

X.

Событія въ городѣ.—Красная гвардія.

Какъ только въ Гельсингфорсѣ во вторникъ утромъ получено было черезъ Емельянова достовѣрное извѣстіе о томъ, что большая часть крѣпости Свеаборгъ находится въ рукахъ солдатъ, — тотчасъ Центральнымъ Комитетомъ военной организаціи было сдѣлано распоряженіе о поднятїи матросовъ на всѣхъ судахъ Гельсингфорскаго рейда. Ровно въ 8 съ половиной часовъ утра въ помещеніе казармъ Свеаборгской флотской роты вошли товарищъ Христіанъ и одинъ бывший матросъ этой роты и приказали горнисту играть тревогу и сборъ. Матросы тотчасъ бросились за винтовками и патронами и черезъ полчаса вся рота поднялась, какъ одинъ человѣкъ. Но матросы на крейсерахъ «Финнъ», «Трухменець» и «Эмиръ Бухарскій» не поддержали товарищей, и по совершенно непонятной причинѣ не только не присоединились къ возставшимъ, но съ «Финна» и «Трухменца» даже начали обстрѣливать флотскую казарму изъ пулеметовъ, а «Эмиръ Бухарскій» днемъ задержалъ и арестовалъ пароходъ «Пушкарь», находившійся въ рукахъ революціонныхъ артиллеристовъ.

Мы съ товарищемъ Быстровымъ прибыли на дворъ казармы нѣсколько позже, ища лодку для переправы въ Свеаборгъ. По когда я увидалъ, что казарма подвергается ожесточенному

обстрѣлу, а революціонеры на этотъ огонь отвѣчать не могутъ, то посовѣтовалъ имъ выйти со двора казармы и присоединиться къ Красной гвардіи. Однако товарищъ Христіанъ заявилъ, что надо получить на этотъ счетъ инструкціи отъ Центрального Комитета, и отправился за ними. Я же, не работавъ до этой поры съ матросами, былъ имъ совершенно незнакомъ, и потому мнѣ оставалось только удалиться.

Одна рота второго финляндскаго стрѣлковаго полка заняла въ это время гауптвахту, а черезъ нѣкоторое время были посланы казаки оцѣпить Скаттуденъ, гдѣ находились возставшіе матросы.

Матросы, видя приближающихся казаковъ, сдѣлали отчаянную попытку пробиться сквозь ихъ строй; небольшой части ихъ это, дѣйствительно, удалось. Остальные же были оцѣплены и обезоружены. Надъ казармой на Скаттуденѣ снова взвился императорскій флагъ.

Въ городѣ наружно все было спокойно. Только около Скаттудена собирались кучки любопытныхъ, глазѣвшихъ, какъ многие «жители, и малый, и большой изъ стѣнъ Скаттудена поднялись, какъ изъ улья пчелиный рой». Такихъ бѣглецовъ, чувствовавшихъ, что ихъ мѣщанскому, буржуазному царству приходитъ конецъ, нашлось не мало. Всѣ эти толстосумы ясно сознавали, что удайся возстаніе въ Свеаборгѣ — и по всей Финляндіи всколыхнется море рабочихъ. Тогда наступитъ «година свободы, царство святого труда», гдѣ имъ, привыкшимъ чужими руками загребать жаръ, уже не будетъ мѣста.

Рано утромъ въ этотъ же день знаменитый создатель и главнокомандующій «Красной гвардіи» капитанъ Кокеъ выпустилъ свое воззваніе къ рабочимъ, объявлявшее всеобщую политическую забастовку. И организованные рабочіе Гельсингфорса, сойдясь и обсудивъ задачи текущаго момента, рѣшили начать и всѣми мѣрами способствовать проведенію этой забастовки. Характерно отмѣтить при этомъ, что Центральный Комитетъ финской с.-д. рабочей партіи, какъ истинный наслѣдникъ «научнаго социализма», въ данномъ случаѣ совершенно не сумѣлъ понять и оцѣнить совершающіяся событія и поднялъ свой голосъ и, конечно, голосъ протеста, противъ забастовки только тогда, когда она и безъ того была кончена. Наиболѣе сознательная часть рабочихъ рѣшила и провела забастовку сама, отбросивъ свою центральную организацію, какъ ненужный хламъ.

Если бы въ центральномъ комитетѣ дѣйствительно были революціонеры, то, не объявляя всеобщей забастовки, они провели бы забастовку желѣзнодорожную и телеграфную, а тогда весьма вѣроятно, что исходъ возстанія былъ бы, несмотря даже на приходъ эскадры, совершенно иной. Да и эскадру удалось бы задержать въ виду того, что на многихъ станціяхъ безпроводочнаго телеграфа имѣлись «свои» люди, и при бездѣйствіи правительственнаго телеграфа телеграмма о вызовѣ броненосцевъ или не была бы передана вовсе или попала бы по назначенію послѣ возстанія на «Памяти Азова».

Но, какъ сказано, центральный комитетъ финской социаль-демократической партіи проморгалъ событія и, несмотря на его противодѣйствіе, фабрики и заводы стали, повинувся волѣ болѣе политически сознательнаго организованнаго пролетаріата. Въ предмѣстье города, Брухольмъ, гдѣ находилась канцелярія «Красной гвардіи», начали стекаться рабочіе, горя желаніемъ использовать событія и, если нужно, своею кровью смыть пятно, тяготящее на совѣсти финскаго народа, въ лицѣ своихъ войскъ помогавшаго русскому автократу въ подавленіи свободолюбивыхъ и отважныхъ польскихъ повстанцевъ 1831 г. и венгерскихъ въ 1848 г.

Получивъ револьверы и экспроприровавъ изъ одного магазина винтовки, отряды «Красной гвардіи» направились на желѣзную дорогу, объявляя всеобщую забастовку. Къ сожалѣнію, здѣсь они встрѣтили горячій отпоръ среди вышихъ служащихъ. Да и нѣкоторые рабочіе оказались «истинными» социаль-демократами и отказывались примыкать къ забастовщикамъ безъ официальной на это санкціи Центрального комитета. Всѣ убѣжденія и угрозы не приводили ни къ чему, пришлось прибѣгнуть къ силѣ. На востокъ отъ станціи «Рихимяки» и на сѣверъ отъ нея были сняты рельсы и испорчено полотно, послѣ того какъ отрядъ «Красной гвардіи» въ 80 человекъ остановилъ поѣздъ и заставилъ силою довести себя до станціи «Рихимяки».

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ были взорваны мосты и испорчена линія желѣзной дороги во многихъ мѣстностяхъ, прилегающихъ къ Гельсингфорсу. Между Гельсингфорсомъ и Выборгомъ движеніе временно пріостановилось, также пріостановлено было движеніе между линіями дачныхъ мѣстъ, прилегающихъ къ Гельсингфорсу.

Желѣзнодорожное управление отправило губернатору теле-

грамму слѣдующаго содержанія: «въ виду того, что нѣкоторые злоумышленники приступаютъ къ порчѣ желѣзной дороги, просимъ васъ, если найдете нужнымъ, вызвать людей для принятія необходимыхъ мѣръ для охраны дороги и воспрепятствованія наносимому вреду».

Въ это же время въ канцеляріи «Красной гвардіи» было получено извѣстіе о возстаніи на Скаттуденѣ. Туда тотчасъ отправилось сто добровольцевъ-охотниковъ за оружіемъ и въ случаѣ надобности для помощи возставшимъ. Въ то время какъ они шли чрезъ «длинный» (Петербургскій) мостъ, съ другой стороны Телесскаго залива уже двигались казаки для отблєненія Скаттудена. Но «Красная гвардія» подоспѣла первой, забрала запасныя винтовки и массу патроновъ, но въ это время Скаттуденъ былъ отрѣзанъ отъ города казаками и стрѣлками.

Узнавъ объ этомъ, капитанъ Кокъ тотчасъ отрядилъ часть «Красной гвардіи» для помощи товарищамъ матросамъ, отблєненнымъ на Скаттуденѣ. Посредствомъ лодокъ, пересодѣванной и разныхъ другихъ хитростей часть матросовъ и весь отрядъ «Красной гвардіи» со всѣми добытыми ружьями и аммуниціей удалось дѣйствительно спасти изъ-подъ самага носа правительственныхъ войскъ.

Пока происходили описанныя событія, другіе летучіе отряды «Красной гвардіи», убѣдившись, что телеграфъ занятъ правительственными войсками и на забастовку на немъ надежды нѣтъ, занялись порчей и перерѣзываніемъ проводовъ, уничтоженіемъ столбовъ и изоляторовъ. Столбы были спилены во многихъ мѣстахъ и на такое далекое разстояніе, что сухопутный телеграфъ фактически бездѣйствовалъ во все время свеаборгскаго возстанія, и телеграммы шли черезъ Ревель.

Рабочіе Таммерфорста и Або тоже не справляясь съ директивами Центральнаго Комитета, сами рѣшили, не прекращая работъ, въ то-же время держаться наготовѣ для всеобщей забастовки, съ цѣлью поддержать, если нужно, своихъ гельсингфорскихъ товарищей.

Вооруженные отряды «Красной гвардіи» въ Гельсингфорсѣ заняли позицію въ Дьургарденѣ.

Раздавшаяся въ Свеаборгѣ канонада и вооруженное вмѣшательство пролетаріата, висѣвшая въ воздухѣ возможность всеобщей забастовки были аргументами настолько внушительными, что нашли себѣ откликъ даже въ сеймѣ. По инициативѣ комиссіи по выработкѣ основныхъ законовъ, сословіемъ рыцарства

и дворянъ, духовенства (куда въ Финляндіи причисляются также и профессора) и крестьянъ была принята резолюція, призывающая финскій народъ къ тщательному воздержанію отъ какого-бы то ни было активнаго участія или вмѣшательства въ русскую освободительную борьбу, которая «нашла самый глубокій откликъ въ сердцахъ нашего народа», «вызвала горячее участіе нашего народа» и за которой «нашъ народъ слѣдитъ съ интересомъ и симпатіей». Сословіе горожанъ, т.-е. сословіе мелкихъ лавочниковъ и мелкихъ буржуа, дрожа передъ кровавымъ призракомъ соціальной революціи, угрожающей ихъ буржуазному, мѣщанскому благополучію, приняло иную резолюцію:

«При современномъ положеніи вещей на политическомъ горизонтѣ, когда въ столицѣ нашей страны вспыхнула вооруженная борьба¹⁾, между расположенными здѣсь русскими войсками, сословіе горожанъ считаетъ своею обязанностью выразить свое мнѣніе, что долгомъ каждаго финскаго гражданина является не только личное воздержаніе отъ всякаго отступленія отъ законнаго порядка и содѣйствіе распространенію правильнаго сужденія о томъ, чего требуетъ поддержаніе этого порядка отъ согражданъ, но и оказаніе активной поддержки мѣстнымъ властямъ въ ихъ мѣропріятіяхъ къ поддержанію во что-бы то ни стало порядка у насъ».

Лучшіе элементы народа финскаго, однако, сами, помимо сейма, рѣшили, кому именно они должны оказывать активную поддержку, и революціонеры во все время возстанія и послѣ него находили у нихъ какъ нравственную, такъ и матеріальную поддержку и укрывательство отъ неумолимыхъ когтей кровожаднаго двуглаваго орла.

День вторника кончался. Уставшіе отъ патрулированія по городу, сторожевой службы въ Дьургарденѣ и дѣйствій на Скаттуденѣ, мужественные члены Красной гвардіи располагались на отдыхъ подъ открытымъ небомъ прямо на сырой землѣ, готовые при первой тревогѣ идти, куда будетъ нужно.

Поздно ночью я вернулся съ Михайловскаго острова въ городъ. Я видѣлъ, что артиллерія не защищена съ береговъ, и что охрана этихъ послѣднихъ мѣшаетъ работѣ при орудіяхъ.

¹⁾ Они не употребили нарочно термина «освободительная борьба», которымъ пользовались другія сословія, чтобы дискредитировать востаніе среди народа. Авторъ.

Вслѣдствіе этихъ соображеній мною былъ потребованъ отрядъ Красной гвардіи. Охотники, среди которыхъ немало было и матросовъ со Скаттудена, не заставили себя долго ждать. На берегъ ихъ пришла такая масса, что уже нагруженный провіантомъ пароходъ «Выстрѣль» не могъ ихъ поднять, и я пошелъ на берегъ отыскивать лайбу, которая взялась-бы перевести остальныхъ. Но въ это время на пароходъ удалось размѣстить всѣхъ дружинниковъ, и въ виду того, что начинало свѣтать, и пароходъ могъ быть арестованъ стоявшимъ невдалекѣ отъ Михайловскаго острова крейсеромъ «Эмиръ Бухарскій», бывший на пароходѣ подпоручикъ Емельяновъ рѣшилъ ѣхать безъ меня. Этотъ подвигъ Красной гвардіи прошелъ среди всѣхъ остальныхъ событій этого времени совершенно незамѣченнымъ. Однако отправлявшіеся знали, что они рискуютъ своею жизнью, ибо въ это время уже по всему городу было расклеено слѣдующее объявленіе губернатора: «Командиръ Свеаборгскаго порта доводитъ до всеобщаго свѣденія, что съ наступленіемъ темноты всѣ гавани города будутъ освѣщаться электрическими прожекторами, и всѣ суда, которыя будутъ замѣчены двигающимися изъ или въ гавань, будутъ обстрѣляны и пущены ко дну».

Сначала предполагалось употребить Красную гвардію лишь для охранной службы, но обстоятельства заставили ее принять болѣе активное участіе. Въ виду привлеченія многихъ изъ этихъ доблестныхъ товарищей финновъ къ отвѣтственности, я не могу, къ сожалѣнію, по весьма понятнымъ причинамъ, остановиться долѣе на ихъ дѣятельности на твердыхъ Михайловскаго острова, но долженъ отмѣтить, что всѣ возлагавшіяся на нихъ порученія они исполняли съ рѣдкимъ мужествомъ, безстрашіемъ и хладнокровіемъ, напомнившимъ мнѣ героевъ финской войны, воспѣтыхъ Рунебергомъ.

Всю среду городскіе отряды Красной гвардіи всѣми силами старались остановить желѣзнодорожное движеніе, несмотря на то, что дорога между Рихимяки и Выборгомъ была за ночь исправлена, и всѣ станціи между Петербургомъ и Выборгомъ заняты вызванными изъ Вильманстрандскаго лагеря стрѣлками, которые исправно слушались приказаній начальства, несмотря на то, прибавлю еще разъ, что соц.-демократическая организація, ведшая среди нихъ работу, ручалась намъ за революціонность и организованность этихъ частей. Затѣмъ въ среду же были вызваны для охраны желѣзной дороги казаки. При этихъ условіяхъ

изъ Вильманстранда удалось доставить одинъ воинскій поѣздъ съ первымъ финляндскимъ стрѣлковымъ полкомъ и пулеметами. Несмотря на дѣйствіе противъ нея казачьихъ и регулярныхъ войскъ, Красной гвардіи все же удалось во многихъ мѣстахъ испортить полотно и прервать сообщеніе съ Або.

Подъ вечеръ, глубокой ложиной около Дьургардена проходила рота стрѣлковъ. Она шла совершенно безопасно безъ патрулей, не ожидая никакой опасности. А между тѣмъ эта ложина по обѣ стороны была занята большимъ хорошо вооруженнымъ отрядомъ Красной гвардіи, которой ничего бы не стоило въ нѣсколько минутъ совершенно уничтожить эту роту. И однако рота была пощажена. Благородные финны не хотѣли нападать изъ-за угла, и все еще вѣрили, что стрѣлки поймутъ, наконецъ, противъ кого они должны направить свое оружіе и кто ихъ истинные угнетатели.

Наступилъ четвергъ. Послѣдній день геройскаго возстанія въ Свеаборгѣ. Въ городѣ начали мало-по-малу открываться магазины. Электрическій трамвай рѣшилъ игнорировать объявленіе всеобщей забастовки и началъ движеніе. Тогда капитанъ Коель выпустилъ слѣдующее объявленіе:

«Симъ доводится до всеобщаго свѣденія, что всякая попытка нарушить всеобщую забастовку будетъ подавлена вооруженной силой».

Въ отвѣтъ на это владѣльцы трамвая обратились съ званіемъ о помощи къ городскимъ властямъ, которыя и отрядили на каждый трамвай по нѣсколько дружинниковъ изъ буржуазныхъ отрядовъ такъ называемой «бѣлой гвардіи» или менѣе поэтично «гвардіи мясниковъ». Чтобы положить конецъ штрейкбрехерству, «Красная гвардія» рѣшила занять находящійся въ Телѣ электрическій заводъ и прекратить подачу электрической энергіи. При этомъ произошла перестрѣлка съ защищавшими этотъ заводъ отрядами «бѣлой гвардіи». На помощь ей тотчасъ была командирована рота этой же гвардіи подъ командой штабсъ-капитана Калоніуса и поручика Оккермана. Эта рота, вооруженная револьверами, быстро направилась къ мѣсту побоища. Она знала, что у противника ружья, противъ которыхъ револьверы безпомощны, но знала также, что во время столкновенія съ Красной гвардіей въ послѣдній день ноябрьской забастовки, Красная гвардія отступила. Не понимали эти хилые отпрыски буржуазныхъ папашъ, что только нежеланіе братоубійственной распри въ такой великій день

заставило Красную гвардію уступить младенцамъ изъ бѣлой гвардіи. Эти послѣдніе думали однимъ своимъ появленіемъ внушить такой страхъ, что Красная гвардія побѣжитъ. Но они жестоко ошиблись. Дѣло въ томъ, что остановка трамваевъ была не только дѣломъ чести для стачечниковъ. Въ это время уже повсюду искали ихъ главнаго командира капитана Кока. Трамвай могли легко съ другой стороны Телесскаго залива подвести мало по малу подъ видомъ пассажировъ отряды полиціи и бѣлой гвардіи, которые затѣмъ легко могли бы арестовать находящуюся въ Дьургарденѣ Красную гвардію. Наконецъ, если красная гвардія разъ отступила передъ «мясниками», то она не хотѣла отступать вѣчно, и потому, когда рота показала на длинномъ мосту, то была встрѣчена ружейнымъ огнемъ. Несмотря на предупрежденіе жителей, что Красная гвардія стрѣляетъ, рота эта все-таки не остановилась, а вынувъ револьверы, шла впередъ. Въ это время со стороны Красной гвардіи раздался залпъ, первыми жертвами котораго пали Калоніусъ и Оккерманъ. Рота остановилась, но когда затѣмъ Красногвардейцы вырвали изъ ихъ рядовъ архитектора Линденберга, техника Нордина, печныхъ дѣлъ мастера Кульберга и типографскаго ученика Тернквиста, когда пал раненный въ ногу вице-герардсгедингъ Седеркрейцъ, то бѣлогвардейцы увидѣли, что Красная гвардія вовсе не думаетъ убѣгать, и немедленно бросились въ разсыпную въ паническомъ страхѣ.

Долженъ прибавить, что въ этомъ случаѣ противъ роты бѣлой гвардіи въ 100 человекъ дѣйствовалъ всего патруль Красной гвардіи въ 10 человекъ, правда, вооруженный винтовками.

Очень жаль, конечно, этого кроваваго эпизода свеаборгскихъ событій, гдѣ стрѣляли другъ въ друга братья одного народа. Но пока существуетъ общественный порядокъ, основанный на классахъ, до тѣхъ поръ подобные случаи неизбѣжны.

Буржуазное правительство Финляндіи, именуемое себя конституціоналистическимъ, на самомъ дѣлѣ проявило такую низкую месть въ отношеніи возставшихъ, что еще лишній разъ доказало справедливость мнѣнія анархистовъ, что даже самые лучшие люди, становясь у власти, дѣлаются злѣйшими врагами народа.

Капитана Кока приказано было арестовать, за его голову была назначена награда въ 5000 марокъ. Оставаться при такихъ условіяхъ въ рядахъ Красной гвардіи было невозможно

и потому удивившись, что электрической заводъ остановленъ и трамвай вынужденъ бастовать, онъ сложилъ съ себя званіе главнокомандующаго и скрылся отъ искавшихъ его повсюду агентовъ правительства.

Въ этотъ же день происходило общее собраніе организованныхъ рабочихъ Гельсингфорса, гдѣ послѣ горячихъ дебатовъ было вотировано глубокое негодованіе противъ Центрального Комитета партіи за его умѣренность, и рѣшено условіемъ прерваціи забастовки выставить слѣдующіе пункты: «запрещеніе навсегда образованія какихъ бы то ни было гвардій мясниковъ и распушеніе прежнихъ. Власти должны убрать солдатъ въ казармы. Арестованные гвардейцы должны быть выпущены на свободу. Никто изъ участниковъ минувшихъ событій не долженъ быть преслѣдуемъ».

Въ то же время канцелярія Красной гвардіи была окружена войсками и пулеметами. Цѣлая армія предприняла форменную осаду зданія, и только послѣ нѣсколькихъ часовъ этой осады, не видя сопротивленія, рѣшилась на штурмъ. Трофеями были нѣсколько мирныхъ писцовъ, занимавшихся своимъ дѣломъ, и нѣсколько ружей стараго образца.

Вскорѣ указомъ Сената Красная гвардія была объявлена расформированной. Но долго еще ея призракъ кровавымъ кошмаромъ висѣлъ надъ головами буржуевъ, и многіе фабриканты заключили даже между собой союзъ, рѣшивъ требовать отъ своихъ рабочихъ форменной подписки, засвидѣтельствованной двумя извѣстными фабриканту лицами, о непринадлежности даннаго рабочаго къ Красной гвардіи и о томъ, что онъ не раздѣляетъ ея взглядовъ.

Но идея народнаго войска не умерла, она живетъ въ сердцахъ рабочихъ и при первомъ случаѣ воскреснетъ, независимо отъ писанныхъ бумагъ финскаго правительства, но тогда вооруженный пролетаріатъ поднимется во всей странѣ, какъ одинъ человекъ, и дорого обойдутся буржуямъ ихъ теперешнія репрессіи.

XI.

Судъ и казнь.

Военно-полевой судъ началъ свои засѣданія подъ предѣтельствомъ печальной памяти генерала Биршерта въ тотъ же

день, какъ произошла сдача. Подъ судъ было отдано 683 артиллериста, 300 пѣхотинцевъ и 100 матросовъ. Конечно, этотъ судъ представлялъ изъ себя сплошную комедію. Адвокатовъ подсудимымъ взять не разрѣшили. Обвиненіе строилось исключительно на самомъ фактѣ возстанія, совершенно не затрагивая причинъ его. Истинные виновники и пособники этого возстанія: царское правительство и всѣ его агенты, комендантъ, воры-офицеры и грабители-фельдфебеля, конечно, остались въ сторонѣ. Пострадали только тѣ, кто рѣшилъ грудью стать за оскорбленный въ лицѣ своихъ представителей, депутатовъ Думы, народъ русскій.

Эта комедія имѣла цѣлью раскрыть нить революціонной организаци и переловить тѣхъ скромныхъ Ивановъ Ивановичей и Петровъ Петровичей, которые никому неизвѣстные, кочуя изъ города въ городъ, вѣчно въ нуждѣ, вѣчно голодные и холодные, ежеминутно рискуютъ своею жизнью, чтобы добыть свободу стонущему подъ игомъ деспотизма народу, и умирая, подобно незабвенной Зинаидѣ Васильевнѣ Коноплянниковой, восклицаютъ: «прости, мой народъ. Я такъ мало могла тебѣ дать — только одну свою жизнь!» Но солдаты въ полномъ сознаніи святости и высоты своего подвига отдѣлывались только общими указаніями. Болѣе сознательные учили менѣе сознательныхъ и, несмотря на всѣ судейскія уловки, суду ничего открыть не удалось.

Интересно также отмѣтить, что какъ судъ, такъ и назначенная впоследствии съ чрезвычайными полномочіями комиссія подъ предѣтельствомъ генерала Гончарова, тщательно замолчала всѣ показанія солдатъ, клонившіяся къ выясненію причинъ возстанія, тѣхъ причинъ, о которыхъ я писалъ выше. Вообще вся процедура суда была совершенно шаблонна и отлочно подходитъ подъ характеристику, сдѣланную Фрумой Фруминой:

— Судите меня, — сказала она, взявъ слова у Островскаго, — судьи неправедные. Если бы вы были праведными судьями, — на скамьѣ подсудимыхъ сидѣли бы другіе, а не я. Вашъ приговоръ меня мало интересуетъ; вся лучшая Россія вынесетъ мнѣ другой приговоръ, а самое мое послѣднее слово: долой самодержавіе, да здравствуетъ политическая свобода и социализмъ!..

Первыми жертвами безсильной въ открытіи революціонной организаци злобы судей были доблестные товарищи мои Арка-

дїи Петровичъ Емельяновъ, Евгений Львовичъ Коханскій и пятеро товарищей - артиллеристовъ: Виноградовъ, Ивановъ, Дѣтиничъ, Соколовъ и Тихоновъ. Ихъ приговоръ гласилъ, конечно: «смертная казнь черезъ разстрѣляніе». Приговоръ этотъ былъ объявленъ въ пятницу, и въ субботу былъ приведенъ въ исполненіе съ неимоверной жестокостью. Начать съ того, что матери Емельянова сказали, чтобы она подала просьбу о помилованіи на высочайшее имя; она заявила, что тотчасъ подастъ эту просьбу, а черезъ четыре часа послѣ этого разговора ея сына уже не стало. Одинъ мой корреспондентъ такъ описываетъ самую казнь:

Семь столбовъ. Семь ямъ. Семь дверей къ безсмертію. Осужденныхъ привязали къ столбамъ, надѣвъ на глаза повязки.

— Снимите повязки! — единогласно требовали осужденные. Но эта послѣдняя ихъ просьба уважена не была: слишкомъ боялись потерявшіе всякій стыдъ и совѣсть убійцы не выдержать послѣдняго взора безропотно умирающихъ за святое дѣло борцовъ. Всѣ офицеры Свеаборга были приглашены присутствовать при этомъ зрѣлищѣ, зрѣлищѣ, передъ которыми востры инквизиціи кажутся невинной игрушкой. Блѣдный, какъ смерть, взводъ солдатъ артиллеристовъ, назначенный для производства экзекуціи, едва смогъ зарядить ружья.

Взоры ихъ выражали колебаніе, нерѣшительность, страхъ. Для приданія имъ бодрости сзади нихъ была поставлена пѣхота съ заряженными ружьями, подобранная изъ самаго черносотеннаго элемента: молодецъ къ молодцу. Она держала ружья на изготовку и краснорѣчиво говорила артиллеріи:

— Не убьешь—тебя убьютъ.

Невдалекѣ расхаживало съ самодовольнымъ видомъ побѣдителя начальство, отдавая послѣднія распоряженія. Минута была тоскливая, небо сумрачно, лица у всѣхъ нахмурены и сосредоточены. Нѣкоторые изъ наиболѣе черносотенныхъ офицеровъ пробовали острить, но ихъ слова замирали въ воздухѣ, не находя себѣ отголоска среди остальныхъ присутствующихъ.

Вдругъ Емельянову удалось движеніемъ бровей сдернуть съ себя повязку. Онъ воспользовался всеобщимъ замѣшательствомъ и твердымъ голосомъ обратился къ назначеннымъ для производства экзекуціи артиллеристамъ, прося ихъ вѣрно цѣлить прямо въ сердце.

«Вина въ нашей смерти падаетъ не на васъ, — закончилъ

онъ,—а на судей и на правительство. Но скоро, скоро наступитъ время, когда и они падутъ отъ рукъ мощнаго побѣдителя-народа. Тогда надъ этими позорными столбами будутъ воздвигнуты памятники, и благодарное потомство будетъ съ благоговѣніемъ чтить память тѣхъ, кому сегодня надлежитъ умереть за святое, народное дѣло. Да здравствуетъ»...

Это были его послѣднія слова. Командовавшій взводомъ артиллеристовъ штабсъ-капитанъ Смирновъ, нарочно назначенный для этого начальствомъ въ виду того, что онъ былъ единственнымъ офицеромъ, находившимся въ близкихъ, дружескихъ отношеніяхъ къ обоимъ осужденнымъ, не имѣя гражданскаго мужества отказаться отъ возложенной на него роли палача, послѣ долгихъ усилій надъ собой и понуканій со стороны начальства скомандовалъ роковое: «пли» и уналъ въ обморокъ.

Залпъ... и тѣла Емельянова и Коканскаго безжизненно повисли на веревкахъ... Товарищи солдаты честно исполнили послѣднюю просьбу своихъ героев-офицеровъ...

Приговоренные къ смерти солдаты въ мужествѣ и благородствѣ не уступали своимъ офицерамъ на мѣстѣ казни такъ же, какъ и въ дни революціи. Они, совершенно убѣжденные въ правотѣ своего дѣла освобожденія народа, смѣло глядѣли въ глаза смерти, зная, что ихъ кровь прольется не даромъ. Они погибли безъ страха и упрека, но погибли не сразу. Дрожащія руки солдатъ, несмотря на близкое разстояніе, не могли вѣрно прицѣлиться, ружья невольно ходили ходуномъ, въ глазахъ рябило...

Первый залпъ, убившій офицеровъ, попалъ въ ноги остальныхъ пяти солдатъ. Былъ данъ второй залпъ, и онъ—на всегда покончилъ страданія этихъ мучениковъ-героевъ, сознательно шедшихъ на смерть и не измѣнившихъ своимъ убѣжденіямъ до послѣдней минуты. Тѣла казненныхъ были зарыты здѣсь же на мѣстѣ казни въ заранѣе вырытыхъ ямахъ. Имена ихъ преданы безсмертію. Семь молодыхъ, цвѣтущихъ, даровитыхъ жизнью было безжалостно пресѣчено руками царскихъ приспѣшниковъ, рукою генераловъ, нарушившихъ всякіе божескіе и человѣческіе законы въ угоду «звѣздоносной палатѣ» и палачу прокурору Павлову. Двадцать три офицера и командиръ Свеаборгской артиллеріи генералъ Агтѣевъ были арестованы революціонными солдатами, и жизнь этихъ приспѣшниковъ правительства была пощажена. Но это не было принято во

вниманіе адептами кровожаднаго двуглаваго орла. Но правительство, думающее такими инквизиціонными средствами поддержать свой престижъ, правительство, потерявшее всякую мѣру своего звѣрства — такое правительство неминуемо само себя обрекаетъ на погибель...

Казнь кончилась...

Присутствовавшіе на ней офицеры, молча, разошлись, какъ іудеи послѣ крестной смерти Спасителя. Но, несмотря на всю свою легкомысленность, черствость души и черносотенную выправку, несмотря на то, что ни у одного изъ нихъ не хватило мужества протестовать противъ совершающагося на ихъ глазахъ беззаконія—все же многіе изъ нихъ безъ сомнѣнія въ этотъ день въ душѣ своей, подобно голгофскому сотнику, сказали:

— Во истину право дѣло этихъ героевъ,—во истину свято оно, долой гнусныхъ насильниковъ!

Изъ остальныхъ сдавшихся артиллеристовъ 33 были приговорены къ каторжнымъ работамъ отъ 12—15 лѣтъ, 33 къ исправительнымъ арестантскимъ отдѣленіямъ отъ 4—5 лѣтъ, 195 къ каторжнымъ работамъ отъ 3—4 лѣтъ, 298 къ заключенію въ военной тюрьмѣ отъ 3—4 мѣсяцовъ, 75 къ содержанію подъ арестомъ на хлѣбѣ и водѣ въ теченіе 20 сутокъ и наконецъ 33 оправданы. 19 нижнихъ чиновъ и 3 статскихъ были приговорены къ разстрѣлянію, но помилованы, и разстрѣлъ замѣненъ каторгой безъ срока. По поводу этого помилованія ходилъ упорный слухъ, что солдаты наотрѣзъ отказались вторично исполнять роль палачей. И «начальство» рѣшило не заводить «исторіи».

Кромѣ того, временный военный судъ въ крѣпости Свеаборгъ призналъ виновными фельдшера Яковлева и 87 нижнихъ чиновъ морскихъ командъ Свеаборгскаго порта въ томъ, что, сговорившись между собой, они согласились принять участіе въ явномъ возстаніи Свеаборгской крѣпостной артиллеріи съ цѣлью завладѣть крѣпостью, чтобы заставить правительство исполнить требованія Трудовой группы. Судъ приговорилъ: 17 человекъ къ смертной казни, 53 къ каторжнымъ работамъ на различные сроки, 18 человекъ къ отдачѣ въ исправительныя арестантскія отдѣленія на сроки отъ 5—6 лѣтъ и остальныхъ 11 человекъ оправдалъ. Приговоръ этотъ утвержденъ командиромъ 22 армейскаго корпуса и въ отношеніи приговоренныхъ къ смертной казни приведенъ въ исполненіе 5-го сентября.

Затѣмъ, разсмотрѣвъ 7—9 сентября дѣло о 173 нижнихъ чинахъ Свеаборгской крѣпостной минной роты, призналъ 120 человекъ виновными въ томъ, что съ намѣреніемъ завладѣть крѣпостью Свеаборгъ, дабы заставить правительство исполнить требованія Трудовой группы, согласились принять участіе съ крѣпостной артиллеріей въ явномъ возстаніи. Хотя они и не приняли участія въ этомъ возстаніи, продолжавшемся по 20 того же іюля, но въ то же время отказались принять отобранныя отъ нихъ винтовки и дѣйствовать ими для подавленія возстанія противъ мятежниковъ совместно съ войсками, оставшимися вѣрными своему долгу. Судъ постановилъ: нижнихъ чиновъ: Василя Шаханова, Михаила Шишкова, Ивана Соловьева и Игнатія Черноусова подвергнуть смертной казни черезъ разстрѣліаніе; 24 человекъ сослать въ каторжныя работы на различные сроки; 92 человекъ заключить въ исправительныя арестантскія отдѣленія на различные сроки и остальныхъ 53 человекъ считать по суду оправданными. Приговоръ этотъ утвержденъ командиромъ 22 армейскаго корпуса и въ отношеніи приговоренныхъ къ смертной казни приведенъ въ исполненіе 12 сентября.

Итого правительство разстрѣляло въ Свеаборгѣ 28 борцовъ за свободу.

Таковъ былъ судъ правительства. Какъ видно изъ прилагаемыхъ манифестовъ, народъ въ лицѣ своихъ представителей вынесъ доблестнымъ героямъ Свеаборга другой приговоръ.

XII.

Заключеніе.

Итакъ, правительство еще разъ одержало побѣду надъ освободительнымъ движеніемъ. Но эта побѣда въ полномъ смыслѣ слова Пиррова побѣда. Этотъ разъ впервые поднялась почти поголовно цѣлая второклассная крѣпость. Солдаты поднялись и проводили возстаніе вполне сознательно подъ знаменемъ, на которомъ красовался девизъ: «Учредительное собраніе», «Земля и воля». Этимъ объясняется та изумительная дисциплинированность, которая все время царила въ рядахъ артиллеристовъ. Все частное имущество было пощажено. Лавки

маркитантовъ были покинуты ими незапертыя, и онѣ остались невредимы. Частные жители крѣпости находились все время подъ защитой артиллеристовъ. Женщины и дѣти были выпущены, а съ Михайловскаго острова былъ отпущенъ со своею семьей даже офицеръ довольно черносотеннаго направленія— штабсъ-капитанъ Абрамовскій, изъ уваженія къ его болѣзненному состоянію. Съ арестованными офицерами въ крѣпости обращались также все время крайне гуманно и даже въ минуту сдачи, въ ту ужасную послѣднюю минуту борьбы, когда участники ея, естественно, были озлоблены,—и въ эту минуту арестованнымъ офицерамъ не было причинено никакого зла.

Когда генераль Аггѣевъ просилъ, чтобы его выпустили, обѣщая отдать или, вѣрнѣе, разрѣшая взять все, что у него имѣется на квартирѣ, ему отвѣчали:—«Мы не грабители». Попытка грабежа у генерала Иванова была тотчасъ подавлена. Конфискованныя вина употреблялись только для поддержанія силъ раненыхъ. Война рождаетъ героевъ. Эта поговорка блестяще оправдалась и въ этомъ случаѣ. Вездѣ изъ рядовъ артиллеристовъ выступали личности, бравшія руководство дѣйствіями въ свои руки и съ успѣхомъ замѣнявшія блиставшихъ своимъ отсутствіемъ офицеровъ.

Въ этомъ случаѣ впервые дѣйствовало нѣсколько офицеровъ, доказавъ правительству, что оно не устранило никого столь-же безчеловѣчною, сколь и бессмысленною казнью незабвеннаго лейтенанта Шмидта и его товарищей. Правильно отмѣтила въ своемъ «Воззваніи къ солдатамъ» трудовая группа Думы, что у нея «нашлись защитники: артиллеристы въ Свеаборгѣ, матросы въ Кронштадтѣ, крѣпостные гарнизоны въ Дешлагарѣ и другихъ мѣстахъ, которые подняли знамя за «Землю и волю», за поруганную народную честь».

Если бы они побѣдили, была бы созвана новая Дума, полномочная, всенародная. Она бы учредила въ Россіи новые законы, справедливые для бѣдныхъ, трудящихся и обремененныхъ. Она отдала бы народу землю; она сократила бы солдатскую службу, она уменьшила бы генеральскіе пайки и дала бы русской арміи новое устройство, лучшее, справедливое.

Но сильна была еще темнота солдатская. Многие солдаты еще не поняли пользы народной: обманутые начальствомъ и ослѣпленные присягой, въ Кронштадтѣ и Свеаборгѣ они убивали своихъ же товарищей, братьевъ-солдатъ... Крѣпость капитулировала передъ судами, съ которыхъ ее бомбардировали

своими аристократическими ручками морскіе кадеты, ибо на матросовъ правительство надѣяться уже не могло. «Память Азова» съ честью поддержала славу матросовъ «Потемкина» и «Севастополя». Солдаты многократно отказывались стрѣлять и для побужденія ихъ къ исполненію приказаній начальства приходилось выдумывать разныя сказки, какъ, напримѣръ, приведенная выше о томъ, что бунтовщики согласились передать крѣпость финнамъ.

Крѣпость сдалась, правительство торжествуетъ побѣду. Надолго-ли. Неизвѣстно. Вѣрно замѣчаетъ князь Крапоткинъ: «Люди чувства, которые хотятъ не только говорить, но и дѣлать, свѣтлыя личности, которыя предпочитаютъ торьму, изгнаніе и смерть жизни, не соотвѣтствующей ихъ принципамъ, смѣлыя натуры, которыя знаютъ, что нужно осмѣлиться, чтобы достигнуть — это все тѣ погибшіе авангарды, которые открываютъ сраженіе, задолго передъ тѣмъ, какъ народъ созрѣлъ для того, чтобы поднять знамя открытаго возстанія и для борьбы за право съ оружіемъ въ рукахъ. Посреди жалобъ, болтовни и разсужденій появляется вдругъ революціонный поступокъ одного или многихъ, который воплощаетъ страсть всѣхъ. Быть можетъ, массы останутся сначала индифферентными и повѣрять «разумнымъ», которые находятъ дѣйствія «безумными», но скоро они тайно начнутъ восхищаться безумцами и станутъ дѣйствовать съ ними заодно. Въ то время какъ одни наполняютъ смирительные дома, другіе продолжаютъ уже ихъ дѣло... Правительство защищается, оно свирѣпствуетъ, но этимъ оно вызываетъ только то, что однимъ или многими совершаются слѣдующіе акты, а въ мятежникахъ растетъ геройскій духъ... Отдѣльный поступокъ въ нѣсколько дней приноситъ пропагандѣ больше пользы, чѣмъ тысячи брошюръ».

И вотъ, если судить это возстаніе съ этой стороны, то врядъ-ли побѣда будетъ на сторонѣ правительства. Въ смыслѣ моральнаго воздѣйствія возстаніе Свеаборга, хотя и не удавшееся, все же является громаднымъ вкладомъ въ русское освободительное движеніе. Исторія военныхъ возстаній блестяще подтверждаетъ приведенныя выше слова.

Послѣ «Потемкина» — Севастополь, по количеству участниковъ возстаніе болѣе крупное; послѣ Севастополя—Свеаборгъ, Кронштадтъ, «Память Азова», Абрекъ, «Рембертово», Дашлагаръ (я миную мелкія мѣстныя возстанія).

Къ матросамъ, начавшимъ сознательную вооруженную

борьбу съ правительствомъ, примыкають минеры и артиллеристы. Сознательность увеличивается, районъ дѣйствія ея послѣ каждаго новаго возстанія, несмотря на репрессии правительства и даже благодаря имъ, растетъ.

Наконецъ, есть и еще одна сторона. Это возстаніе — это вопль негодованія, вырвавшійся изъ груди тысячи людей, это — послѣдній предостерегающій кличъ народа правительству: «Остановись, есть мѣра твоимъ злодѣяніемъ, или вооруженной рукой я заставлю тебя смириться передъ волей сувереннаго народа»...

ПРИЛОЖЕНІЯ:

Письмо артиллеристовъ изъ заключенія.

Дорогіе товарищи солдаты!

Мы, артиллеристы свеаборгскаго гарнизона въ количествѣ 1000 человекъ, посылаемъ вамъ нашъ братскій привѣтъ.

Мы очень обрадовались, узнавъ, что вы, товарищи, не потеряли мужества, несмотря на строгія мѣры, принятыя въ Свеаборгѣ, которыя могутъ сильно повліять на остальныхъ солдатъ. Мы знаемъ, что вы, товарищи, помните насъ и стараетесь помочь намъ. Это, конечно, трудно. Обождите, товарищи, пока наступитъ то время, когда результатъ можетъ оказаться счастливѣе и полезнѣе для народа и для насъ. Не дѣлайте той ошибки, какую мы сдѣлали...

Товарищи! Мы не теряемъ бодрости. Наши чувства и мысли не могутъ быть подавлены никѣмъ. Мы должны были сдаться не потому что, какъ многіе полагали, мы были угнетены душою и потеряли мужество, нѣтъ: это флотъ принудилъ насъ къ сдачѣ. Флотъ, на который мы такъ надѣялись, оказался измѣнникомъ. Наши дѣла шли отлично, и у насъ и въ мысляхъ не было сдаваться. На трехъ островахъ все было прекрасно устроено, на Инженерномъ, Александровскомъ и Михайловскомъ, и оттуда-то и начали дѣйствовать. Комендантъ оказался въ очень печальномъ положеніи и потребовалъ на помощь себѣ два батальона отъ 2-го финляндскаго стрѣлковаго полка. Эти батальоны были противъ насъ. Но это для насъ были пустяки, мы бы разогнали при помощи огня крѣпостныхъ пушекъ. Мы открыли огонь почти изо-всѣхъ орудій, и дѣло приняло для насъ очень благопріятный оборотъ, какъ вдругъ

произошелъ взрывъ порохового погреба, въ которомъ лежало 3400 пудовъ пороха. Здѣсь пали многіе, но и это бы не имѣло рокового значенія.. Затѣмъ распространился слухъ, что прибылъ флотъ — два броненосца, вмѣсто ожидавшагося одного. Мы очень обрадовались, а пѣхота пала духомъ и хотѣла сдаваться. Суда подошли ближе и начали обстрѣливать Михайловскій и Александровскій острова. При такихъ обстоятельствахъ, понятно, невозможно было и думать о сопротивленіи. Мы сдались. Флотъ обманулъ наши упованія, потому что на «Славѣ» и «Цесаревичѣ» находилось очень мало матросовъ, они были замѣнены кадетами. Свеаборгская пѣхота заслужила себѣ лучшіе лавры, чѣмъ семеновцы подъ командою Римана и Мина. Они стрѣляли въ насъ безпощадно, безъ устали и старались убить какъ можно больше насъ, когда же артиллеристы сдались, то вынуждены были терпѣть отъ пѣхоты всяческія униженія. Наши сундучки разбивались, и наше имущество — сапоги, бѣлье, деньги — словомъ все, имѣвшее какую нибудь цѣнность, было разграблено пѣхотой. Они дѣлали это на глазахъ офицеровъ, они только и нашли возможнымъ замѣтить: «да у этихъ артиллеристовъ великолѣпные сапоги, у многихъ изъ нашихъ офицеровъ нѣтъ такихъ». Наши чайники, блюдечки, чашки уносились пѣхотой неизвѣстно куда. Въ этомъ грабежѣ принимали участіе и стрѣлки. Товарищи! Мы ожидаемъ приговора. Изъ словъ коменданта мы знаемъ, что приговоръ будетъ суровъ, но мы не боимся его. Семеро нашихъ лучшихъ товарищей уже отошли въ лучшій міръ, они не могли выносить царящей лжи, они хотѣли законности и правды для Россіи, и за это были разстрѣляны. Мы всѣ готовы раздѣлить ихъ участь: быть разстрѣленными за великое дѣло.

Товарищи солдаты и матросы! Стойте твердо за правое дѣло и слѣдуйте нашему примѣру. Соединитесь вмѣстѣ. Въ единеніи—ваша сила. Мы готовы, если останемся въ живыхъ, снова послужить общему дѣлу.

Артиллеристы.

Трудовая группа Государственной Думы.

Воззваніе къ солдатамъ.

Солдаты! Ваши отцы и братья послали своихъ избранниковъ въ Государственную Думу и дали имъ строгій наказъ:

добыть землю и волю, добыть лучшей доли трудовому народу. 27 апрѣля собралась выборные люди всей земли русской къ царю. Царь назвалъ ихъ лучшими людьми русской земли, призвалъ на ихъ трудъ Божье благословеніе, и Дума приступила къ занятіямъ. Повѣрили избранники народа царскому привѣту. Они думали, что нельзя шутить именемъ Бога, нельзя пускать на вѣтеръ словъ съ высоты царскаго трона. Однако на дѣлѣ оказалось не то. Когда Дума сказала, что она издастъ законъ, по которому всѣ земли: удѣльныя (великихъ князей), кабинетскія (царскія), казенныя, церковныя, монастырскія и помѣщичьи отойдутъ къ крестьянамъ, царь прислалъ своихъ министровъ въ Думу заявить, что онъ считаетъ это недопустимымъ. Когда Дума единогласно потребовала отъѣны смертной казни, потребовала, чтобы перестали разстрѣливать солдатъ и защитниковъ народа, царь прислалъ министровъ сказать Думѣ, что онъ на это не согласенъ. Безъ смертной казни нельзя удержать солдатъ въ повиновеніи. Когда Дума дѣлала министрамъ вопросы о томъ, почему солдатъ плохо кормятъ, унижаютъ, обманываютъ, заставляютъ служить денщиками и пр. и пр., министры сказали, что самъ царь заботится объ арміи и лучшаго житья-бытья, чѣмъ теперь солдаты имѣютъ, нечего имъ ждать.

Много еще законовъ для пользы народной хотѣла издать Дума, но царь и его правительство становилось во всемъ поперекъ дороги. Наконецъ, когда Дума рѣшительно потребовала, чтобы царь уволилъ своихъ министровъ и назначилъ новыхъ изъ народа, угодныхъ всему народу, царь Думу разогналъ. Ночью, врадучись обманомъ объявили указъ распустить лучшихъ людей. Царь остался при прежнихъ министрахъ.

Солдаты! Въ день роспуска Думы въ Петербургѣ приготовили васъ въ числѣ многихъ десятковъ тысячъ противъ кого? Царь и правительство думали, что народъ встанетъ на защиту Думы, рабочей народъ крикнетъ: «не смѣйте нарушать народныхъ правъ». Противъ беззащитнаго народа выставили васъ, вооруженныхъ смертоноснымъ оружіемъ.

Вспомните, братья солдаты, какъ еврейскіе первосвященники послали цѣлое вооруженное войско въ Геосиманскій садъ противъ Христа.

Такъ поступило и царское правительство. Какъ Христосъ былъ страшенъ первосвященникамъ своею правдой, такъ и Дума была страшна царю и его министрамъ. Но у Думы на-

шлись защитники: артиллеристы въ Свеаборгѣ, матросы въ Кронштадтѣ, крѣпостные гарнизоны въ Дашлагарѣ и другихъ мѣстахъ, подняли знамя за «землю и волю», за поруганную народную честь. Если бы они побѣдили, была бы созвана новая Дума, полновластная, всенародная. Она бы учредила въ Россіи новые законы, справедливые для бѣдныхъ, трудящихся и обремененныхъ. Она отдала бы народу землю, она сократила бы солдатскую службу, она уменьшила бы генеральскіе пайки и дала бы русской арміи новое устройство, лучшее, справедливое... Но сильна еще темнота солдатская, многие солдаты еще не поняли пользы народной: обманутые начальствомъ, ослѣпленные присягой въ Кронштадтѣ и Свеаборгѣ, они убивали своихъ же товарищей, братьевъ-солдатъ. Братья солдаты! Вспомните слова Христа о присягѣ: «не клянитесь...» «не посягайте на ближнихъ своихъ...» Но даже если вы вѣрите въ силу присяги, то помните, что вы присягали не только царю, но и отечеству.

Отечество — это весь трудовой народъ, это ваши семьи, ваши отцы, братья... Тѣ, кто въ Думѣ стояли за трудовой народъ, стояли за отечество. Царь же ихъ разогналъ, этимъ онъ пошелъ противъ трудового народа — онъ измѣнилъ отечеству.

Исполните же присягу отечеству, отечеству, солдаты, и рѣшайте, кто вамъ дороже: царь, или отечество.

Теперь на защиту отечества, на защиту народныхъ правъ снова возстаетъ рабочій народъ и крестьянство. Рабочіе бастуютъ, чтобы подорвать власть незаконнаго правительства, чтобы добиться справедливыхъ законовъ. Законы эти сможетъ дать лишь всенародное правительство, полновластная Государственная Дума — Учредительное собраніе. Крестьяне, кромѣ новыхъ законовъ, хотятъ добиться земли, которую можетъ дать тоже только полновластная Дума. Царское же правительство, у котораго всѣ лучшія земли и народныя богатства въ рукахъ, не дастъ народу земли, ибо не захочетъ обидѣть себя. Чтобы отнять отъ него землю всему трудовому народу, необходимо, значить, свергнуть это правительство, а на его мѣсто поставить Учредительное собраніе, избранное всѣмъ народомъ.

Солдаты! Народъ встаетъ на борьбу. Онъ хочетъ низложить кучку народныхъ насильниковъ, которые опираются на ваши штыки. Солдаты! Мѣсто ли вамъ въ рядахъ народныхъ измѣн-

никовъ? Нѣтъ, братья, ваше мѣсто въ рядахъ борцовъ за народную власть, за Учредительное Собраніе. Теперь нельзя медлить: торопитесь рѣшить свою участь: у кого не хватитъ смѣлости вступить въ открытый бой съ народными врагами, тѣ должны хоть рѣшиться заявить, что не будутъ стрѣлять въ своихъ братьевъ, возставшихъ солдатъ, въ рабочихъ и крестьянъ; тѣ же, кто считаетъ невозможнымъ вступать въ борьбу, оставаясь въ полеу, пусть самовольно уходятъ съ оружіемъ домой, тамъ ихъ свои не выдадутъ. Тѣ же, наконецъ, въ комъ сердце горитъ смѣлымъ огнемъ и отвагой, тѣ пусть поднимаютъ вооруженную руку на враговъ трудового народа, на изменниковъ и угнетателей!

Да, осѣнить ихъ слава Кронштадтскихъ борцовъ, слава героевъ Свеаборга!

Россійская соціалдемократическая рабочая партія.

Пролетаріи всѣхъ странъ соединяйтесь!

Свеаборгъ и Кронштадтъ.

Въ Свеаборгѣ и Кронштадтѣ матросы и солдаты возстали, въ Свеаборгѣ и Кронштадтѣ матросы умирали за родину, умирали за свободу народа. Наступилъ желанный часъ.

Вотъ уже два года, какъ одна и та же мысль давитъ сознание народа, какъ тяжелый кошмаръ: намъ не нужна была Манджурская война, она насъ разоряла, она сѣяла у насъ голодъ и нищету, она отрывала отъ семей лучшихъ работниковъ, она была на руку только придворной кликѣ и генераламъ, она нужна была только имъ для наживы, для орденовъ и чиновъ. А сотни тысячъ нашихъ же сыновей и братьевъ, одѣтыхъ въ солдатскіе мундиры, покорно шли на эту постылую войну, на погибель народу, на собственную погибель, въ угоду шайкѣ хищниковъ. Несчастные, вѣрные рабы!

Вотъ уже два года, какъ одна и та же мысль наполняетъ горечью и обидой сердца миллионовъ русскаго народа. Вся Россія всколыхнулась, всѣ слои населенія вступили въ борьбу за свои права, за свою свободу за свои нужды, борются рабочіе, изнуренные непосильнымъ трудомъ, борются крестьяне, сидящіе на нищенскомъ надѣлѣ, борется весь русскій народъ за волю и землю. А родныя дѣти этого народа, забитыя казарменной

муштровкой, глухи къ стонамъ своей родины, глухи къ ея радостямъ и печали: они покорно и послушно исполняютъ злодѣйскія приказанія своего начальства, они сѣбуютъ крестьянъ, насилуютъ ихъ женъ и дочерей, они разстрѣливаютъ рабочихъ. Несчастные, вѣрные рабы!

Несчастные, вѣрные рабы—говорилъ русскій народъ. Когда же вы, наконецъ, опомнитесь, когда вы бросите свое каиново дѣло, когда прекратите братоубійство?

Молящій и гнѣвный зовъ народа не оставался безъ отвѣта. То тамъ, то здѣсь отдѣльныя части войскъ откликались. Севастополь, Либава, Кронштадтъ, Владивостокъ, Урунская станица—все это были проблески проснувшейся солдатской совѣсти. Но это были только проблески, которые не въ силахъ были разсѣять густой мракъ, окутавшій нашу миллионную армію. То тамъ, то здѣсь солдаты отказывались отъ повиновенія начальству, то тамъ, то здѣсь они предъявляли ему требованія, заговаривали о своихъ человѣческихъ правахъ, высказывали свое сочувствіе борющемуся народу, но нигдѣ солдаты не рѣшались открыто съ оружіемъ въ рукахъ возстать противъ правительства, нигдѣ они себѣ не ставили непосредственной цѣли насильственно низвергнуть правительство.

Возстаніе въ Свеаборгѣ и Кронштадтѣ есть великое знаменіе времени. Здѣсь впервые матросы и солдаты дали настоящее сраженіе врагамъ народа и съ бою овладѣли на моментъ перво-классною крѣпостью. Это заря новой жизни арміи, начало возрожденія солдата. Съ этого дня русскій солдатъ можетъ съ гордостью сказать: я умѣю умирать не только, какъ послушный, вѣрный рабъ начальства, но и какъ сознательный, вѣрный другъ народа.

Какъ громъ среди яснаго неба, эти возстанія поразили царское правительство. Неужели это начало конца? спрашивало себя правительство въ ужасѣ. Да, это начало конца, ибо эти возстанія не были и не могли быть случайностью. Солдаты присягали царю и отечеству. Большинство солдатъ искренно вѣрило, что, служа царю, они тѣмъ самымъ служатъ и отечеству. И что же случилось? Царь созвалъ Государственную Думу, созвалъ представителей, избранныхъ народомъ, и торжественно обѣщалъ надѣлать ихъ извѣстной долей законодательной власти.

Когда же Дума собралась, когда представители народа стали выполнять волю пославшихъ ихъ, когда они громогласно заявили о нуждахъ народа, когда они заговорили о землѣ

и волѣ, царь ихъ разогналъ. Кому же теперь солдату служить? Какъ ему теперь остаться вѣрнымъ присягѣ?

Эти вопросы не могли не возникать въ головахъ солдатъ во время засѣданій Думы, а когда Дума была разогнана, значительная часть арміи нашла отвѣтъ на этотъ вопросъ. Свеаборгъ и Кронштадтъ доказываютъ, что завѣса спала съ глазъ значительной части арміи. Народъ долго и съ нетерпѣніемъ ждалъ, когда, наконецъ, армія прозрѣетъ, когда исчезнетъ пропасть, отдѣляющая ее отъ народа, когда, наконецъ, армія перейдетъ на сторону народа. Желанный часъ наступаетъ. Народъ долженъ протянуть руку возставшимъ солдатамъ. Народъ долженъ рука объ руку съ солдатами выступить на бой съ царскимъ правительствомъ, разогнавшимъ Государственную Думу и насмѣявшимся надъ представительствомъ народнымъ и надъ волей народной.

Не поздно ли? скажутъ маловѣры. Вѣдь Свеаборгъ и Кронштадтъ уже подавлены, вѣдь одни изъ солдатъ уже разстрѣлены, а другіе со дня на день ждутъ той же участи отъ царскихъ палачей.

Нѣтъ, не поздно. Свеаборгъ и Кронштадтъ—это только первый раскатъ надвигающейся великой грозы. Если вся страна теперь поднимется, жертвы, павшія въ Свеаборгѣ и Кронштадтѣ, не пропадутъ даромъ.

Ихъ кровью крѣпится братскій союзъ между арміей и народомъ и уже обреченныя жертвы въ Кронштадтѣ и Свеаборгѣ умрутъ въ счастливомъ сознаніи, что они дали могучій толчекъ народной революціи, а тысячи и тысячи солдатъ, которые послѣ подавленія Кронштадта и Свеаборга остаются пока въ нерѣшительности, отбросятъ колебанія и послѣдуютъ славному примѣру своихъ Свеаборгскихъ и Кронштадтскихъ товарищей.

Наступилъ рѣшительный моментъ, и русскій народъ докажетъ, что онъ великій, достойный свободы народъ.

Да здравствуетъ революція!

Да здравствуетъ союзъ арміи съ народомъ!

Центр. Ком. Рос. Соціал.-Демократическ. Раб. Партіи.

Центральный Комитетъ партіи соціалистовъ-революціонеровъ.

Вѣчная память, свѣтлая слава павшимъ борцамъ Свеаборга, Кронштадта и «Памяти Азова»!

Вы отдали жизнь за русскій народъ и сослужили великую службу святому дѣлу свободы. Впервые цѣлыя вѣрности возстали противъ царскаго правительства и перешли на сторону трудового народа. Смѣло подняли вы надъ царскими твердынями великое знамя «Земли и Воли», гордо взвилось оно, еще сорокъ лѣтъ тому назадъ, орошенное кровью первыхъ русскихъ социалистовъ... Не даромъ пролита и ваша кровь, незабвенные товарищи. Ею подмыты устои самодержавнаго трона... Еще напоръ послѣднихъ волнъ, кровавыхъ волнъ Великой Русской Революціи, и преступныхъ тирановъ, мучителей и палачей не станеть на Руси! Близокъ день страшнаго суда надъ врагами народа.

Нашъ долгъ,—долгъ оставшихся въ живыхъ,—передъ свѣтлою памятью павшихъ борцовъ за святую свободу, долгъ честныхъ гражданъ, сыновъ своей родины — нести впередъ дружно и смѣло то знамя, за которое бились и подъ которымъ пали наши товарищи-герои.

За «Землю и Волю», за лучшую долю и счастье народа боролись герои, и намъ ту борьбу завѣщали.

И не слезы прольемъ мы надъ вашими могилами, а кровь мучителей вашихъ и палачей.

Свѣтлая, вѣчная память—погибшимъ!

Тяжелый, святой подвигъ живущимъ!

Месть и смерть—палачамъ!

Военная Организ. Россійск. Соціал - Демократической Рабоч. Партіи въ Финляндіи.

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

Солдаты!

Потоки крови, которыми орошается въ настоящее время русская земля, благодаря приказамъ гнусныхъ измѣнниковъ отечества Витте и Дурново и прочихъ мерзавцевъ, при полномъ бездѣйствіи слабоумнаго царя, грозятъ залить и Финляндію! Финляндію, виноватую только въ томъ, что она желаетъ, чтобы все дѣлалось по закону, чтобы богатые не угнетали бѣдныхъ, и чтобы законъ стоялъ выше правительства.

Законы въ Финляндіи вырабатываются и устанавливаются выборными людьми отъ всего народа, собирающимися на сеймъ.

До сихъ поръ эти выборы дѣлались такъ, какъ этого хотѣли богатые и господа: «Скачы враже, якъ панъ каже». Теперь народъ требуетъ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго избирательнаго права для всѣхъ финскихъ гражданъ, достигшихъ 21 года, безъ различія пола.

Этого же требуетъ и русскій народъ,—рабочіе и крестьяне, разстрѣливаемые нынѣ за это по суду и безъ суда адмиралами и генералами, или по просьбѣ разныхъ фонъ-бароновъ-помѣщиковъ, знающихъ, что съ завоеваніемъ этого права народомъ, они не будутъ имѣть возможность такъ беззащѣнно грабить народъ, какъ до сихъ поръ.

Русское правительство не хотѣло давать этого избирательнаго права Россіи, не хотѣло давать и Финляндіи. Манифестомъ отъ 22 октября послѣ всероссійской забастовки, поддержанной финляндцами, государь отмѣнилъ для Финляндіи всѣ незаконныя распоряженія, изданныя, за то время, когда генералъ-губернаторомъ былъ извѣстный хищникъ и грабитель Бобриковъ, который, прикрываясь тѣмъ, что якобы распространяетъ въ Финляндіи русское вліяніе, творилъ самыя отвратительныя беззаконія, стремясь къ одному: награть возможно больше денегъ. До Бобрикова жалованье генералъ-губернаторамъ было 64000 финскихъ марокъ. Онъ добился его увеличенія до 80000 марокъ, причѣмъ оплата вопреки финскимъ законамъ производилась изъ русской казны, а изъ финской казны такая же сумма представлялась въ его «распоряженіе» безъ всякаго отчета.

Такимъ образомъ, онъ сталъ получать 160000 марокъ. Позже онъ выхлопоталъ тоже «въ свое распоряженіе» 17500 марокъ на содержаніе двухъ чиновниковъ, при чемъ эти деньги выдавались въ томъ случаѣ даже, если на самомъ дѣлѣ чиновниковъ и не было. Впослѣдствіи эта сумма возросла до 40500 марокъ. Считаая разъѣзды по службѣ, когда Бобриковъ получалъ 72 марки въ день, всего ежегодно находилось въ его безотчетномъ распоряженіи 295000. Глядя на своего начальника, не клали охулки на руку и всѣ его подчиненные и тоже грабили финляндскій народъ, кто во что гораздъ. Подписывая манифестъ 22 октября и отмѣняя распоряженія Бобрикова, даже государь не могъ удержаться, чтобы не воскликнуть:

«Какъ меня обманывали относительно финляндцевъ».

Такимъ образомъ, благодаря дружнымъ усиліямъ русскаго и финскаго пролетаріата 22 октября 1905 года беззаконіе въ

Финляндіи отмѣнено. Русскіе грабители въ видѣ губернаторовъ и прочихъ чиновниковъ уволены отъ должностей. Конечно всѣ эти хищники не могутъ примириться съ утратой жирнаго пирога, они распускаютъ нелѣзную басню о томъ, что Финляндія якобы стремится отдѣлиться отъ Россіи и стать отдѣльнымъ государствомъ, они стараются разжечь гнѣвъ государя и устроить въ Финляндіи такую же кровавую бойню, какую правительство устраивало въ Москвѣ, Голутвинѣ, Перовѣ, въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, на Кавказѣ, на всемъ югѣ Россіи и по всей Сибири. Они хотятъ залить Финляндію моремъ крови, чтобы въ ея потокахъ утопить, отнять обратно все то, что было дано въ октябрѣ, уничтожить свободу и ввести произволъ, при которомъ снова удобно будетъ грабить беззащитныхъ финляндцевъ.

Солдаты и матросы! Вся стремящаяся къ свободѣ Россія возстала въ настоящее время на гнусное и мерзкое правительство. У правительства осталась одна надежда на помощь войска. Правительство думаетъ, что, увеличивъ солдатамъ жалованье, пообѣщавъ сократить срокъ службы и оставляя безнаказанными всѣ преступления дворянъ, офицеровъ и генераловъ въ тѣхъ губерніяхъ Россіи, которыя объявлены на военномъ положеніи, оно подкупитъ этимъ пряникомъ совѣсть солдатъ и заставитъ ихъ слѣпо исполнять волю гнусныхъ министровъ Витте и Дурново, надменно попирающихъ божескіе и человѣческіе законы.

Но, солдаты, правительство ошибается. Совѣсть подскажетъ вамъ, на чьей сторонѣ правда, и вы не позволите себѣ употреблять ружья и пушки, купленные на народные деньги, противъ народа, борющагося за свободу и за правду. Для того, чтобы возбудить солдатъ противъ финляндцевъ, русскіе министры не стѣсняются даже распускать наглую ложь, что во время послѣдней забастовки рабочихъ въ октябрѣ — иконы, взятые изъ полицейскихъ участковъ, ввергались въ отхожія мѣста. — Не вѣрьте этимъ мерзавцамъ провокаторамъ, солдаты и матросы! Финнъ одинаково уважаетъ всѣ религіи, русскаго рабочаго и крестьянина любитъ, какъ братьевъ, а ненавидитъ онъ только русское правительство и богачей-кулаковъ. Въ своей прокламаціи къ солдатамъ въ январѣ этого года финскіе рабочіе говорятъ: «никакіе предразсудки національныя не должны раздѣлять финновъ отъ русскихъ. Соціализмъ соединяетъ въ своемъ лонѣ какъ сыновей великой Россіи, такъ и сыновей мрачной,

угрюмой Финляндии», — и подписана эта прокламация: «ваши братья финские рабочие».

Эти люди неспособны глумиться над русскими святынями.

Центральная Группа Военной Организации.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО.

Товарищи-рабочие и вообще все сознательные граждане!

Мы, артиллеристы крепости Свеаборга, идем в Сибирь на каторжные работы на сроки от 12 до 20 лет. Наказаны мы так за то, что наше солдатское наболтвшее сердце не выдержало невыносимого произвола и насилия; не дождавшись вас, рабочей народ, и всероссийской революции, мы с оружием в руках возстали против наших грабителей и палачей. Мы потребовали от пехоты присоединения к нам, чтобы соединенными силами бороться за это святое народное дело, но вместо присоединения она по приказу грабителя-коменданта крепости встретила нас ружейными залпами. Тогда и мы, озлобленные таким поступком, 17 июля вооружились ружьями, забрали патроны, взломав замки в складах и пороховых погребах, достали оттуда пулеметы, орудия и боевые припасы и потребовали еще раз присоединения. Получив категорический отказ, мы подняли на крепостном флагштоке красный флаг с надписью: «Учредительное Собрание! Земля и Воля!» и открыли огонь с трех фортов по Центральной крепости из ружей, пулеметов и орудий всех калибров, пустили в ход 11-дюймовые пушки. На Центральной крепости в это время находился комендант и его телохранители—его матушка пехота, его страшная святая скотинка, которая еще до сих пор не пришла к сознанию, врать в какую-то как будто бы Богом данную присягу, по которой они согласны застрелить отца своего и брата, не щадя даже своей матери.

Мы продолжали бомбардировку по 20 июля, желая завладеть всей крепостью и проложить себе дорогу до города Гельсингфорса там предполагали соединиться со стрелками и левой артиллерией, а также и с флотом; образовав таким образом внушительную силу, думали потребовать от правительства исполнить требования трудовой партии — требования

Земли и Воли. Вечеромъ на 20 іюля ожидаемый нами съ негерѣніемъ флотъ, наконецъ, показался на горизонтѣ и мы, утомленные трехдневнымъ боемъ, привѣтствовали его радостными криками «ура».

Еще горячѣе принялись мы за работу, ободряя упавшихъ духомъ товарищей, но мы были жестоко обмануты: подойдя на разстояніе 12 верстъ отъ крѣпости, флотъ открылъ по насъ огонь. Началась ожесточенная бомбардировка. 12-ти дюймовые артиллерійскіе снаряды съ броненосцевъ одинъ за другимъ зловѣще гремѣли въ воздухѣ надъ нашими головами, дѣлая то недолеты, то перелеты черезъ наши батареи; около нашихъ ушей, какъ шмели, жужжали ружейныя пули со стороны стрѣлковъ и пѣхоты, которые, послушные воли начальства, подавляли возстаніе. Когда съ броненосцевъ стали посылаться снаряды все чаще и чаще, мы послали на суда депутатовъ узнать, почему матросы стрѣляютъ въ насъ; но нашихъ депутатовъ тамъ арестовали.

Какъ потомъ оказалось, на судахъ передъ тѣмъ какъ послать ихъ на усмиреніе, матросовъ, которые были за одно съ нами,—садили, а вмѣсто нихъ взяли команду изъ кадетовъ.

Депутаты наши, хотя и были арестованы, но сообщили намъ семафорно, что флотъ черносотенный. Тогда мы направили и зарядили 11 дюймовыя пушки и только хотѣли дать залпъ по нему, какъ вдругъ отъ неизвѣстной причины, у насъ на Михайловскомъ форту взорвался пороховой погребокъ, въ которомъ было 4050 пудовъ пороха. Взрывомъ этимъ нѣсколько человекъ было убито и много ранено.

Растерявшись отъ этого, люди стали просить прикончить осаду; на это всѣ согласились и въ 10 ч. утра 20 іюля сложили ружья, побросали въ заливъ патроны и замки отъ орудій, а сами сдались безъ сопротивленія.

Когда-же насъ арестовали, то загнали въ какую-то грязную и сырую казарму и въ ней стѣснили 800 человекъ до того, что приходилось и спать, сидя; пищу получали одинъ разъ въ сутки, да и то кой-какую. Вскорѣ началось предварительное слѣдствіе, въ результатѣ чего 2-хъ горячо любимыхъ нами офицеровъ — Емельянова и Коханскаго и 5 фейерверкеровъ предали военно-полевому суду и 29 іюля разстрѣляли.

Насъ-же въ числѣ 694 чел. предали военному суду. Судъ приговорилъ 19 человекъ къ разстрѣлу, но вдругъ въ душѣ наемныхъ палачей произошло что-то необычайное, и разстрѣл

нашъ былъ замѣненъ катаргой! Повѣрьте, товарищи, не страшна намъ была только что миновавшая насъ смерть;—не страшить насъ и предстоящая намъ каторга.

Одно намъ только тяжело, это то, что мы уѣзжаемъ отъ родныхъ семей, покидаемъ ихъ на произволъ судьбы; это намъ причиняетъ невыносимыя муки.

Товарищи! долго-ли мы будемъ молчать? Довольно насилія и произвола! Ежедневные разстрѣлы и висѣлицы, невыносимыя тѣлесныя наказанія,—все это приводитъ въ ужасъ и заставляетъ трепетать и кровью обливаться сердце русскаго чело-вѣка, любящаго свою несчастную, истерзанную палачами родину. Изъ-за чего всѣ эти страданія? И для кого они нужны? Наше правительство, удивившее весь свѣтъ своими жестокостями, подобно хищному звѣрю, требуетъ вмѣсто обѣда каждый день человѣческой крови, крови нашихъ отцовъ, матерей, сестеръ и братьевъ—и самихъ насъ; и мы сами по ихъ принужденіямъ проливали эту святую невинную кровь. Товарищи! не смотря на все это, на разстрѣлы, висѣлицы и вездѣ и всюду вводимыя военныя положенія, усиленныя и чрезвычайныя охраны,—надо работать, работать умно, хитро и предусмотрительно, работать усиленно. Врагъ, съ которымъ мы боремся, держался многіе годы на крѣпкихъ опорахъ, но опоры эти одна за другой теперь рушатся,—едва не упавшій тронъ чуть держится на послѣдней своей опорѣ—на солдатской темнотѣ; врагъ старается уврѣпить свои позиціи и еще болѣе одурачить солдатъ, но напрасно: глаза товарищей открываются. Сознаніе ихъ проясняется,—послѣдній оплотъ правительства все больше шатается; скоро онъ долженъ рухнуть вмѣстѣ со своими палачами-мучителями народа.

Долой произволъ и насиліе!

Долой преступное правительство!

Смерть палачамъ!

Да здравствуетъ Всероссийская Революція!

Бывшій фельдфебель нестроевой роты
Свеаборгской крѣпостной Артиллеріи С. Алексѣевъ.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	СТРАН.
Предисловіе.	5
I. Краткій историческій очеркъ Свеаборга.	7
II. Октябрьская забастовка и ея причины.	14
III. Слѣдствіе. Пріѣздъ Лайминга.	31
IV. Дѣйствіе и противодѣйствіе.	33
V. Начало конца. Наканунѣ возстанія. Ночь возстанія. Попытка организаціи санитарнаго отряда Краснаго Креста.	41
VI. Первый день возстанія. Раненые. Вылазка.	51
VII. Мой пріѣздъ. Марсельеза.	55
VIII. Второй день возстанія. Письмо Аггѣва. Красный и бѣлый флагъ.	61
IX. Сдача. Бѣглцы. Разстрѣлы.	69
X. Событія въ городѣ. Красная гвардія.	73
XI. Судъ и казнь.	81
XII. Заключение.	86